

Оксана Демченко

ВОШЬ НА ГРЕБЕШКЕ

Оксана Демченко
Вошь на гребешке

«Издательские решения»

Демченко О.

Вошь на гребешке / О. Демченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968418-9

Нитль — не царствие небесное, поскольку вечный (и любой иной) покой в нем не существует и не является прижизненной или посмертной мечтой обитателей. В тугом сплетении корней этого яростного мира нормальному человеку не выжить. А если с чьей-то неустанной помощью он все же уцелеет, то прежним — нормальным — точно не останется! Ведь он однажды был в Нитле. Жил каждый день, как единственный. Терял бесценное, выбивался из сил, отчаивался... И делал новый шаг. И гордился тем, что он — человек.

ISBN 978-5-44-968418-9

© Демченко О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Влад. Старые друзья и новые сложности	6
Глава 2. Тэра Ариана. Предсказание для королевы	10
Глава 3. Влад. Единственный шанс	18
Глава 4. Черна. След серебра	23
Глава 5. Влад. Разговор не по душам	33
Глава 6. Черна. Выбор рудной крови	37
Глава 7. Влад. Испорченный вечер	47
Глава 8. Черна. Безнадежный бой	51
Глава 9. Влад. Ночь кромешной тьмы	63
Глава 10. Милена. У края небытия	66
Глава 11. Бэл. Долг старшего ученика	77
Глава 12. Милена. Нежданная встреча	88
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Вошь на гребешке

Оксана Демченко

Корректор Борис Демченко

Фотограф база shutterstock.com Hapetr

Иллюстратор база shutterstock.com Color Symphony

© Оксана Демченко, 2019

© база shutterstock.com Hapetr, фотографии, 2019

© база shutterstock.com Color Symphony, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-8418-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов от автора.

Отдельное спасибо Илье Новикову за конструктивные правки и поддержку.

Как и для прежних книг, для этой папа был первым читателем, а мама – вторым. И это большое счастье. Но, каюсь, я так и не поменяла название книги, хотя мама просила убрать «вошь», ну очень уж звучит несимпатично, даже неприглядно... пусть и по существу.

И спасибо заранее всем читателям, которые посетят Нитль, найдут интересным и оставят о нем отзывы, чтобы кто-то еще нашел дорогу в этот мир, напрочь лишенный покоя и стабильности. Он сильно вымотал меня: написать черновик книги было проще, чем довести его до относительно чистого и годного к печати вида.

Небольшой совет по прочтению.

Нитль совсем иной, чем наша «плоскость», и как раз из-за радикального несходства в тексте первых глав размещено огромное (автору стыдно, но да – огромное!) количество примечаний. Их можно и не читать сразу, чтобы не отвлекаться от истории как таковой. Однако же они важны для понимания разности смыслов одних и тех же слов в нашем мире – и Нитле. Почти все двусмысленности толкования обычных слов, а равно и определения смыслов необычных, собраны воедино и помещены в комментарии после книги. Если кому-то проще прочесть их отдельно от текста и привыкнуть к ним – начните именно с комментариев. Уж точно поймете причину отсутствия карты Нитля.

Еще одно уточнение. Плоский мир в книге очень, ну очень-очень, похож на Землю. Но это тот случай, когда уместно сказать: «Любые совпадения названий городов и стран, а равно имен людей и исторических событий – случайны». Вернее, типичны для любого плоского мира.

А теперь – добро пожаловать в Нитль. В этот неплоский мир, который сам решает, кого впускать, а кого вышвыривать вон. Автора Нитль и впустил, и вышвырнул после финала. Что же делать – да, я не великан, мне родным был и остался наш плоский мир. Но мне повезло наблюдать за жизнью тех людей, кто вполне себе – великаны.

Глава 1. Влад. Старые друзья и новые сложности

Москва, октябрь 2012

Уникальность – изнанка однообразия. Все мы, норовя выделиться, покупаем телефон «того самого» бренда или сильно похожий. Снабжаем его чехлом «того самого» дизайна. Сигнал выбираем модный и стильный. Где ты, о чудо?.. Мы словно раз за разом снимаем копию с некой социальной инструкции, и становимся именно так различны, что попробуй угадай, кто есть кто... Мы – типично уникальные и шаблонно нестандартные.

Вот зудит зуммер. Это очередной штампованный мечтатель выбрал мелодию, желая выделиться из массы простаков, чьи мобильные наперебой орут «давай, наливай», «ну, возьми трубку, з-зз» и прочие глупости, вышедшие из моды. Но умник учуял перемены, он – «в тренде»... вот только по карманам и сумкам непроизвольно шарит полвагона: они тоже в тренде или стремятся туда, прослушав сигнал к переменам, поданный мобильником шефа, успешного друга или заклятого офисного врага...

– Придурок, ептыть, да заткни эту дрянь! – шипит кто-то, прижатый в углу. Он, вероятно, дремал стоя и теперь очухался, не досмотрев сон.

Волна неосознанных движений катится по вагону, отражается на лицах. Они искажаются и снова замирают в безразличии. Трубка трепыхается все активнее, уподобившись зараженному птичьим гриппом обывателю, подышающему без всякого вируса от современного колдовства по имени «сенсация быстропрожаренная».

Наконец, вызываемый абонент сообщает: именно его телефон заявил о своей уникальности. Все, звонок принят, тип сигнала опознан.

Сглотнув непроизвольный зевок, менеджер среднего звена извлекает из внутреннего кармана трубку. Он был определенно – менеджер. Весь вагон понимает это и молча выражает неодобрение. Еще бы, кому-то на пиво не хватает, а прочие-разные выделяются...

Обладатель модной трубки переминается с ноги на ногу, сберегая вычищенные ботинки от натиска дешевых кроссовок и пацанских башмаков. Его пальто – пока не английский кашемир, но уже и не китайская куртка «здравствуй, столица». И шарф брендовый, и перчатки – вполне себе оленья кожа. А еще дорогой одеколон и шлейфом к нему – едва заметная брезгливость в выражении лица. Он едет в этом вагоне лишь потому, что бережет время, стачивая крепкие нервы о локти пригородных люмпенов: на машине до офиса – три часа по пробкам, а прежде подъем глухой ночью и сумеречная ненависть к дешевой кофеварке. Иногда удобнее выспаться всласть и часок потолкаться в среде, покинутой лет пять назад и потому вдвойне чуждой. Ни один столичный князь не вспомнит, из какой региональной грязи произрос.

– Владислав слушает, – начинающий князь выговаривает приветствие солидно, каждым словом он одновременно поднимает культуру общения по телефону и дает потному вагону мастер-класс без оплаты.

Лицо делается приветливее, презрение уходит, доброжелательное внимание заполняет взгляд, как теплая вода – ванну... О-ля-ля, коммунальщики отключили отопление? Похоже, так: доброта остывает, локоть уходит ниже, пальцы неласково перехватили трубку: неденежный, ненужный разговор.

– Ну, здарсьте, – тон окончательно сменился.

Быт прорвался в речь и давит, Владислав невольно ощупывает карман, сквозь пальто ведет учет сигаретам. Курение – универсальное средство задымления пустых тем.

– Нет. Нет, м-мне не интересно, – цедит он сквозь зубы. – Это твои проблемы, так? Включи мозги и решай. Мы взрослые люди. Слушай, давай без этих вот... Все, у меня важный звонок на второй линии, п-пока.

Телефон для менеджера – как меч для самурая или кольт для шерифа. Выверенным жестом погасив чужую истерику, Влад уделяет полсекунды благожелательного внимания недавнему приобретению. Плитка темного пластика одним своим видом внушает веру в успех – и еще, увы, напоминает о кредите со слегка просроченным последним платежом. Отбросив ненужные мысли, Влад поправляет разъем наушника, и устраивает трубку во внутреннем кармане. Чуть погодя, словно желая повторно напомнить о сроке выплат, зуммер вгоняет черный пластик в дрожь. Но теперь достаточно тронуть шнурок, не дразня окружающих видом престижного мобильного.

– Владислав слушает. Костик, ну конечно, в любое время. Как же, думал о тебе: пропал, весь в делах. Ну да, дела, у меня тоже интересный проект, продвигаюсь. Обед? Приглашаю, конечно... Сможешь прямо сегодня? Ах, новый? Растешь, уважаю. Слышал тебя вечером по радио. Не побоюсь пафосных слов, ты был в ударе, ты показал им, кто профи, да. Конечно, я звонил Лёвке, мы в контакте... Хорошо, в час.

Телефон отключился, Влад тоже погас. Зевота исказила лицо флюсом: сигарет в пачке – теперь понятно – две. А вот у Костика новый проект и новая машина. После кризиса в Европе стало модно приглушать роскошь, выбирая тусклые цвета. Кто в тренде, тот отследил. Как Костик: его авто имеет тон гнилого баклажана. Приятно понизить градус впечатлений сравнением цвета «мокко» – с овощем. Хотя... помогает не очень: школьный друг сейчас не толкается в вагоне. Он в новом авто, к его услугам климат, шумоизоляция, шикарная акустика... и несравнимый ни с чем запах сладкой жизни. Отсюда, из давящей переполненного вагона, он кажется особенно роскошным.

Владислав опять поправил шнурок наушников, подозрительно косясь на соседа. Владелец бритого затылка чувствительно и, вроде бы случайно, ткнул локтем в ребра и невнятно буркнул то ли извинение, то ли грязные слова. Не разобрать. Зато домысливается безупречно...

День тускло начался. Чужой успех, заслуженный по праву, добытый в поте лица, трудно принять. Ведь ты не мерзавец и не желчный жлоб, ты рад за друга... искренне рад. Хотя это требует порой усилий. Если бы приятель выиграл «Ауди» в лотерею, радоваться было бы проще. Слепая фортуна – баба, а бабы, как известно, дуры. Но Костик заработал. Явился в столицу из ниоткуда, пробился из серой массы в элиту, не разучившись искренне и заразительно улыбаться, не утратив способности приглашать в дом гостей, помнить старых друзей.

Владислав едва слышно выругался, увернулся от нового тычка бритоголового. Получил невесть от кого в спину, охнул на выдохе. Поезд затормозил. Мутный вал тесноты покатился, сминая людей, уплотняя общее раздражение... Кто-то придавлено забормотал о хамстве, в голосе наметилась истеричность. Поезд наконец-то замер, ослабился щербинами дверей, исторгнул серо-черную массу тел, будто рвоту. В потоке дурного запаха Влада вынесло на перрон, протащило метров десять, хотя он греб изо всех сил, выбираясь к «берегу». Справился. Проверил документы, прощупал телефон, порадовался, что снова обошлось без потерь – и заспешил на пересадку. Еще десять минут по кольцу, пять на покупку сигарет и пять – чтобы быстрым шагом добраться до проходной. И надо приложить карточку к красному глазу электронного вертухая хоть за минуту до начала рабочего дня. Эту неподкупную сволочь способны «обломать» лишь системщики главного офиса. Но их доброта сродни манне небесной – нереальна и недостижима. Надо вдобавок к грехам и покаянию иметь грудь, как у Машеньки, и такую же тупую коровью покладистость, чтобы являться с опозданием в пятнадцать минут – и шагать, нахально качая бедрами, мимо всех штрафов напрямиком в серверную...

Телефон, утомившись молчать, разразился веселенькой трелью – так он откликнулся на незнакомые номера. Приступ чьей-то общительности пришелся на момент, когда вагон рас-

пахнул двери, позволяя Владу убедиться: войти просто нельзя, втиснуться – тоже. Но сзади налегли и вплющили Влада в сплошную стену тел, и прием звонка совершился без согласия абонента, на кнопку гарнитуры нажал чей-то рюкзак, заодно вмявшись в щеку туристически грязным боком. Пока Влад отплевывался и спасал лицо, в ухо уже пришепetyвали, желая здоровья так многословно и радостно, что сразу понятно – неискренне. Вдобавок голос узнался с первого звука, с характерного втягивания ноздрями. Так готовился к приветствию Егорушка, в восьмом классе получивший незабываемое прозвище – Иудушка. Он не звонил лет пять и не должен был дозвониться: нынешний номер появился недавно.

Влад оскалился, отдавливая рюкзак и глотая рычание пополам с руганью. Он вдруг почувствовал себя самоуверенным паладином из сетевой бродилки: сунулся в пещерку давно изученной локации – и оказался зажат в углу драконом-неубивайкой. Пойди пойми, то ли нарисовался большой Босс, то ли разработчики глумятся, к празднику принарядив ничтожного врага в парадную шкурку. Отступить поздно, хотя команда так себе, и не понять, ты успеешь их кинуть, или они ловко прикроются тобой.

– Владислав слушает, – не изменяя привычке, выдохнул Влад, поборов-таки рюкзак.

Поезд нырнул в тоннель, но проклятушая связь и не подумала прерваться. Иудушка, вероятно, и тут успел подмазать. Он вообще знал все о чужих делах, и теперь старательно льстил, хихикал. За просто так делился ценными сплетнями. То ли с ума сошел, то ли действительно нуждался в помощи «друга», пусть даже никогда и не было дружбы. Ну, курили возле школы, а еще Егорушка добыл больничный в нужное время, хотя ему, при папаше педиатре, это ничего не стоило.

Поезд дернуло на стрелке, свет мигнул – и звонок оборвался, долгожданно, но увы, запоздало... Влад успел разобрать, что не-друг желает встретиться в обеденный перерыв в торговом центре. Том самом, рядом с работой, куда одновременно приедет Костик.

Вылетая спиной вперед из вагона, Влад закрыл глаза и ясно представил, как худощавый татарин Костик, человек упрямый до фанатизма и крепкий, как еловый корень, душит рыхлого еврея Егорушку. Костик сжимает пальцы на булькающем горле, улыбается уголками губ. Он отдает себе отчет в том, что совершает глупость... Но исполнит до конца обещание, громко высказанное при последней встрече с Иудушкой.

– Б-бред же, – шепотом утешил себя Влад. – Мы взрослые люди...

Невесть откуда явилась совсем мыслишка-ухмылка: «И никакого национализма, просто старые долги». Вот дурь-то! А если додушит? А если вдруг... Тогда после стычки не кто иной, как общий знакомый Владислав даст показания. Письменно: что видел, что слышал, что готов подтвердить и опровергнуть? Или чего не видел и не помнит, ведь так – логичнее...

Костик всего год учился в одной с Владом школе, для ребенка из семьи военного переезда – обычное дело. Увы, повзрослев и обжившись в столице, Костик, кажется, остался казарменно прямолинеен во взглядах. Если Костик прочтет осторожные показания приятеля, лицо его делается сосредоточенным, и номер с красивым сочетанием цифр будет педантично удален из всех записных книжек.

Перспективы грядущей ссоры напрягли. В другой день все это показалось бы бредом, но сегодня – толкучка, две сигареты, вонь и прочее-разное. В такой день надо быть осторожным. В такой день самое то – затаиться и выждать, но не получится ведь!

Пальто показалось тонким, озноб ожидания не свершившейся маловероятной беды прордал до костей. Быстро шагая через вестибюль метро, Влад убеждал себя: не теряй время, думай, как отменить хотя бы одну встречу. А лучше обе. Ищи способ! Хотя Костик не того полета птица, чтобы менять его планы без причины. Егорушка, гнида, наверняка отключил телефон, навязав встречу. Точно, «аппарат абонента выключен», и свежее сообщение с его номера: название кафе. Это фудкорт, западное крыло.

– Костик? Эх, занятой человек, не дослушал, – шутливо укорил Влад, едва разобрал в наушнике знакомый голос. – Да, я умею предусматривать важное, как-никак, лучший спец по выставкам и конференциям. Уж не забывай, если что... Нет, не намекаю, я по теме обеда. Давай в рыбном ресторане, я недавно смотрел место. Так сказать, сделал тест. Да, обещаю, понравится даже тебе. Восточный вход, удобно подниматься с парковки. Да, я заботливый, рад, что ты заметил. Ну, пока, жду.

Уже приложив карточку к красному недреманному оку контроля, Влад вспомнил о некупленных сигаретах. Паршивый день сделался еще чернее.

Глава 2. Тэра Ариана. Предсказание для королевы

Нитль, замок Файен, предосенний сезон бронзовой луны

«Немолодым слышится гулкое эхо», – Тэра Ариана Файенская усмехнулась мыслишке и придавила её каблуком. Припечатала звучно, резко. И эхо покатилося...

Молодые равнодушны к эху. Они бегут, оставляя позади весь грохот. А старики шаркают, отстают и вынужденно слушают. Зрелость наполняет рассудок и подсушивает душу. Это можно знать, учитывать – но нельзя изменить. Ты в полной силе, ты понимаешь связи и само плетение корней мирового устройства... Но недоросли все равно бегут впереди!

Тэра поправила прядь волос. Наивно полагать, что сила и слабость определяют победу либо оправдывают поражение. Закономерности фальшивы. Победители войдут в историю сильными и правыми, изъясняя неприглядные факты. Они недвусмысленно укажут: победа была неизбежна, путь к ней тернист, но пройден честно. Проигравших объявят злом, а себя – носителями света.

Проигравшие честны не более. Они скажут: цепочка событий целиком – роковая случайность. Победители слабы душою, но коварны. Путь их ведет к грубой власти¹, он очернен предательством и ложью.

В чем истина и есть ли она в мире? Пророки² осторожно намекают: есть, но далеко не во всяком. Прорицатели смущенно поджимают губы и молчат. Их уста не для истины, ведь малое прозрение – лишь перебор теней и серебряных бликов, отбрасываемых замыслами, личностями... Сами зрячие, прорицатели не обладают силою высоко подняться над миром «слепых» и пребывать вне течения суетной жизни. Прорицатели и даже пророки – всего лишь люди, их личности преломляют свет истины в кристаллах душ. При этом они искажают поток. Или все же – очищают? Кто знает наверняка...

Тэра Ариана Файенская думала о победителях и проигравших – и шагала по широкому коридору своего³ замка. Она перебирала в бледных пальцах бусины-подвески снятого с запястья браслета. Мысли в голове так же неловко пересыпались, норовили вывернуться и со стуком укатиться в тень у дальней стены, чтобы там, в укромной щели, затаиться надолго.

Коридор пронизывал главное строение строго с юга на север. С каждым шагом Тэра удалялась от трехстворчатого окна с полукружьем кладки свода. Там – юг, и сквозь мозаику центральной секции щедро вливается свет, согретый рыжими, желтыми и алыми тонами. Главная часть картины – собранный из искристых фрагментов стекла дракон⁴. Он висит в серебре зенитного луча и выдыхает многоцветное пламя изначальное.

Тэра уходила все дальше к северу, к узкому противоположному окну, где человеческая фигура, выполненная из полированной стали, удерживает тяжелый плоский свод оконного переплета, заслоняя почти весь проем и пропуская извне лишь скудные крохи холодного окраинного света... Тэра шла к сердцу замка, его каминному⁵ залу, и знала наверняка, кого застанет

---

¹ Власть в понимании Нитля уже зло. Первооснова закона этого мира – свобода каждого и развитие «внутри», через духовный рост.

² В Нитле принято говорить: «Пророков нет и на севере». Хотя суть дара этого луча, так называемого северного – именно умение видеть мироздание в той или иной полноте его вариантов и учитывать, а порой и формировать, ключевые моменты. На севере, где дар понимают куда лучше, говорят: «не мни себя пророком, надорвешься».

³ Впрочем, то же самое о хозяйке мог бы сказать Файен, вздумай он заговорить.

⁴ В современном Нитле драконов полагают абстракцией, как и великанов. Те и другие присутствуют в миропонимании людей этого мира, как крайняя форма развития дара силы и духа. На вопрос ученицы о соотношении того и другого вида дара Тэра Ариана однажды раздраженно буркнула: «Это не поваренная книга, милочка!»

⁵ Живое пламя тепло встречает гостей и приятелей, не покидая родного камина, что в целом разумно, не так ли?

там. Но не желала верить в худшее. Иногда не верить – значит, не прорицать. Не прорицать – значит, оставить случаю хоть малую, а все же свободу.

Чужой слуга почтительно поклонился и распахнул обе створки дверей, заливая коридор светом с востока, из главного зала, расположенного по правую руку от идущей. Стали видны окна, сияние светлого узорного пола, тень высокого кресла, установленного рядом с древним основанием зенитного⁶ камня замка. Тэра поджала губы, нехотя шагнула в зал: случай не расстарался, не воспользовался данной ему свободой. Гостья здесь... незваная гостья.

– У тебя есть то, что я готова оплатить, – прямо начала худенькая женщина, занимающая кресло у камина. Она настороженно, из-под ресниц, смотрела в мрачно-бурый от гнева огонь, не уделяя и полувзгляда вошедшей в зал хозяйке замка. – Я слушаю.

– Клянусь озарением, но... вы? Здесь? Я не поверила предчувствию, я усомнилась в указаниях звезд и сожгла две колоды карт судьбы. Но вы...

– Какие прогорклые страсти кипят в масле, полученном из прессованного страха, – мелодично рассмеялась гостья.

Возраст её не угадывался по лицу, гладко обтянутому кожей. Нездоровье и растроченная молодость не сменились дряблостью старости, бледное лицо казалось изъятым из потока времени, ненастоящим. Вдобавок и тело было кукольно недвижно, плечи чуть сутулились, хотя никакого горба на спине не замечалось. Прическа властной гостьи зализывала волосы до отвращения гладко, не позволяя судить об их густоте и волнистости. Темное платье норовило слиться с тенями.

Гостья поправила тяжелый медальон на длинной цепочке, единственное заметное украшение. Некоторое время она любовалась гербом, выложенным самоцветами. Лишь рассмотрев узор в деталях и ласково погладив изгибы корней, составляющих подобие короны, гостья, наконец, обернулась к вошедшей. Под пристальным вниманием некрупных глаз та мгновенно сложилась в почтительный поклон, всем видом признавая свою роль – низшей, слабой. Едва взгляд гостьи снова обратился к огню – главному и слишком опасному врагу незваных гостей, хозяйка замка вздохнула свободнее, прошла пальцами по браслетам на левом запястье и постепенно выпрямила спину. Сделала несколько шагов вперед.

Каминный зал – не то место, куда запросто допускают пришлых. Тем более чужакам не позволяют сидеть в кресле у живого огня. Нынешнее положение гостьи давало ей наилучшую возможность диктовать условия: хозяйка замка отрезана от своего пламени и вынуждена стоять вне срединного узора духа, образуемого близ кресла плитками нужных оттенков.

Пока на стороне хозяйки оставалось лишь одно обстоятельство: гостья не обладала силой⁷ здесь, в землях вне зенитной границы, тем более теперь, когда солнце еще не покинуло полуденного своего положения. Да и лето – пусть оно на исходе, а все же еще греет, питает дух. Сезон бронзовой луны тих и благодатен, но даже зенитные вальзы⁸ вряд ли готовы испытывать хрупкость этой тишины, затевая склоки.

– Вы не пробовали сообщать о визите? Так недолго налететь на неприятности, у меня толковая охрана, сюда нельзя просочиться, – досадливо посетовала хозяйка замка, пробуя заявить о некоторой самостоятельности.

---

⁶ Зенит – точка схождения лучей дара и основание срединного луча, по мнению обитателей Нитля осевого для мироздания. Мнение мироздания по указанному вопросу уточнить сложно – ну, о пророках выше было сказано. А кроме них кто поможет в столь специфической коммуникации?

⁷ Таково мнение самой Тэры о силе указанной гостьи. Оно не отражает в полной мере возможности подлинных носителей короны.

⁸ Если постучать в ворота замка, можно добиться права войти, даже не имея повода или дела. Это приведет к немедленному взвешиванию даров и определит склонность к силе, создающей ангов, или духу, возрадившему немало вальзов. Хотя нынешний пекарь замка Файен вошел и просто отмахнулся от глупостей. Сила, дух... кушать всем надобно, – так он сказал и возразить ему не решился сам Файен. Пекари – они такие. Кого угодно в тесто раскатают.

– Меня провел твой слуга⁹, я не дождь, чтобы искать дыры в гнилой крыше, – поморщилась незваная гостья. – У тебя, душечка, дешевый слуга... был. Прочие обошлись дороже, но я не прошу возместить эту услугу, хотя благодаря мне, душечка, ты избавилась от пяти предателей.

– Я не нуждаюсь в услугах, но отмечу: я ценила своих предателей и умела держать их в узде, – обозлилась Тэра. – Это вы распустили вожжи, милочка. Именно вам нужна услуга. И, как я понимаю, особенная.

– Даже не торгуюсь, – едва заметно улыбнулась гостья, глядя сквозь хозяйку замка, снова согнутую поклоном и еще более – страхом, который порою весьма выгодно не таить от сильных. – И, как мы обе знаем, ты ругаешься, когда прячешь страх... Садись, я слушаю.

– Как вы...

– Душечка, я уже здесь, мои люди провели подготовку. Значит, ты сама, если искать сравнение, красиво летишь с обрыва. Подумай, как бы приземлиться помягче, – ласково предложила гостья и добавила резким тоном. – Сидеть!

Тэра опустила в указанное ей кресло. Под тяжелым взглядом гостьи снизила перстни, стащила через голову массивную цепь, на каждом звене которой был укреплен амулет¹⁰. Помешкала и нехотя удалила из волос три шпильки с головками из черного, без единой пестринки, шарха¹¹. Гостья шевельнула пальцами, из-за портьеры явился слуга, смахнул вещи в мешочек и унес, положил у самой двери на пол и замер рядом. Второй явился бесшумно из-за спины: хозяйка замка не смогла спрятать дрожь удивления. Слуга был багров от натуги и едва справлялся с тем, чтобы бережно нести груз в коконе темной ткани. Тяжесть со стуком легла на столик, слуга поклонился и попятился к дверям.

Гостья шевельнула рукой, приглашая удовлетворить любопытство. Под тканью на низкой столешнице оказался шар природного хрусталя¹², сразу же установленный слугой в центральное углубление. Вряд ли хоть один сведущий человек мог предположить, что существует такой крупный шар, без единой трещинки, без малейшего облачка мутности. С идеальной полировкой и внутренним концентрическим сиянием, доказывающим безупречность сферической формы.

Каминный зал был создан так, что позволял собрать на сфере, помещенной в углубление стола, свет дюжины узких окон и семи дополнительных круглых линз, встроенных в потолок. Но никогда прежде шар, помещенный в углубление, не сиял столь сложно, не полнился такими отчетливыми образами. По темной, зеленовато-коричневой штукатурке стен плыли маслянистые блики. Они выплескивались на шатровый потолок, мешаясь с отсветами пламени большого камина. Подобный рыжеватуму мху ковер застилал пол вне мраморного узора, глушил шаги и смягчал блики. Полуприкрытые портьеры создавали призрачные тени, которые наслаивались, текли и ловко возвращали взгляд к главному в этом зале – к сфере.

– Она станет оплатой за труд, – пообещала гостья. Растянула лягушачьи губки и добавила: – Само собой, я буду помнить, кому оставила ценный дар. Так что не делай глупостей, душечка, прикажи впредь впускать меня в любое время. Договорились?

---

⁹ Пекарь, кстати, именно слуга.

¹⁰ Некоторые верят в амулеты. Но это их проблема. Можно и в прорицания верить без оговорок, если ума нет, – так сказала однажды Тэра Ариана. Сама она, пусть это и немногие знают, носит амулеты в качестве трофеев, принимая их в дар у тех, кто доволен качеством полученного прорицания.

¹¹ Шарх создали вальзы востока. Поскольку они вымерли через сорок лет после этого, трудно установить подлинное назначение этой производной даров духа. Нынешний зенит полагает шарх средством оптимизации подачи информации. Лжи, проще говоря. Хотя упрощать – вредно для жизни, так могли бы сказать на опустевшем востоке.

¹² Предыдущий шар используется слугами замка для игры в кегельбан. Научили их гости из недалекого мира, просившие о важном прорицании. Есть мнение, что Тэра не знает о кощунстве. Есть и мнение, что она играет лучше всех. Но – без свидетелей...

– Дар королевский¹³, – прошептала хозяйка замка, потянувшись бледными пальцами к сфере. – Теперь я найду их всех... кого ищу.

– Все мне не нужны, хотя я и догадываюсь, кого ты разыскиваешь... тщетно. Количество ничего не решает, а лучшее из негодного у тебя и так есть, не жеманься, пряча маленький секрет, – прищурилась гостья. – Но сегодня не о том речь. Найди-ка мне спайку¹⁴. Не складку или там затяжку, но именно спайку, уже в ее природном виде простертую на три слоя. Непременно – со встречным током, меньшее не подойдет. Я опросила своих бездарей, они проверили: нужное скоро появится, но мне требуется надежно знать место и время. Я владею дарами запада в должной мере, чтобы свершить нужное, но где вершить? Это в ведении севера... и пока мне приходится перебирать пустые намеки вроде положения карт в раскладе и перевернутости их рубашек. Увы, гадалки в свите – никакие.

– Спайка, – пробормотала Тэра, склоняясь к шару. – Осмелюсь напомнить, мне следует передать то, что само ляжет в руку вашего поверенного после её раскрытия.

– Обычная просьба, исполню, – согласилась гостья. Рассмеялась мелко и неожиданно легко. – Еще помнишь глупые суеверия? Полно, старые порядки уходят, а новые вписываю в книгу бытия именно я.

– Долина реки Сойх, – медленно и как-то неловко выговорила Тэра. Тени рисовали на лице хозяйки замка вибрирующей свинцовой бледностью маску самой смерти. – Скоро. Очень скоро, левый берег у слияния болотного ручья и главного течения. Камни. Скалы... черные. Старые деревья с поникшими кронами, они замерли ровным треугольником. Точно позади среднего – вершина Ашрумар. Закат... Вторая восьмица синей¹⁵ луны.

Прорицательница вскрикнула и повалилась на сферу, разгорающуюся мертвенным огнем. Слуга был наготове и подхватил беспамятную под руки, дернул назад, к спинке кресла. Опасливо глядя в гудящее гневом пламя камина, слуга потянулся искать в поясной сумке лекарство, но гостья уже встала и отвернулась к дверям.

– Не подохнет, – с отчетливой насмешкой бросила она. – Лгут все гадалки, даже и настоящие, а их – единицы. Она в сознании, но так ей кажется удобнее выставить меня вон. На близость теней отринутых¹⁶ намекает... и пусть намекает. Мне пора, приметы хороши. Заплати.

Слуга удалился к крайнему окну и сразу вернулся, неся на раскрытой ладони маленькую шкатулку. Бережно откинул крышку и выложил на столик возле сферы пять шархов. Чернее ночи, огранены октаэдром, на каждой грани знак, вплавленный в камень и светящийся слабо, но отчетливо.

– Королевский дар, – едва слышно, с отчетливой жадностью, шепнула хозяйка замка, не размыкая век. – Я присягну вам, едва граница доползет¹⁷ сюда.

– Душечка, зачем мне обуза? Сама разбирайся с врагами, мало ли кому и что ты нагадала, – отозвалась гостья, покидая зал. Упоминание теней отринутых сделало ее шаги несколько торопливыми. – Я не склонна безоглядно даровать защиту и каждодневно платить за малую пользу. Прощай пока что – и до нескорой встречи.

---

¹³ Не надо обольщаться сходством, слово происходит от понятия «коронь».

¹⁴ Мироздание с точки зрения вальзов запада почти так же податливо, как тесто для пекаря. Кстати, пекарь Файена крайне неохотно выделяет хлеб для таких ловкачей. «Лепите куличики, сопляки» – и весь сказ... Спайка – наиболее сложный вид работы с мирозданием. Многие считают его недопустимым. Складки для Нитля и окрестных миров – обычное явление, транспортно очень удобное. Хотя упадок космических технологий вызывает раздражение лучших умов высокоразвитых цивилизаций.

¹⁵ Могла бы просто сказать: начало осени. Но кто слушает прорицателей, если не подпустить эффектов?

¹⁶ Их еще называют перевертышами. Те, кто исчерпал для себя право быть в Нитле, накопив бремя ошибок. Ощущая столь же виновных, отринутые прилагают усилия и из-за грани, чтобы таковых утянуть вниз, утопить.

¹⁷ Области влияния сил лучей и зенита постоянно «дышат», расширяясь или сжимаясь. Все зависит от баланса. Королева полагает, что её баланс всегда должен быть положительным.

Едва двери закрылись и шаги стихли, хозяйка замка вскинулась, сгребла шархи, брезгливо сбросила со стола.

– Спаси меня лунная лань¹⁸, мать серебра, – всхлипнула Тэра.

Продолжая шептать о свете и тенях, она, сутулясь и признавая себя старой, прошаркала в дальний угол зала, выбрала покрывало и вернулась. Укутала сферу в несколько слоев, стараясь не наступать на шархи и держаться от них подальше.

– Милена!

Голос окреп, зазвенел. Молчаливая дверь приоткрылась как всегда – без малейшего скрипа, пропустила гибкую рослую девушку. Некоторое время хозяйка замка смотрела на неё, хмурясь и едва приметно поджимая губы. Вошедшая была не просто хороша, она притягивала взор, чтобы уже не отпустить. Чуть широковатые плечи, развитые тренировками воина, лишь подчеркивали тонкость затянутой поясом талии. Длинные ноги имели восхитительную форму, взгляд охотно прослеживал и угадывал эту форму под тонкой тканью. Волнистые темно-русые волосы обнимали плечи и спину плотным плащом. Крупным глазам сияния добавлял необычный разрез, а вот самоуверенность отбирала теплоту, чем несколько портила впечатление от внешности. Остывшая зелень глаз казалась не солнечным лесом, а всего-то застоявшимся, опасным болотом. Два бездонных омута, огороженные упругой щеткой черных, как сажа, ресниц...

Девушка повернула голову, точно зная, как хорош её профиль, и позволяя это оценить хозяйке замка. Пухлая нижняя губа оказалась на миг кокетливо прикушена, полувздох взволновал грудь. Длинные пальцы с ухоженными ногтями тронули пояс и поползли по бедру, помогая проследить его форму и снова признать – все безупречно.

– Хозяйка?

– Именно хозяйка, а не кто-то там... юный, глупый, восторженный, – проворчала Тэра. – Встань ровно, не трясись головой, это мерзко выглядит, я даже заподозрила, что ты давно не мылась и запаршивела. Где Черна?

– Наша дурнушка потопала за углем, – насмешливо шепнула Милена, кланяясь. По волосам прокатилась волна глянца.

– Проверь, – велела хозяйка, действительно успокаиваясь. Она даже слегка помолодела лицом, избывшим серый оттенок страха. – На закате выпусти в лес Руннара. Пусть поохотится, а то шастают тут... и не обещают охраны. Приходится самой.

Милена поклонилась и отвернулась к дверям. Голос хозяйки вкрадчиво дотянулся, вынудил замереть на пороге и растерять самоуверенность.

– Сколько она заплатила? И не пробуй вилять задом, лживая сучка.

В зале натянулась тишина. Никогда прежде Тэра Ариана не называла первую ученицу так, она обыкновенно избегала резких слов, позволяющих оценить настоящее отношение к людям и событиям. Свет за окнами чуть померк, воздух сделался сух, запершил в горле неразбавленной злобой. Хозяйка с мучительным недоумением рассматривала ладную фигуру у дверей. Пятнадцать лет холеная девица, не знающая имени хотя бы одного из своих родителей, жила в замке Файен. Уже в семь лет она свысока смотрела на слуг, помня о доверии к себе и праве хозяйской ученицы. В последние три года повадилась орать в голос не только на слуг, но и на прочих учеников. Перстень с черным когтем – нелепое украшение, подаренное невесть кем лет пять назад – пресекал любые возражения до того, как их осмеливались облечь в слова. Приказы хозяйки Милена исполняла рьяно, и довольно долго Тэра вроде бы искренне гордилась ученицей, временами подумывала вслух, не снять ли с её шеи короткую цепочку, запаянную наглухо.

– Я не предавала...

---

¹⁸ Столь же нереальна, как великан и дракон. Хотя многие её видели. И даже трезвыми.

Едва выговорив первое слово лжи, Милена зашлась кашлем, без сил рухнула на колени и сползла по стене, царапая штукатурку ухоженными ногтями – и оставляя глубокий след перстня-когтя, надетого на указательный палец. Хозяйка смотрела и холодно улыбалась. Она по-прежнему была здесь главной. Кое-кто сейчас усваивал этот урок.

На красиво очерченных губах Милены пенилась кровавая слюна. Белки глаз потемнели, показывая сетку сосудов. Вот первый лопнул, пальцы сжали голову, норовя унять боль. Под ногтями отчетливо засинело. Носом пошла кровь.

– Возле двери лежит мешочек с моим набором для изоляции¹⁹, – прикинула вслух хозяйка, вставая. Медленно двинулась к двери, словно припечатывая каждое слово звонкими каблуками. – Ты пыталась морочить меня? Глупо, особенно имея в двух шагах от себя – чужой заряженный шарх, по весу не менее полусотни зерен, да... Ложь вывернет тебя наизнанку, едва я досчитаю до тридцати. Ложь, замаскированная известно чем от моего дара прорицать... Вот я и думаю, не прорицая: стоит ли спасать продажную дрянь? Вопрос без ответа... девять, десять. Или отдать тебя лесу? Пусть слуги позабавятся, наблюдая. Клыки и когти есть у всех, хотя не обязательно они видны, но дай повод – и слабые²⁰ первыми воспользуются ими, такова их природа... Семнадцать, если не ошибаюсь.

Хозяйка нагнулась и подобрала мешочек, мелодично рассмеялась. Ей, если верить тону, было весело. Отношения с Миленой в последнее время зашли в тупик. Ученица нуждалась в новых видах поощрения. Её роль в жизни замка росла, заменить Милену было вроде бы некем, прилежная ученица так понимала свое особое положение. Снимать цепочку²¹ было страшновато, не снимать – невыгодно: так опять же полагала сама Милена.

Хозяйка двинулась к окнам, шаря в мешочке, выживая перстни по одному и рассматривая, чтобы снова убрать, не надевая на пальцы. Кашель у дверей постепенно стих. Его сменили всхлипы и слабые стоны.

– Пробуешь вызвать жалость – у меня? – повела бровью Тэра. – Теперь, после всего, что было? Уж не ополоумела ли ты, милочка?

Стало тихо. Хозяйка замка Файен добралась до окон, отдернула тяжелую штору, села на бархатный пуфик и проводила взглядом черную карету, ползущую по дороге все дальше от стен замка. Первыми в лес вступили анги. По новой королевской традиции они шли, обнажив клинки и держа их чуть наотлет в опущенных руках. Следом поехали верховые вальзы. Судя по плащам и повадкам, они принадлежали к южному²² лучу, что еще раз намекало: юг сдался, пусть и негласно.

Слуги жались к карете и норовили поотстать, они принадлежали зенитному кругу и знали о своей хозяйке много больше прочих, ведь служили ей давно. Именно зенитные понимали лучше иных: скоро вечер, серебра в нынешней луне нет ни капли, и направляться в лес теперь – откровенно страшно даже ангам, прекрасно осведомленным о возможностях маленькой женщины, дремлющей на подушках роскошной кареты.

– Что она дала? – чуть изменила вопрос хозяйка замка, поправляя шейную цепь с амулетами.

– Ключ²³, – едва слышно отозвалась Милена, заскребла ногтями по полу, более не пытаясь принять красивую позу, лишь спасаясь от боли. – Тот самый.

---

¹⁹ Слово изобретено Тэрой. Смысл известен ей. Но вроде бы эта премудрая прорицательница ни разу не делилась толкованием с окружающими.

²⁰ Хорошо, что пекарь не слышал.

²¹ В Нитле действует закон долга и клятвы. Предательство в жизненно важном деле создает долг, который, в отличие от условий Земли, давит физически, а не только на совесть. Которая менее реальна, чем серебряная лань, ведь своими глазами её не видели даже пьяные! Но даже незримая, совесть весьма опасна.

²² Югу лишь бы поучаствовать в бою.

²³ Даже тяжкий долг можно простить и постепенно избыть, для того и существуют запаянные цепочки: они зримо демон-

– И ты приняла? Милочка, такой глупости я не ждала даже от Черны... Неужели ты думала, что *эта* станет ссориться со мной из-за тебя? – рассмеялась Тэра, отвернувшись от окна и пристально глянула на ученицу.

Губы синие, нижняя прокушена и кровоточит. Веки опухли, руки дрожат так, что уцелевшие ногти цокают по полу. Ключ – тонкая черная нитка с подвеской, похожей на сушеный репей – лежит рядом с коленом. Отвести взгляда ученица не смеет. И смотреть едва способна, шея жалко вздрагивает.

– Я дала бы тебе ключ сегодня, убедившись в умении делать выбор, – сказала хозяйка. – Но ты взяла чужой. Ты знала, что он всегда – один? Одна жизнь, один ключ.

– Но...

– Отнеси и брось в камин, милочка. Сама.

Хозяйка проследила, как Милена встает, хромает через зал, всхлипывая и с отчаянием глядя на ключ. Вот он есть, еще есть – и уже сделался огненным цветком, высеял семена пепла... Поморщившись, Тэра Ариана отложила в сторону мешочек с редко используемым полным набором изоляции²⁴. Сосредоточилась и негромко, осторожно соединила звучание лжи, полуправды и несбыточного обещания.

– Ты принадлежишь моему замку, теперь уже окончательно. И ты будешь верна мне, именно таков лучший из подарков нашей премудрой гостью. До последнего моего вздоха ты сохранишь верность. Только я буду решать, забрать в склеп твою волю – или отпустить на свободу.

– Я заслужу, – на выдохе, осторожно, пообещала Милена.

Хозяйка поморщилась, вполне определенно читая на лице ученицы страх, лишаяющий её последней надежды отделить ложь сказанного от правды, просквозившей ветерком дыхания меж слов.

– Заслужишь, если я дам вторую попытку. Недавно у тебя был союзник – я, Тэра Ариана Файенская, прорицательница и первая дама круглого стола вальзов северного луча. Сегодня я объявлю слугам, что готова принимать любые жалобы на первую ученицу. Мне придется обдумать: что интереснее, несбыточные надежды или же простые решения? Вальз запада Йонгар в недавнем послании просил о знакомстве с тобой. – Хозяйка повела рукой и снова рассмеялась. – Как занятно! Он не знал, до чего ты глупа. Рассчитывал, что упрочит положение связью с моей наследницей, верной мне до последнего вздоха. А теперь... Одна ночь в лесу дерет с тебя всю фальшь. Ты ведь извернулась так, что едва удерживаешься в себе.

– Как вам угодно, – промямлила Милена, повторно прокусив губу в попытке укротить страх. Она знала хозяйку пятнадцать лет и до сих пор полагала, что Тэра не способна на настоящую жестокость. Однако поверила спокойному тону угрозы. – Я не повторю ошибки.

– Теперь все обстоит именно так, не повторишь... Помнится, он приезжал по весне. Что у вас с ним было?

– Все, – глядя в пол, выдавила ученица.

– Избавь меня от своей беспросветной и бесстыдной глупости! Твоя слабость к рыжим юнцам очевидна даже слепому бездарю, чего уж меня-то пробовать обманывать? Я спросила, что он желал выведать, получить? В чем ты предала меня тогда?

стрируют долги. Пользуясь властью королевы, некоторые долги можно списать или переменить по ним «кредитора». Можно и отложить, но лишь с помощью шарха, ношение которого станет обязательным. А ведь лес, как известно, ненавидит и не приемлет само присутствие шарха в мире Нитля.

²⁴ По слухам для этого исходно и требовались шархи – «для изоляции». Понятнее от сказанного не становится. От чего шархи изолируют тех, кто не имеет тяжкой вины – не сказано... Слухи основаны на наблюдении за первой дамой северного луча – едва ли не самым опытным вальзом Нитля. На чем основано решение Тэры о создании набора изоляции с полусотней разноразмерных шархов? Спросите пророка. Если встретите.

– Ну... разок показала перстень первого анга, – нехотя буркнула Милена, смолкла, подавилась своим молчанием, закашлялась и добавила: – Признаю, ненадолго дала в руки, а он успел скопировать. Я не знаю всего. Когда следила, видела, что он ходил к Черне и уговаривал её бежать. Еще таскался в библиотеку и две ночи искал что-то в древних книгах²⁵.

– Мальчик верен традиции, надо же... Или делает вид, что верен, – едва слышно промурлыкала хозяйка. Глянула на ученицу, перетерпевшую страх и снова по привычке норовящую украсть ценное – намеки, оговорки. – Иди пока что. Бедняжка влюбился в тебя по уши, не сознавая, что это смертельно опасно. Вот я и бормочу: а не подарить ли именно ему ключ от твоей воли?

Милена побледнела еще более, хотя мгновение назад казалось, что такое невозможно. Новый поклон был наполнен почтительным страхом. Девушка побрела к двери, сутулясь и не вспоминая, как это может выглядеть со стороны. У стены кое-как смогла выпрямиться, плечом проскребая штукатурку.

– Руннара выпустишь, когда вернется Черна, не ранее, – уточнила хозяйка.

---

²⁵ Книга в понимании Нитля – вязь смыслов, притянутых к физическому носителю (допустим, бумаге, камню, древесине) опытным вальзом. Чтение состоит в последовательном или одновременном рассмотрении всего хитросплетения связей, отсылок к слоям знаний разных миров и уровней.

Глава 3. Влад. Единственный шанс

Москва, все тот же длинный серый день

Мерзкое утро неожиданно и приятно переросло в энергичный, позитивный день: подготовительная работа прежних недель дала результаты, «холодные» контакты потеплели, и Влад, чувствуя себя прокачанным ветераном почтовых и телефонных баталлий, прорвался к вождьленному заказчику через заслоны менеджеров без права решать. Порой Влад мысленно представлял защитников – а чаще защитниц – контактов и рабочего графика заказчика клыкастыми троллихами, комфортно устроенными в офисных ДОТах. Из доспеха – бронелифчик и стальные стринги, в тонких карикатурных ручонках – неподъемная базака и мясницкий топор. Набор странный, но воображение – штука загадочная.

Вообще, если бы шеф не вызвал к себе за десять минут до обеденного перерыва, если бы не предложил немедленно раскрыть детали переговоров и обозначить сумму и сроки по клиенту, который еще и не клиент, день был бы удачным. Но шеф вел себя, как и подобает большому боссу из сетевой бродилки. Бычил шею и мотался по кабинету, словно вытапывал пехоту вражеских лилипутов: методично, зло. Отчет слушал без внимания, но сотрудника, заранее приговоренного к пожиранию, не отпускал, пока не довел до заикания.

Свою слабость Влад знал. Да, он принимался разрывать и сдваивать слоги при волнении, и никак не мог скрыть этого... Он также знал, как выглядит, заикаясь, и даже научился извлекать выгоду: мямлящий подчиненный жалок, что и требуется при разное. Шеф в гневе, он не уймется, пока не спустит пар.

– Надо коммерциализировать все идеи, понимаешь – все, – наконец назидательно сообщил шеф, чуть светлея лицом и вдруг замечая кресло у своего бескрайнего стола. От вида приглашающе полуразвернутого кожаного монстра размера XXXL шеф ненадолго притих. Подошел, погладил ореховый подлокотник, уставился в монитор модного моноблока, на последний слайд наспех слепого Владом отчета. – Очень вяло, и прогноз доходов – говно. Ты понял сам? Понял? Доработай к среде. Женю вон подключи, раз своего ума нет. – Шеф не глядя ткнул кнопку короткого номера и сразу вторую, громкой связи. – Женя! Слушаешь? Ага, ага... Мы обсуждали региональные продажи вчера, да, подойди. Глянь. Тут надо все доводить и чистить.

После томительной паузы в кабинет бестрепетно явился Женя, удачно женатый на племяннице дальнего, но ценного чиновного родственника шефа. Шагнул, но немедленно был оттерт главбухом: всегда найдется тот, кто важнее тебя, эта истина безупречна. Маленькая женщина прошествовала с видом божества, ненадолго снизошедшего к смертным. Бросила ворох бумаг, как милостыню.

– Срочно.

– У вас всегда срочно, – Женя вроде бы укорил по-свойски.

– Одни дармоеды никуда не спешат, – оставила за собой последнее слово богиня ростом в метр пятьдесят пять.

– Идите, – неопределенно напутствовал шеф, просматривая бумаги и обводя серебряно-черным «монбланом» суммы там, где должно. – Женя, вот прямо за обедом втолкуй этому... Ага, Омск проплатил. Давно пора... Глянь его почеркушки и доработай.

Влад закрыл отключенный ноутбук, сунул подмышку и побрел прочь. Он еще надеялся незаметно улизнуть, пока Женя треплется в приемной: работая на фирме давно, он знал всех и уверенно претендовал на роль главного офисного пылесборника. Если считать сплетни – пылью. Кому-то они и хлеб насущный, и жирный кус масла с икоркой.

Увы, бдительный любимчик шефа догнал у проходной, свойски хлопнул по плечу, угостил сигаретой и потащился рядом. Влад брел к торговому центру, и холодок дурного пред-

чувствия, поугасший за день, снова разгорался, жег нерв где-то под ребрами. Восточный вход ближний от офиса. Костик педантичен, он уже заказал обед. Не прийти невозможно. Притащить хвостом Женю... Влада передернуло. Но, как обычно, он не стал резко отказывать тому, кто вхож к начальству.

Подъем в набитом до отказа лифте. Вдох: офисный люд дружно вышел на этаже, насквозь пропахшем фастфудом. Женя дернулся к дверям и замер, нарочито делая брови домиком. Влад вздохнул и промолчал, и лифт пополз выше.

– В ресторанах столуемся? Нехило для второго месяца работы, – впечатлился Женя, следуя за Владом из лифта и далее по галерее. – Ого! Любимое заведение нашего...

Офисный пылесборник зажевал паузу, не зная, блеснуть ли смелым перебором прозвищ шефа – или не рисковать, повышая осведомленность нового и пока малопонятного сослуживца. Тем временем официант старательно улыбнулся гостям, дежурным жестом потянул из кармашка на стене одностороннее меню бизнес-ланча, с сомнением оглядел Влада и все же сунул под локоть основное – пухлое, в темной солидной коже.

Костик сидел у окна, изучал бессолнечный город взглядом усталого полководца, знакомого на личном опыте и с нескончаемостью войн, и с их неизбежностью. Женю он вроде бы не заметил. Когда тот сунулся представляться, мусоля в пальцах визитку, Костик обернулся, посмотрел на незнакомца грустно и протяжно.

– Свободен.

Женя потоптался, кивнул – и стал отступать, недоумевая по поводу собственной покорности. Ушел он молча, как-то крадучись. Влад, страдая изжогой неразбавленной зависти, уставился в меню. Он не мог прочесть ровно ничего. Как удастся Костику влиять на людей, даже вырядившись в свитер грубой вязки и вывесив на спинку соседнего стула потрепанную кожанку?

– Ланч, без супа, салат греческий, – Влад скороговоркой пробормотал самое банальное из возможного, отодвинул меню. – Костик, я рад, выглядишь прекрасно. Преуспеваешь. А у меня сложный день. Беготня, нервы. Этот вот сослуживец привязался... Шеф предложил доработать кое-какие идеи, я для фирмы человек новый и меня слушают внимательно... слишком даже.

Официант подобрал со стола меню, вопросительно глянул на главного гостя. Костик щелкнул ногтем по запотевшему бокалу.

– Я просил с лимоном.

– Конечно, – согласился официант, забирая напиток и вроде бы возмущенно разыскивая взглядом коллегу, виновного в ошибке с заказом.

На Влада официант не взглянул и его указаний по поводу напитков ждать не стал, уволок бокал бодрой рысью.

– Ну, как тебе рыба? – бодро поинтересовался Влад, расправляя на коленях салфетку.

Костик неопределенно кивнул, снова изучил низкие облака, площадь перед торговым центром. Дождался, пока светофор поодаль переключится на красный и пешеходы попрут, лавируя между машинами, не успевшими повернуть.

– Влад, у меня осталось не так много «живых» контактов со школьных времен, – признал Костик. – Альке скоро год, я хотел собрать кое-кого, без лишних людей и пустого шума. Позвонил Маришке... Слушай, что у вас за размолвка? Я не лезу в чужие дела, но тут особый случай.

– Мы не будем обсуждать м-мои личные обстоятельство, – с нажимом и чуть настоороженно уперся Влад. – Мы взрослые люди и... и не надо сводить все к твоим восточным заморочкам с традициями.

– У меня офицерские заморочки, какой там восток, разве что – Дальний, – поморщился Костик, отодвинул блюдо с рыбой, едва початое. – Влад, тебе тридцать два. У вас ребенок, почти ровесник моей Альке. Взрослые люди? Ты о чем вообще? Если б так, не было бы этого

пустого разговора. Все мы несем свой груз, у всех работа – нервы – планы... Этот груз можно и бросить, но семья – совсем иное дело. Тем более дети! Влад, не делай такое лицо. Да, ты называешь это размолвкой, Маришка и вовсе молчит. Пока она молчит, ты этим пользуешься, все кажется простым и обратимым. Но поверь, очень скоро пути назад не будет. Маришка по первому впечатлению мягкий человек, только ведь – по первому... Она вряд ли простит предательство. Влад, не играй в глухоту, ты банально не умеешь. Мы дружим семьями, я ценю нашу дружбу. Попробуй меня услышать. Приложи усилие – и постарайся.

– Закончил?

– Почти. Через две недели у Али, как ты помнишь – а ты подобное всегда помнишь – день рождения. Приглашаю вас, всех троих. Один не приходи. Иначе я сам съезжу за Маришкой и твоим пацаном.

Официант явился, едва слышно прошелестел – «с лимоном», и установил бокал на круглую салфеточку, убрав прежнюю, несвежую. Костик кивнул, полез в карман, добыл потертый бумажник, почти не глядя выбрал купюры, положил на край стола.

– Легко с-судить, имея... – начал Влад, глядя в столешницу и понимая, что вслух он не договорит обвинение.

– Видишь ли, я так устроен, что мне всегда легко судить, – спокойно отметил Костик. – Ты принимаешь меня с моими... заморочками. Я принимаю тебя таким, каков ты есть. Правило дружбы. Но, с другой стороны, я не готов выяснить однажды, что мой телефон забыт, потому что я остался без работы или развелся с женой и сижу в старом гараже в тысяче километров от столицы. Влад, мы не деловые партнеры, не коллеги. Пусть они панибратски хлопают тебя по плечу или бьют под дых из-за крутых бизнес-целей и прочей... суеты. Я не могу молча смотреть, как ты вдребезги разбиваешь самое ценное, что имеешь. Вернее – бесценное... Я не лезу с советами. Просто уточняю совершенно внятно: Маришка приглашена на день рождения Али. Ты – по обстоятельствам. Решай сам. Все.

Костик встал, неторопливым жестом снял куртку со спинки стула, бросил на плечо и направился к выходу, нащупывая парковочную карту.

Шаги стихли, в помещении стало пусто и, если верить ощущениям, холодно. Влад вытряхнул из помятой пачки последнюю сигарету.

– У нас не курят, – возник за спиной официант.

– Я вынужден ждать заказ двадцать минут, – разрядился Влад, вскидываясь на ноги. – Где вас носит при совершенно пустом заведении? Где мой салат? Вы что, не понимаете, что ланч предполагает жесткий тайминг?

– Придется подождать еще семь-десять минут, это не фастфуд, мы не разогреваем блюда, ваша рыба еще жарится, – невозмутимо отозвался официант.

– Вот и ешь её сам!

Сорвав пальто со стула, Влад удалился, гордо задрав подбородок. Победителем он себя не ощущал, после выходки Костика хотелось выть. Уже так все в уме складно спланировалось: приятель поговорит с кем следует и мигом добудет приглашение на субботнее закрытое мероприятие для владельцев «Порше». Костик может, и запросто. Тогда получится повидать еще одного желанного заказчика, до кого месяц не удастся дотянуться. Это важно, к тому же сегодня вскользь и сгоряча кое-что было озвучено при шефе.

– Черт! – буркнул Влад, когда зажигалка третий раз дала осечку.

Помянув нечистого, он вспомнил про вторую встречу. Остановился у лифтов, надел пальто. Подышал с закрытыми глазами, восстанавливая покой. Может быть, внезапный звонок Иудушки кстати. Пусть-ка рыхлый Егорка побегаёт, заслужит расположение бывшего одноклассника и добудет именно приглашение. Сможет или нет? Проверить стоит.

Зал с заведениями быстрого питания был плотно забит обедающими. Это унылое помещение чем-то напоминало большое квадратное окно, засиженное проснувшимися после холо-

дов мухами. Они жужжали сплетни, встряхивали куртки и костюмы, похожие на тусклые надкрылья. Они жрали, не вымыв рук. Влад поморщился и огляделся. Где искать Иудушку, сгинувшего пятнадцать лет назад? Как узнать?

– Славик, привет, – по спине чувствительно огрели. – Ты как, уже сыт?

– Да, – предусмотрительно соврал Влад, отодвигаясь.

Егор перерос школьные воспоминания килограммов на пятьдесят. И все – вширь. Рано высунувшееся над ремнем брюшко топорщило рубашку, слегка несвежую, нестильно полосатую. Похожие на сардельки пальцы чесали это самое брюшко, задевая лоснящийся галстук. Губы были растянуты в приторно-дежурную улыбочку. Мелкие буркалы до отвращения походили на считыватели штрих-кодов и сканировали подзабытого приятеля так усердно, что рентген бы перегорел от зависти.

– Сытый, значит... Ну, хоть кофейком угости страждущего, – Егорушка вцепился в плечо и поволок жертву в сторону «Мак-кофе». – Знаю, преуспеваешь, устроился начальником отдела к солиднику... У людей — рецессия, мать песца, а ты в шоколаде. Завидую. То есть не так, я и завидую, и готов поучаствовать в успехе.

Продолжая беспрерывно нести ожидаемую чушь, Егор лез напролом к примеченному издали столику. Две девушки доедали что-то низкокалорийное, щебетали и ничуть не намеревались уходить. Впрочем, они передумали, когда Егорушка всей тушей рухнул на свободный стульчик, боком двинув смежный, занятый дамскими сумочками и куртками.

– Не занято! – оптимистично сообщил Иудушка свой прогноз, двинул ближе второй пустой стул и царским жестом предложил Владу занять очередь за кофе. – Мне зеленый чай, ага? Без сахара, я на диете.

Единственный поклонник толкового вареного кофе, стоящий у кассы перед Владиславом, забрал поднос и побрел искать столик. Быстро сообщив пожелания, Влад расплатился, дождался сбора заказа и вернулся к Егору, выжившему из-за столика заморенных диетой девиц. Не только их: компания студентов тоже откочевала в сторонку, спасая вещи от размашистой жестикуляции.

– Так себе чай, – поделился наблюдением Иудушка.

Влад молча усмехнулся: как обычно, кое-кто не спросил о цене и не попытался внести свою лепту в закупки. Пришлось быстро забрать с тарелки слойку. Вряд ли она бы долго осталась бесхозной.

– Что тебе?

– Мне? – возмутился Иудушка. – Старик, что за тон! Я не свои проблемы решаю, а твои. Продвигаю по старой дружбе – на новой службе. Другу моего друга нужен партнер. Дело шикарное. Ши-кар-но-е! Я бы напрягся, но я для офиса не годен, я скорее по тусовкам, а планировать, бумажки перекидывать – не, не мое. Дело почти сорвалось, но тут я услышал о тебе. Ну, я своих не забываю, ага? Почитай для начала. Вроде как проект вакансии, но я запретил подавать в агентство, пока не покажу тебе. Типа, лучшее – другу.

Влад поморщился, разворачивая мятый, несколько несвежий листок. Остатки надежд на полезность встречи поостыли, как и разогретая в микроволновке слойка.

– Говорят, в субботу тусуются в закрытом клубе владельца «Порше», – по инерции сказал он.

– Ка-анечно, только я не пойду, клиентские тусы – отстой, – отмахнулся Егорушка. – А что, ты решил хлебнуть правильного пивка? Так эг'запросто. Хотя будет скучно, не советую тратить время. Не очень и закрытая вечеринка, ага?

– Ага, – невпопад согласился Влад.

Залпом выпил кофе. Сахар остался нетронутым возле чашечки. Компания с полузнакомым названием искала, если верить бумажке, генерального директора. Предлагался к рассмотрению оклад, втрое превышающий нынешний доход Владислава. Но, как принято гово-

рять в рекламе, «и это еще не все». Были грамотно прописаны бонусы, а последней строкой до неприличия обыденно указывался солидный опцион.

– В чем подвох? – прямо спросил Влад, откладывая листок.

– Старик, ну ты даешь! – с наигранной наивностью откликнулся Иудушка. – Просто я не знаю в городе никого другого, кто умел бы так ровно раскладывать дела по полочкам. У тебя в мозгу все упорядочивается, а моя башка – она вроде барабана стиральной машины. Так что я буду крутить барабан, а ты сохни над бумажками.

– Я подумаю, тут сразу не решишь, – намекнул на согласие Влад.

Глянул в пустую чашку. Белый фаянс лучился общепитовским оптимизмом нищих. Пенка запеклась неровно, скудно. Владу отчетливо по- чудился на доньшке знак доллара. Он присмотрелся, не веря в гадание, но находя зрелище подходящим к случаю. Кофейный доллар напоминал восьмерку – или знак бесконечности. В одной петле лежала крупная пенка, в другой – жалкая точка крошки.

– Ка-анечно думай, но быстро, – посоветовал Иудушка. – Такие предложения не ждут, пока ты дозреешь. Или да, или нет. Вот визитка благодетеля. Сегодня еще не поздно звякнуть. Сегодня, ага?

Глава 4. Черна. След серебра

Нитль, лес в границах силы замка Файен, все еще лето

Нет ничего глупее походов к угольщику. Слуг в замке полно, они усердны. Иной раз сложно без угроз отнять корзину или уследить за расторопным подмастерьем, готовым пополнить запас без участия более взрослых. Но уголь – это самый безобидный повод выбраться за стены. Само собой, можно и без повода. Но Тэра на отлучки смотрит неодобрительно, а когда настоящая причина такова, как сегодня – лучше б никак не глядела, ведь она прорицательница.

Полуденный лес пропитан солнцем, тени прячутся у древесных корней, сияние исходит от всякого листочка, от самой малой былинки. Узор тонких веток обведен золотой каймой. Тропинка вьется в зарослях, будто играет. То заслонится полупрозрачным пологом зелени, то выглянет, поманит и скользнет прочь, за могучий ствол, во влажную лощину. Можно бежать, придерживая пустую корзину, и ощущать себя маленькой девочкой, заплутавшей в огромном лесу. Спешить к жилью, примечая издали запах костра, след внимания лесника на стволах, выкосы на полянках и иные знаки людского присутствия.

Черна обогнула дерево, привычно перепрыгнула ловушку на тропе, шагнула в сторону и нагнулась, проверяя взвод самострела. Поправила длинный кол, тронула острие: яд свежий, не высох.

– И когда поумнею, – укорила она себя. – Девочка, как же. Доберусь, вправлю мозги угольщику²⁶. Какой придурок снарядил эту дрянь?

Пришлось потерять немного времени, меняя тонкую сторожевую ветку, да к тому еще и своенравную сверх меры, на более толстую и сонную. Не хватало еще, чтобы дети пошли в лес, попали в ловушку да и повисли в кроне дерева... День – он не длится вечно.

Вдали улыбнулась синева чистого неба над поляной. Черна перемахнула ров, повисла на длинных кольях ограды и едва не сорвалась. Помянула конус тьмы²⁷: корзина мешала, но мешала привычно, и так нелепо висеть на виду у дозора – это нечто. Пришлось высвободить руку, бросив корзину за ограду.

– Тебе помочь? – поехидствовали с ближней сторожевой вышки.

– Спускайся, – мрачно предложила Черна, одолев со второй попытки ограду и подбирая корзину. – Потолкуем.

На вышке затихли, схоронившись за невысокой оградкой. Злить гостью никто не желал. Даже теперь, когда она явилась днем, с угольной корзиной и без оружия, если не считать таковым нож при поясе, руки, ноги...

– Черна! – завизжали младшие. – Выкуп!

Эти не боялись и не прятались. Примчались на клич своих дозорных, облепили, как голодные муравьи. Пришлось выгребать из карманов все, «случайно» завалившееся туда. Бусины, ленточки, две шпильки, подобранные в замке... Несколько пуговиц – деревянных позолоченных и каменных, полупрозрачных, со сложной резьбой. Что еще? Гвоздь, ключ, свистульку, узорные формочки для изготовления свечей.

– Ну, откупила я? – понадеялась Черна, распахивая мелюзгу и пробираясь к угольщику, уже явившемуся на шум – встречать уважаемую гостью.

²⁶ Живой огонь весьма разборчив. Подвижный единый лес имеет свое особое отношение к идее горения. Так что фраза «между молотом и наковальней» неплохо описывает труд угольщиков Нитля.

²⁷ Пять сторон света – север, юг, запад, восток и зенитный луч дополняются (или противостоят) конусом тьмы. Это упрощенная модель бытия, понятная каждому ребенку в Нитле.

Дети рассматривали подарки, делили, охали. Самые сообразительные и взрослые догадались поблагодарить. Хитрые торопливо жаловались на нехватку красных лент – таких на сей раз нет среди принесенных – как и мелких перстеньков, пусть даже самодельных.

– Как жизнь? – Черна свела широкие прямые брови на переносье.

– Милостью серебряной матери²⁸, – угольщик пощупал оберег, солидно поклонился. – Отобедаешь?

– Когда это я отказывалась? Значит, неладно.

– Все ты в лоб, нет бы поговорить о том, о сем, дожидаться стариков, – помялся угольщик, провожая в дом и усаживая на почетное место. – Наша славная дама Тэра, да продлятся её дни, хозяйка толковая. Но лес мрачнеет. Руннар ночью кого-то рвал у ворот.

– Сегодня?

– Позавчера, – быстро откликнулся хозяин лачуги, вросшей в землю до самых окон.

Его жена уже расставила миски, добыла из печи кашу, вздыхая и не смея сказать вслух дурного. Выскользнула из комнаты, по звуку понятно: полезла в погреб.

– Позавчера не в счет, – нехотя сообщила Черна. – Чужие в замке были, явились наскоком, да такие гости, что и не отказать... Поставь в обычное место две корзинки угля, будь добр.

– Знаешь подробно. Неужто и ты шныряла? – едва слышно шепнул угольщик. Охрип окончательно: – Ночью?

– Днем у тебя была, забрала уголь да и поперла эдакую тяжесть, – назидательно пояснила Черна. – Все понял? Перла-перла, притомилась и ночевала в дупле²⁹.

– В дупле, ага, – с разгону повторил угольщик. Прикусил язык и замолчал надолго. – Оно, конечно, бывает всяко... Случается.

– Именно. Ловушки какой дурень ставил? Все криво, сети и вовсе негодно устроены, твой малой заступит – так и его веса хватит. А я что, проверять за вами должна? Я никому и ничего не должна, понял? Передай ловчим, всё наново переделать, пацанье шастает по лесу. Пубиваются.

– Корни в подвалы лезут, – посетовал угольщик чуть погодя, когда Черна сама нарезала копченое мясо, толсто, не жалеючи, и принялась есть, похваливая острые приправы и кашу с дымком. – Шибко лезут.

– Так осень на носу, самое время забыть о скупоности и отнести вальзу, что полагается.

– А ты бы нам бы, вот ежели, значит, мы с пониманием и все что след – не помним, а что не след, так и не видим...

– Уймись, я не вальз. – Черна доела мясо, вытерла крупные ладони о полотенце. – Спать вас проще, чем ублажить.

– Да ну тебя, – не испугался угольщик. – Я ведь о деле. Жизненном.

– Шкурном. Ладно, потолкую с хозяйкой. – Черна искоса глянула на угольщика и пожаловалась просто потому, что больше некому: – Так и так тихо зимую последний год. Срок мне вышел, чую. Что Тэра решит, никто не ведает, она ж не от мира сего, то прорицания высмеивает, то сама берется верить в свои придумки. Был бы у неё наследник, не металась бы так.

– В наше время дети не радость, а боль, – неожиданно строго выговорил угольщик. Встрепенулся, запоздало сообразив, что ему только что сказано. – Погоди... Это что же, испытание будет вам? Или что иное?

– Да чего нас испытывать, разве хозяйку тешить зрелищем, – поморщилась Черна. – Весь подбор взрослых учеников внятный, без подсказок и проверок читается дар каждого,

---

²⁸ Будучи материалистами в своем понимании этого слова, люди Нитля, как и любые иные, склонны надеяться в крайности на высших. Ну, сколько можно, в конце концов – все сами и сами...

²⁹ У подвижного леса дупла сильно похожи на зевающие пасти. Попадают крупные, где можно поместиться и заночевать. И не холодно там: пасть обязательно рано или поздно закроется.

до доньшка. Светл в бою неплох, но по главной силе никуда не годен – разиня. Ружана так-сяк сойдет в охоту, но исключительно по одному делу, травному. Белёк – мелковат, пусть и не трус.

– А ты? – пискнули из-за печки.

– А я – это я, – отмахнулась Черна. – Чего хоронишься, я не буга³⁰, рвать без причины не рву... пока что.

Из-за печки, сопя и прижимаясь щекой к теплым оштукатуренным камням, выбрался младший сын угольщика. Существо с глазами небесной синевы и наивности воистину бездонной, способной припрятать любую хитрость. Встряхнувшись и поправив рыжие волосы, пацан стал осторожно, по шажку, подбираться к столу, хотя недорослей к важной беседе не допускают. Черна следила из-под век, пряча усмешку. Было тепло на душе, словно пацан – настоящее солнышко, и греет душу уже тем, что живет. Сам сунулся под локоть, засопел, заглянул в глаза.

– Совсем пропадешь по весне? И нас не вспомнишь?

– Мне почем знать, что вспомню, – виновато отмахнулась гостья. – Эх ты, все встретили меня, подарочки разделили, а ты отсиделся за печкой.

– Я сам припас подарок, – пацан заморгал светлыми пушистыми ресницами. Полез за пазуху, добыл деревянную дудочку, совсем простенькую, короткую и едва ли способную дать хороший звук. – Вот.

– Спасибо, – улыбнулась Черна, приняла вещицу. – Пора мне.

Почему ушло тепло, сказать было невозможно. Даже виноватость в душе шевельнулась: старался синеглазый, вырезал дудку, а радости от подарка – нет. Впрочем, какая тут радость, если год последний и что впереди, даже прорицательница Тэра едва ли знает. Время темное, зима³¹ грядет такая, что и думать не хочется о ней. Черна встала, поклонилась посеребряной фигурке в углу. Шепнула пожелание дому и заспешила на выход. Подхватила тяжелую корзину, уже приготовленную старшим сыном угольщика – и пошла к малой двери в воротах, заранее открытой дозорными.

Полдень остался в прошлом, а затем погасла и сама улыбка солнца. Тени удлинились, в лес вползла настороженная предвечерняя тишина. Черна шла быстро, огибая знакомые ловушки и хмурясь. Велика людская наивность! Ну, кому страшны самострелы и сети? Уж всяко не врагам, от каких стоит по-настоящему отгородиться. Впрочем, им, худшим, и ров с частоколом – так, забава. Куда страшнее запах Руннара, свежий и постоянно поддерживаемый. Вдобавок, как известно, за всякую землю отвечает хозяин. Всерьез беспокоить тех, кто под его рукой, не угасив живое пламя замка – немыслимо.

– Жизнь или уголь? – вкрадчиво спросили из-за необъятного ствола, который Черна обогнула по дальней дуге, заранее приметив неладное.

– Уголь.

– Неинтересно, всегда – уголь, – посетовали из-за ствола.

Черна сделала еще несколько шагов вглубь чащи, бережно установила корзинку меж сонных древесных корней. Подергала за ручку: не опрокинется. Со спины уже подкрался злодей и ловко обнял, ощупывая пояс и норовя его расстегнуть.

– Ох, и быстрый ты, – поморщилась Черна.

– Соскучился, – выдохнул в ухо знакомый голос. – Жизнь моя, никогда не знал большого страха, пока не попался в твою ловушку. Королева тут была, я как выведал, что засобиралась к вам, погнал буга. Едва не подох он, а только при любой спешке было бы поздно, если бы она...

---

³⁰ Буг – второй по силе зверь Нитля после легендарного и поминаемого шепотом чера. К людям буг относится снисходительно. Попробуй такого убеди, что ты равный, а иначе нельзя с ним подружиться. Поверив кому-то, буг врастает в его интересы, требуя и учета своих.

³¹ Зима, как полагает Нитль, то самое время, когда люди должны хранить его покой. Летом, как полагают люди, Нитль возмещает им долг – дарами и тем покоем, за который с приходом тепла отвечает сам живой лес.

– Она не королева³², всего-то таскает на шее снятый с трупа знак, – сухо напомнила Черна. – Падальщица. Стервь.

Обернулась, заранее радуясь возможности увидеть первого анга южного³³ луча. Рослого, широкого, без единой жирилки на сухих мышцах. Даже лицо у него – из одних жил, тренированно хранящих покой. Ни возраста не угадать, ни настроения. Кожа гладкая, смугловатая, скулы высокие, щеки запали, лишь губы борются, норовя перемочь улыбку.

– Моя радость, – тихо молвил анг, шагнул ближе и поддел под спину, придвигая к себе. – Сегодня и украду. Что я, сумасшедший рогач³⁴, рыть по три логова в сезон?

– Меня? Украдешь? – нахмурилась Черна. – Глупости. Прежде всего, силой мы не мерялись и не стоит пробовать, следы останутся. Хотя важнее иное: твоя хозяйка противна мне до крайности, простота ее южная хуже обмана. Куда увезешь? Или решил, что я готова сменить нынешний замок любой ценой?

Анг грустно улыбнулся, подхватил нелегкую ношу на руки и понес прочь от тропы и корзины, в чашу – туда, где и самострелов не настораживают. Взрослые ловчие³⁵ в уме не лезут в тень, которую и полуденному солнцу прорезать не по силам.

– Мне не попадались женщины, коих могу обнимать, не опасаясь изломать до смерти, – шепнул в ухо анг. – Клинок среди вас не осталось, вот беда. Думал, так и помру несчастливым.

– В том году думал или все лето сомневаешься? – уточнила Черна. – Уж вроде всяко мы проверили, что ломается, а что не особенно. Я гадаю: как Тэра не вызнала? Она прорицательница, даже самую малость пророчица. Ну – иногда. Когда в уме. Или наоборот, когда в духе³⁶?

– Не узнала и не выведает, – безмятежно улыбнулся анг, ныряя под свод свежесрезанных ветвей. – Я тебе нижний пояс с шарховой нитью добыл? Добыл. Он всякую тайну скроет. Одна беда: годен лишь тем, кто не врет.

– Я вру с тех пор, как ты первый раз поймал в лесу, злодей, – рассмеялась Черна. – Одного не соображу: Тэра умна, отчего она верит, будто мне в тягость засветло дотащить корзину?

– Она знает, что тебя манит лес, – поморщился анг, опуская свою ношу на расстеленный заранее плащ с подбоем из рыжего пухового чера³⁷. – Всех нас манит... и меня тянул, покуда я не миновал худший возраст. Не ночуй без меня в лесу, упрямая.

– Без тебя – зачем ворочаться на корнях? – лениво потянулась Черна. – А ведь я не красивая, Тох. Меня вечером от мужика с трех шагов не отличить, особенно по походке да плечам. Ты в уме, ясномогучий³⁸ анг? Зачем чеством рисковать и клятву переступить ради забавы длиною в один летний сезон? Может, я по весне и не вспомню тебя.

– Не надо так.

– Как?

– Будто мир перевернулся и свет сошелся в луч, – тревожно отозвался Тох, зажигая по кругу огоньки в масляных площадках. – Черна, ты такая одна, я увидел тебя и пропал. Ты

³² Вполне здоровое утверждение. Коронь сама избирает того, с кем срастаться. Собственно, только для короля и верно утверждение: все лучи исходят из зенита, ведь он обретает при срашивании с коронью возможность и право развивать любые грани дара. К сожалению, он остро переживает болезни мира и леса. Или не переживает...

³³ Дар ангов юга во вдохновении боя, в умении черпать силу и наиболее успешно её использовать в активном противостоянии. Дар вальзов юга близок к полководческому. Кто не любит марш-броски и учения, на юге не живет...

³⁴ Рогач много крупнее буга. Это на редкость мирный зверь. Живет в болоте. Жует болото. Зарывается для спячки в болото. И не надо ему мешать, пока он мирный.

³⁵ Звери не склонны идти к воротам и стучать в них, чтобы получить место в стойлах. Ловчие их убеждают всеми доступными способами.

³⁶ С вальзами это случается изредка. Взрослые анги в дух выходят сами и сознательно, когда того требует бой.

³⁷ Самый крупный и опасный зверь Нитля. Считается коварным и непобедимым. Есть сомнения, правда, что это именно зверь. Но, поскольку пророки труднодоступны, иные мнения остаются до сих пор сплетнями и домыслами.

³⁸ Высшее звание ангов, означает полный опыт по исходному лучу дара и овладение вторым, годным к бою. Ясномогучие анги редки, а враждовать с ними вредно. Даже для черов, как можно судить по подбою плаща.

мой лес, я ночевал в зарослях твоих кудрей и душа моя приросла. Никому не отдам. Украду, увезу. Я все учел, давно думаю. Двух бугов привел. Мы успеем добраться в нижнюю долину у корневой складки³⁹ до того, как тебя хватятся и сама Тэра станет вершить поиск.

– Ты потеряешь все, – предупредила Черна, хотя это и не требовалось.

– Не ребенок, сам знаю.

– Ведешь себя, как мальчишка, – усмехнулась Черна, двигаясь ближе и глядя изнанку плаща. – Давно хотела спросить, как добыл чера? Удивительный мех. Греет и заворачивает.

– Ты моя жизнь, – совсем тихо шепнул Тох, снова нащупывая пояс и уверенно его расстегивая. – Утром ты уедешь со мною.

Черна промолчала. Она слышала не раз о загадочном мехе чера, пробуждающем нежность и в каменных сердцах. Сейчас ощущала чудо всей спиной. Мурашки ползли, дыхание сбивалось, слова анга казались особенными, а всякое обещание согревало душу. Вынуждало уронить слезинку – хотя прежде Черна не замечала за собой склонности к чему-то подобному. Анг дышал в ухо. Ночь на рыжем пуху кажется, стоила всех прежних, проведенных с Тохом...

– Шум, – вздрогнула Черна, резко вскидываясь.

– Да хоть шархопад⁴⁰, – прорычал анг.

Но радость сгинула, как унесенный ветром запах ночного цветка. Черна гибко перекатилась на колени, опираясь левой ладонью о мех и правой нащупывая оружие. Любое. За положом листвы, в густеющих поздних сумерках, кто-то плакал и стонал. Он был слаб и его настигали. Даже, пожалуй, пару раз задели, взбудоражив округу запахом крови. Корни под плащом дрогнули, захрустели, наполняя пещерку пылью и чуть заметно смещаясь. Они знали жажду неслучайного, а то и хуже – предрешенного.

Черна зарычала, встряхнулась, обнимая ладонью рукоять клинка. Короткие волосы при первом движении полезли в левый глаз, при втором осекли ознобом правую щеку.

– Ум растеряла, стой! – рывкнул анг, норовя подмять и удержать.

Черна уткнулась из-под его руки, бережно провела клинок по плащу, не срезая нежный ворс, по слухам способный заточить сталь лучше любого мастера – если такова прихоть мертвой твари. Или затупить, почему бы нет? Потому что – не важно!

Широко раздувая ноздри и слизывая из ветра чужую жажду, Черна скользила в тенях. Густых, как сметана и прозрачных, как пар ранней осенней прохлады. Тяжелых, как удар кузнечного молота – и наделяющих крыльями подобно загадочному дракону полудня...

– Не лезь!

Голос анга казался едва слышным и ничуть не существенным. Ночь резала душу темным клинком, норовя выжать хоть каплю чистого страха. По коже тек холодный влажный воздух. Чужая боль железным цветком раскрылась в горле, удушала. Рукоять клинка сжигала ладонь гневом без примеси рассудка или жалости.

Глухие листья на сажево-черных ветвях вдруг стали ажурным кружевом: далеко впереди обозначился перламутр лунного серебра. Он прыгал бликами и мчался сплошным ручейком сияния, звенел копытами по мелким камням.

В мелькании бликов Черна заметила тень впереди, прыгнула, ощущая сталь – продолжением тела. Языком, готовым коснуться пищи нынешней ночи.

Тварь – сгусток мрака – выбросила ножи когтей. Тварь проскребла траву брюхом, поделилась с лесом трепетом голодного рычания. Черна ненавидела и свой спрятанный под кожей страх, и чужую жажду, и ночь, сомкнувшую над головой капкан вороненого мрака.

---

³⁹ Постоянные области перехода из мира в мир. Пока не было случая, чтобы нечто оказалось так велико, что не смогло втиснуться и миновать корневые складки. Хотя некоторые цивилизации так щепетильны, что собираются в гости к соседям прямо со своей планетой, но и они не жаловались.

⁴⁰ Если верить старым слухам, шарх добывался совместно вальзами востока и запада в глубоких стихийных спайках и выпадал оттуда градом. Иногда прямо на головы добытчиков. Остряки утверждают, что так восток и вышел из ума...

Серебро⁴¹ близкого света делало лес загадочным и, как казалось Черне, ничуть не мрачным, оно манило – и оно же было обречено... Тварь обозначала себя движением, бросающим на шкуру лоснящиеся блики. Злоба бугрилась под мехом. Черна кралась, босыми ступнями ощущала прохладу и напряжение верткого корня, следовала его изгибам – и своей судьбе, ветвистой, как этот корень. Шарховый пояс жег тело. Тварь, наконец, распознала врага и отвернула морду от серебра, ненавистного тьме. Слюна увлажнила длинные клыки, когти со скрипом освежали древесную шкуру.

Черна возмущенно зашипела, когда чужое оружие – она взяла меч Тоха – попыталось предать, хотя ладонь по-прежнему вела рукоять, не ослабляя хвата. Уверенность надежнее насилия удушила сопротивление стали. Черная шкура твари лопнула на спине, от загровка и до подреберья. Остро запахло кровью, корни под ногами шевельнулись отчетливее, норovia дотянуться до поживы. Еще дышащей, но так даже вкуснее... Разрубленная вторым ударом левая лапа зверя повисла на остатках шкуры. Черна зарычала, чувствуя себя – ночью, беспросветной и сбывшейся, как конус тьмы, раскрытый в полог.

Серебряный перебор копыт стал стихать, блики остыли, делаясь слабее с каждым мгновением. Случайный, чуждый этой чаще осколок светлой луны растворился в безмерном, окончательном удалении.

Черна споткнулась и остановилась. С отвращением разжала пальцы и выпустила на волю чужое оружие. Рукоять до мяса выжгла ладонь... Показалось едва посильным снова быть в уме и опознавать окружающее привычно, обыденно. За спиной рос шум. Анг ругался на редкость грязно, грозился бросить глупости и забыть их причину, а сам бежал со всех ног, продираясь сквозь непроглядность ночи, спешил на помощь то ли своей женщине, то ли своему клинку. Сперва он обнял Черну, прижал, провел ладонями от плеч и до колен, убеждаясь: цела, и все еще остается собою. Затем оттолкнул и склонился к оружию, зашептал на суетливо-быстром южном диалекте, извиняясь и предлагая вернуться в покой ножен, чтобы смотреть сны о битвах и победах. Завершив неотложное, выпрямился, стяхнул плащ с плеча.

– Ты хоть теперь в уме? Говорить можешь?

– Д-да, – Черна с трудом разжала зубы.

Мягчайший пух изнанки плаща обнял голую кожу и, как обещано самыми недостоверными сплетнями, выпил и впитал кровь, пот и грязь, а с ними заодно – мучительно зудящее раздражение ночи и боя. Мех прильнул к ранам, умаляя боль. Сделалось тепло и спокойно, знакомые руки гладили плащ, взволнованный голос анга отчитывал тихо и без нажима.

– Глупая девчонка! Даже я, выходя на буга, не позабыл бы броню. Но бежать на восходе ночи, голой – в дикий лес? Совершенно не понимаю, почему ты жива и ходишь на двух ногах. Почему мой клинок⁴² не расквитался с тобою за оскорбление?

– Ты подарил пояс с нитью шарха, клинок меня едва замечал и не мог обозлиться, – зевнула Черна, послушно сворачиваясь на руках и утыкаясь щекой в плечо. – У меня на ладонях было твоё тепло, это он не мог не заметить. Буг... Погоди, это был буг? Как-то он запросто лег... Не дикий, да?

– Запросто, как же, – проворчал анг, склоняясь перед входом в пещерку у схождения крупных корней. Опустил подругу на ворох веток и листьев, снова бесцеремонно ощупал и осмотрел. – У тебя вывих плеча. На спине два шрама, один надо зашивать, хотя плащ сделал свое дело, остановил кровь. Вот еще рана – ниже колена. И укус тут, чудом кость уцелела.

---

⁴¹ В Нитле живое серебро – это особое настроение и состояние, бескорыстный дар со стороны мира и людей – свет и кровь души, изливаемые среброточивыми.

⁴² Живые клинки даже для Нитля редкость. Причина благосклонности рудных клинков к ангам не имеет объяснения. Есть мнение, что им скучно. А может, им – горячей крови мира – непосильно бездействовать в зиму, когда люди одни обороняют замки и сам мир?

– Так вроде бы я его в единый миг... – прошептала Черна, сжимая зубы и начиная ощущать все перечисленное – болью, ознобом, растущей слабостью.

– Ты ломала буга довольно долго, я успел накинуть нагрудник и расчехлить запасное оружие, что хранил во вьюке, – мрачно признал анг, вправляя руку и принимаясь рыться в вещах. – Порошок для присыпки так себе, шить буду – спина поболит. Погоди, не дергайся. Нитка, игла... Черна, выпадая из ума в иное состояние, мы не читаем ни себя в бою, ни тока времени, ни многого иного, важного в обычной жизни. Я совершенно не понимаю, как ты справилась. Не завершив обучения, не миновав испытания, не обретя взрослости бойца. Хотя второй луч у тебя есть, это запад⁴³, он заметен внятно.

– Корень ладно под ноги лег, здешний лес мне не чужой.

– В крошечной темноте? Корень?

– Так серебро было рядом, я все видела! И она помогала мне, как и я – ей.

– Кому? – возмутился Тох. – Ты вдруг вскочила и помчалась. Не было к тому ни единой причины. Не было! А теперь у нас нет и второго буга, ты завалила моего вьючного, понимаешь? Выпустил погулять, откуда ж я знал, что кое-кто желает развлекаться так жутко и нелепо...

– Все ж-же не дикий, – сказала Черна, чтобы разжать зубы, но не крикнуть.

– Не дикий? Боевой, взрослый и обученный, в отличие от тебя!

Анг зарычал, не принимая ни единого довода и не имея внятных возражений. Вместо продолжения препирательств он молча принялся шить спину Черны, ловко сводя края раны. Было действительно больно, Черна то и дело прикусывала язык, жмурилась, убеждая себя, что вовсе не слезы текут по щекам, просто сор попал под веко.

– Все, – веско сообщил анг, протирая спину мехом плаща.

– Благодарю, – ответила Черна после размышлений.

– О, ты и это умеешь? – поддел Тох. Устало вздохнул, убрал лекарский набор и оттолкнул вьюк. Лег на спину, глядя в низкий потолок временного логова, укрепленный корнями, слабо светящимися зеленью. – Спи. Надо отдохнуть. Утром пойдем быстро, до коренной складки надо добраться в три дня, а буг у нас остался один на двоих.

– Если мне ничего не почудилось, тварь охотилась на саму лань, а откуда бы в задичалом лесу взяться серебряному чуду? И что могло помешать дивному созданию ускользнуть, она быстра, как луч света, так говорят легенды, – едва слышно прошептала Черна, хмурясь и нащупывая рубаху. – Тох, что-то крепко нездорово в нынешней ночи. Лань учуяла большую неправду... Зря ты спустил подневольную тварь с поводка близ жилья. Как ты вообще мог?

– Это не мои земли и не мой замок, – анг потянулся, поймал подругу за руку и привлек, норовя устроить на предплечье и укутать краем широкого плаща. – И не твой. Привыкай, мы более никого не оберегаем и не принадлежим никаким клятвам.

– Что меня разбудило? Серебро, – не слушая доводы, шептала Черна. – Кто мог подсветить? Тэра? Нет, она бы никогда... Она прорицательница, ей что серебро, что мрак – все чуждо, стороною бродит. Белёк? Он недоросль, покуда вальз из него так же не хорош, как и воин... Старшие вальзы? Нужна им недоученная соплюха, да и сами они – тьфу, серость. А почему у нас темно?

Черна высвободила руку, нащупала амулет на запястье, сняла колпачок и тронула фитиль лампы острием жар-камня⁴⁴, по очереди поднесла к синеватому огоньку остывшие плоскости с маслом, и расставила светильники в круг. Пещерка озарилась дрожащим светом, позволя-

⁴³ Западный луч дара – это управление пространством. Вальзы запада никогда не натаптывают мозолей: они добираются короткой тропой. Зато глаза их по прибытии нередко делаются велики от удивления: они часто добираются не туда. Самый обычный для вальза запада вопрос после возвращения в ум: «Где это я?». Во всех ближних к Нитлю развитых мирах эта фраза включена в опознание систем экстренного оповещения.

⁴⁴ Привычку делать подарки пламенный Файен, вероятно, перенял у людей. Так или иначе, он сам решает, кому выделить камень, а кого обжечь и отогнать.

ющим теням прыгать и плясать, а взгляду – примечать то один закуток, то другой, неполно проникая в тайны ночи. Черна перекадилась к краю плаща, подтянула ближе свои вещи, встряхивая и запоздало укладывая аккуратно, чтобы занять руки. Пояс притаился змеей у стены, потянувшись к нему, девушка вздрогнула и прикусила губу. Две половинки деревянной дудочки лежали раскрытым коконом, левая была пуста, в правой копошился волос сплошного мрака. Лишь на миг увиделся этот волос и сразу затаился в тенях, но рука уже нашла жар-камень и без промедления вдавила его острие в петлю волокна тьмы.

– Ужрец⁴⁵, – не веря себе, сообщила Черна, глядя, как волос делается отчетливо виден, объятый огнем, как он с треском выгорает, конвульсивно дергаясь. – Надо же, зрелый! Никогда их не видела. Значит, вот какова была неправда, оскорбившая лань? Тох, кем бы мы стали к утру, доползи дрянь до изголовья? Как они берут людей? В ухо лезут?

Черна бормотала, торопливо натягивая штаны и ежась от запоздалого ужаса. Возражений анга она не слышала, даже если он говорил что-то. В ушах грохотал пульс. Отчего-то все невозможное и худшее вздумало сплестись в ком мрака именно сегодня, когда на миг помстилось впереди будущее обычного человека, живущего в мирном селении своей семьей, с любимым мужчиной. Пусть внизу, за перегибом складки, пусть в неизбывной тоске по родному лесу...

– Ты куда? – застонал анг, подсекая под колени и пребольно роняя на корни, да еще прижимая выше поясницы, для надежности. – Черна, уймись! Ну, что за ночь...

– Некогда объясняться. Пусти.

– Ты почти обещалась уйти со мной, хоть попробуй выслушать...

Вывернуться из захвата едва удалось. Спасла рубаха, лоскут остался в одной руке анга, приличный клочок волос – во второй, клещами сжимавшей затылок. Черна сморгнула нечаянную слезинку уже на бегу. Дудочку подарил синеглазый пацан, и не было привычной радости, гревшей душу при всякой встрече с маленьким солнышком. Если припомнить: и сунул-то вещь неловко, а прежде не вышел встречать. Отсиделся за печью. Но оттуда, из тайного логова, отец его не изгнал, когда пригласил гостью в дом. Что получается? Дудочку приятелю велели отдать старшие. Им приказал вовсе невесть кто, и поди теперь выведай, кто именно?

Черна мчалась, не выбирая дороги, стрелой прошивала щетинистый кустарник, прорывала плотные пологи листьев и теней, расталкивала плечами стволы... У правого бока кто-то клацнул зубами – то ли с ветки свесился, то ли прыгнул и промахнулся. За спиной завыли на три голоса, чуя кровь и споря: добыча так пахнет или опасный враг? Левее из ночи прыжком, заставившим вздрогнуть всю сеть корней ближнего леса, вырвался Руннар, взблеснул тусклой зеленью панцирной громады, потянул носом воздух – и сгинул...

Поселок не спал, на вышках многоголосо перекликались. За частоколом выли по-бабьи, тонко и обреченно. Зарево большого костра подкрашивало желтым и бурым острия заточенных кольев, будто питало их ядом. Черна оттолкнулась и с изрядным запасом перемахнула невидимый во мраке ров, без ошибки нащупала знакомую опору свитого в спираль корня и бросила тело вверх, чтобы мгновением позже спружинить и встать на ноги в круге стен.

Она сразу увидела то, чего боялась и что рисовала в воображении: черное лицо угольщика с беспросветными глазницами, куда опрокинулась сама тьма. Голова лежала в стороне от тела, скребущего землю недавно отросшими когтями. Старший сын угольщика стоял над телом, сосредоточенно и обреченно держал наизготовку тяжелый топор, осматриваясь и прикидывая, стоит ли еще кому снести голову, покуда тот вконец не озверел.

---

⁴⁵ Ужрецы в Нитле не редкость. Но «зрелыми», как это принято называть, их делает влияние дара вальзов. Зрелых ужрецов опробовали не без успеха в борьбе с самыми опасными обитателями исподья, но скоро выяснилось: они переменились и стали склонны также охотно нападать на людей, как на их врагов. Именно поэтому ужрецов уже более сорока лет не возвращают до зрелости, но, как ни странно, временами их нападения повторяются, в лесу пропадают анги и вальзы. Даже летом.

– Черна, – с заметным облегчением выдохнул рослый детина, толстые губы дрогнули гримасой боли. – Ночью кого еще и ждать, если в подмогу-то... Горе у нас. Темное горе, тяжкое⁴⁶.

– Не спросить теперь, кто ему всучил дрянь, чем пригрозил, – огорченно тряхнула волосами гостя. – Все верно делаете, так и велела Тэра. Сперва жечь голову, а прочее – лишь добавив свежих углей. Давай топор, сама присмотрю, что и как.

– Управлюсь. Там братишка, – губы исказились новой болью. – В подполе.

Черна охнула, прыжком ввалилась в лачугу, отпихнув мешающую дверь. Оттеснила женщину, слепо, со стонами, ползающую по полу. Пожалела мельком: бабья доля, терпи весь век, корми, рожай-ублажай – а после еще и хорони, наново рви душу... Люк в подпол казался прямоугольником упругого мрака, отрицающего само существование света в мире. Черна брезгливо повела плечами, вдохнула глубоко, будто готовясь нырнуть – и полезла в тень, на ощупь раздвигая запасы в кадучках, кувшинах, корзинах. Незримый пол бугрился множеством свежих корней, их приходилось рвать, пока не освоились и не сплелись в ковер.

Тело пацана оказалось еще теплым, корни пока что ползли по коже и искали входа к кровотоку, но свежих ран вроде не было, большой вины перед лесом – тем более. Это ослепляло, ослабляло жажду ночи. В какой-то миг Черна поверила, что сможет просто поднять тело и вытащить наверх. Но затем нащупала правую руку пацана – запястье оплетено жадно, в несколько колец, кора под пальцами липнет, влажная от свежей крови. Чуть помедлив, Черна выбрала ненадежный путь жалости, одним махом перерубила толстые корни у самых пальцев мальчишки и рванула тело вверх. Перекатилась по полу, прижимая к себе добычу, норовя согреть и оградить от беды, непосильной не то что ребенку – взрослому ангу.

– Надо было руку рубить, – рассудительно сообщил старческий кашляющий голос.

– Все вы умны, когда судите не свои дела, – обозлилась Черна, срезая один за другим малые волокна корней и прижигая раны жар-камнем. – Он мал еще, что ж ему, жизнь изуродовать за чужие грехи?

– Сам в подпол сиганул, да ночью, – не унялся старик. – Сам руку порезал, вот уж что яснее рассвета. Сам и беду накликал. Голову бы оттяпать. Отца сгубил, мать...

– Сейчас тебе оттяпаю, если язык не проглотишь, – не оборачиваясь, пообещала Черна. Отделила весь корень и бросила в подпол. Там опасно зашуршало, толкнулось в пол, обозначив трещину, но унялось. – Он спас всех вас! А что тебе и прочим ведомо о злом деле, и ведомо ли хоть что, пусть выясняет Тэра. Ну, давай пацан, дыши. Скоро явится солнышко, пуховое, как твоя дурная голова. Дыши.

Худенький даритель дудочки теперь был ничуть не похож на себя из благополучного вчерашнего дня. Кожа синюшная, губы землистые, тело враз высохло, исхудало. Нет в нем веса, нет силы. Да и самой жизни – одна капля, последняя. Волосы сбились в грязный ком, прилипли ко лбу потными прядями. Руки сделались тоньше прутиков, всякая косточка на виду. Черна вздрогнула: сбоку сунулась хозяйка дома, осмысленно глянула на сына, погладила дрожащей рукой по щеке.

– Выживет, – строго приказала мирозданию Черна, прекрасно понимая, что права приказывать у нее нет. Зато упрямство-то имеется. В избытке.

– Лес позовет его, – испуганным шепотом обозначила женщина новую беду, еще не сбывшуюся.

– Что с того? – зевнула Черна, принимая у хозяйки стеганное из клоков одеяло и кутая пацана. – Он человек, ему решать, какой зов нужный, а какой ложный. Может, наконец-то выявится у нас хоть один толковый лесник⁴⁷.

⁴⁶ Когда предательство выявляется пролитой кровью, делается поздно виниться и просить о жизни в долг. Одни вырастают в корни, другие не могут осилить в себе зверя.

⁴⁷ Происходит из людей. Покидает их круг, имея к тому всякий раз свою причину, но далее до конца дней беззаботно живет в дуплах. Делается нелюдям, склонен к зимней спячке. Иногда по селениям шепчутся о великой власти и силе лесников.

Мальчик закашлялся, скрючился в складках одеяла. Снова притих, но дыхание теперь вернулось и было ровным, постоянным, а это уже немало после приключившегося. Старик покряхтел, готовя для высказывания многочисленные дурные приметы и понятные ему прямо теперь грядущие беды – но припомнил, что грозит болтуну после первого же слова. Черна, как знают все в окрестностях, неукоснительно исполняет обещания. Даже данные сторяча.

Веки пацана дрогнули, медленно, будто нехотя, создали щель и допустили к глазам слабый свет двух лучин и масляной лампы, зажигаемой лишь в важные вечера и опасные ночи. Черна выругалась, не зная определенно, как относиться к переменам. Глаза у мальчика стали серыми, корни вытянули всю их небесную синеву. Всю радость беззаботного детства...

– Я виноват, – голос был тише лиственного шепота. – Чужой подарок тебе дал. Плохой, ведь чуял, он жег руку холодом.

– Зачем полез в подпол?

– Корни просил о важном, больше было некого будить и звать, – еще тише выдохнул мальчишка.

Едва ли хоть кто-то, кроме Черны, разобрал сказанное: она и сама поняла лишь потому, что знала ответ заранее, собрав его из осколков воспоминаний о минувшем дне, из домыслов и примеченных странностей.

– Что ты пообещал лесу? – спросила Черна.

– Отозваться, – без звука шевельнул губами пацан.

Этот ответ был еще понятнее и неизбежнее прежних. Черна фыркнула, отнесла легкое и по-прежнему не особенно теплое тело, устроила на широкой лавке. Легла рядом, плотно обнимая. Хозяйка дома засуетилась, набрасывая сверху горкой вещи, какие попались под руку – лишь бы согреть сына. Кажется, она поверила, что мальчик уцелеет.

– Во, укутывай, это дело куда полезнее воя и слез. Сегодня никто не позовет, я тут, и нынешний счет закрыла, – с мрачным удовлетворением подтвердила Черна. – Раз так, живите спокойно до поры. Тэра решит, тут оставить пацана в зиму или он годен для замка. И не рыдай! Знаю наперед твои жалобы. Ничуть не сироп – носить на шее знак замка и иметь хозяйку. Но кое-кто ошибся, отдавая чужой дар вопреки сопротивлению души. Значит, придется жить в чужой воле, покуда не возрастит право на новый выбор.

Хозяйка лачуги всхлипнула и замерла, не смея дышать: в самых недрах ночи отчаянно и протяжно завыл буг. Черна сокрушенно вздохнула и промолчала. Она тоже сделала выбор вынужденно и, увы, лишилась права на то, что вечером казалось главным, лучшим в жизни: Тох не останется близ замка Файен теперь, когда во владениях Тэры переполох. Ясномогучий анг южного луча наверняка уже в седле. У него накопились весомые причины выместить огорчение на буге или врезать по ближнему стволу, карая чужой лес...

Беззаботное лето – за спиной, в прошлом. А с ним уходит, сочится меж пальцами и впитывается в невозвратность очень и очень многое. Столь ценное, что хочется подвывать бугу и вдове озверевшего угольщика, позволяя себе стать бессильной поселковой бабой.

– Глупости, – шепнула Черна. – Я так и так не нарушила бы данного слова. Тэра знала, потому и не спрашивала, тяжело ли таскать корзину и умно ли топтать по лесу, принимая на себя дело распоследнего никчемного слуги.

Глава 5. Влад. Разговор не по душам

Москва, последний вторник октября

Было немного странно стоять и читать знакомые надписи в обшарпанном лифте, пока он скрипит тросами и ползет вверх с обычной своей старческой неторопливостью. За те три месяца, что Влад прожил вне этой квартиры, накопились мелкие перемены: кто-то удосужился стереть ругательные слова с левой створки двери. Зато на правой острым нацарапали те же слова, да еще с дополнениями и уточнениями. Пририсовали картинку мутации доллара в свастику – или наоборот? Пойди пойми, что кипело в больной голове очередного недоросля. Он и сам не парился, занимая руки бездельем.

Свет мигнул, лифт вздрогнул, десятый этаж показался недостижимым. Но – обошлось. Еще один рывок, дверцы разошлись и выпустили жертву, разочарованно скрипнув напоследок.

Влад быстро покинул западную, пахнущую туалетом и сладковатым дымком, и побрел по полутемному коридору, лавируя между коробками. Было почти невозможно вспомнить свои ощущения при заселении в этот дом – давние, со времен первой встречи с Маришкой. Тогда он всю зиму, независимо от погоды, носил единственную теплую куртку, пахнущую не кожей, а чем-то неистребимо китайским, жестоко химическим. Он был счастлив, поскольку безмерно устал от съемных комнат, от неустроенности общаги, еще свежей в той, давней памяти. Маришка жила в собственной однушке с приличной кухней. Из окон открывался вид на соседние дома и краешек дальнего поля, за ним дымила Капотня, но все это вместе было частью столицы, то есть значимым плацдармом, отвоеванным у конкурентов, случая, судьбы и иных врагов человека, делающего карьеру собственными силами.

Рядом имелся торговый центр, тогда еще респектабельный. В соседних квартирах жили – соседи, как и должно быть в нормальном доме.

Дверь распахнулась, перегородив дорогу. В коридор трудолюбивой колонией высыпали мелкие, шустрые и на редкость одинаковые на вид «гости столицы». Сколько их помещается в «трешке», проданной год назад семьей Горуненко, вряд ли знает не то что полиция – даже местная торговая «мафия». Влад рефлекторно прижал локтем портфель и нащупал телефон. Протиснулся мимо гомонящих китайцев, готовящих к транспортировке сложенные у стены тюки. Ложная тревога. Эти, в общем-то, и не воруют в наглую. Вот прежние постояльцы квартиры, цыгане, были пострашнее.

С тех пор, как полулегальные рынки по воле больших людей мигрировали сюда с прежнего своего адреса, район сделался неузнаваем и все более менялся. Коренные жители еще боролись за право на то, что именуется нормальной жизнью, но, поскольку чиновники такого словосочетания в своих бумажках не находили, борьба носила конвульсивно-затухающий характер. Люди шумели, писали жалобы, ходили по инстанциям, а, исчерпав терпение, продавали квартиры и перебирались туда, где в школах еще учат и учатся на государственном языке без акцента, а в домах живут, а не ночуют между сменами, набившись так, что тараканам сунуться некуда, и потому они норуют всей колонией откочевать к соседям...

Возле двери Маришкиной однушки лежал влажный коврик, не затоптанный ордами пришельцев. Рядом громоздились три коробки, поставленные одна на одну и перетянутые веселыми желтыми транспортными лентами. Влад с подозрением покосился на эту китайскую башню – и пощекотал кнопку звонка. Трель зазудела по ту сторону двери. Едва разобрав шаги, Влад назвалса и стал ждать решения по своему вопросу – то есть права на разговор.

– Привет, – очень спокойно сказала Маришка, открывая дверь и выглядывая в коридор. Забрала у Влада коробку с тортом. – О, ребята все же приволокли лапшу. Раз пришел, занеси коробки. Сюда ставь.

– Здравствуй. Вот, и цветы. Ты общаешься с... этими? – поморщился Влад. Он содрал кожу на косточке большого пальца, неловко протискивая большую коробку в дверь.

– Так устроена, к сожалению, не умею посылать достаточно далеко. Никого, – в голосе обозначилось напряжение. – Ты хотел выпить чаю именно на моей кухне. Хорошо, я согласилась. Но мы не будем обсуждать ни моих соседей, ни твоих. Рассказывай, как у тебя все круто и продвинуто. Люблю хорошие новости.

– Мишка дома? – осторожно уточнил Влад.

– У бабушки. Ты ожидал иного? – Маришка отвернулась и пошла на кухню. – Я подумала как следует, с чем ты мог вдруг явиться. Все варианты мне не понравились, а шуметь и тем более сопеть носом при ребенке недопустимо.

– Как ты любишь просчитывать наперед плохие варианты.

– Боже мой, ты до неприличия постоянен. Торт со знакомым лейблом и евробукет. Да, я умею просчитывать, я дура с мозгами. Доволен? Тогда пей чай и говори, с чем пришел.

– У меня новый проект, – Влад попробовал исправить тон разговора, почти силой всучил букет и начал распаковывать торт. – Очень большое продвижение, солидные деньги. Свобода от дурацких указаний дурацких шефов, полномочия, новый уровень... Конечно, устаю, но дело движется, мы уже сняли офис. Мы...

– Я впечатлилась и, пожалуй, завидую, если так надо, – сухо отметила Маришка. – Дальше.

Сознавая, что разговор совсем не склеивается, Влад улыбнулся, сходил за ножом и принялся резать ленточки на пластике тортовой коробки. Сам, на правах бывшего хозяина дома, добыл тарелочки и разложил куски в бумажном кружеве обертки. Сел, сразу отхлебнул слишком горячий чай и вынужденно помолчал.

– Вам с Мишкой я буду переводить средства на карточку, так удобнее, – облизнув сожженное небо, сообщил Влад. Еще помолчал, хмурясь и выискивая годное продолжение для разговора. – А что за проблемы? Ты как-то звонила утром... на прошлой неделе, кажется.

– Трудно было запомнить, да. За долгое время я позвонила первый раз тогда, – через силу выговорила Маришка, упрямо глядя в чашку и не двигаясь. – Ты отшил первым же словом. Знаю я, кому ты говоришь «здрасьте» вместо нормального приветствия: тем, кто не нужен. Поэтому и перезвонить не пожелал... Ты все сказал? Все, для чего явился?

– Я пока ничего не сказал, – сдерживая раздражение, Влад постарался начать беседу. – Признаю, у нас непростое время... было. Мишка постоянно шумел, я не отдыхал. В конце концов, я вкальваю, не стоит это сбрасывать со счетов. Я н-не понимаю, отчего со мной надо говорить таким тоном. Я не пацан, чтобы получать выволочки. Да, мы взяли паузу в отношениях, но я ответственный человек и не отказываюсь ни от чего. Я сейчас вкальваю по четырнадцать часов в день, это надо понимать. Будет ипотека, хороший район. Я прилагаю усилия, понимаешь?

– Понимаю, – по-прежнему глядя в чашку, сказала Маришка тусклым голосом. – Мы не станем мешать. Иди, прилагай усилия. Прямо теперь иди и прилагай. На все четыре стороны вон из моего дома!

Кричать она не умела, так что свой нелепый срыв и жалкий скандал прошептала все в ту же чашку. Влад тоскливо глянул за окно, на мерзкие трубы Капотни. Район соседний, а вонюю делится щедро... Чем гаже дрянь, тем она ловчее приживается в столичной атмосфере, это доказано давно. В иное время Влад высказал бы вслух столь занятное замечание, а Маришка бы хихикнула и одобрила: звучно. Но не теперь.

Маришка с первого дня знакомства была существом непостижимым, умеющим удивительно слушать и вникать, давать дельные советы по всякому новому проекту или превращать неудачи в нечто маловажное, случайное... Пока не появился Мишка, сама она успешно работала и была ценима сослуживцами. Все друзья Влада приняли Маришку еще до того, как зна-

комство переросло во вполне официальные отношения... Увы, иногда она замыкалась, упиралась и становилась невыносима. Совсем как теперь. Достижения и успехи теряли глянец, победы казались сомнительными, а цели и вовсе ложными. Отвратительное ощущение того, что тебя не уважают и даже не ценят, в такие минуты перевешивало иные доводы. А причины очередного истерически-женского срыва, если до них невероятной ценой удавалось докопаться, всегда оказывались ничтожны. Летом, когда Влад сообщил, что намерен съехать отсюда, Маришка криво усмехнулась и предположила, что он боится заразиться послеродовой депрессией. И они поссорились тихо, но как-то окончательно.

– Ну, давай хоть на позитивной ноте разойдемся, – предложил Влад, помня вторую и главную цель разговора, помимо перевода средств через карточку и попытки поддержания отношений. – Скоро у Костика праздник, Альке годик. Я заеду за тобой, возьмем Мишку и все вместе попробуем выйти в свет, так сказать. Отдохнем, покушаем плов. И вот что: в субботу вместе купим Альке подарок, а? Ты умеешь выбирать детские лучше, чем я.

Маришка молчала, кусая губу и отчетливо заметно – сглатывая слезы. Нелепое ее поведение все более раздражало, Влад покосился в сторону прихожей, намечая путь к отступлению. Нетронутый торт кис на блюдах, голландские тюльпаны обреченно чахли на столешнице у плиты. Влад запоздало удивился себе самому, явившемуся не в гости, а домой – ведь иначе он спросил бы первым делом о родственниках. Так принято, и он неукоснительно следовал здравым рекомендациям, помогающим наладить деловой контакт и немного его «утеплить». Но спрашивать о своих, домашних? Вроде нелепо. Хотя он не был здесь давно, он стал чужим.

– А давай просто разойдемся, – сказала Маришка неожиданно безразличным тоном, подняла голову и посмотрела на Влада в упор, даже попробовала улыбнуться сухими губами. – Не надо тратить на меня субботу, возиться с выбором подарка Альке и... Хотя погоди, теперь я поняла: тебе нужен Костик, вот с чего началась история с поездкой сюда. Ах, теперь отчетливо вижу! Напридумывала невесть чего, а ты всего лишь решаешь бизнес-задачу. Иди, Владик. Мы тебя не подведем, если это будет возможно.

– Что-то с Мишкой? – запоздало испугался Влад.

– С ним все хорошо, – отозвалась Маришка. Встала и указала рукой в сторону коридора. – Темы исчерпаны. Я поняла тебя, схожу в банк и заведу карточку, и сразу по почте сообщу реквизиты.

– Точно все в порядке? Почему я должен чувствовать себя виноватым, хотя, в общем-то, поступаю правильно?

– Ты ни в чем не виноват. Лапши хочешь? – Маришка добрела до прихожей, шаркая тапками, и резко хлопнула по верхней коробке.

– Предпочитаю японскую стеклянную, если еще помнишь. С креветками и соевым соусом.

– Япония в тренде, – кивнула Маришка.

– В пятницу созвонимся, сверим планы, – бодро пообещал Влад, набросил пальто и отступил за дверь.

Замок щелкнул. Стоять и видеть дверь перед самым лицом было как-то нелепо. Влад пожал плечами, запоздало выражая и недоумение, и порицание такого отношения к себе. К лифту он зашагал по коридору, временно расчищенному от коробок. Скрипнула дверь соседей-китайцев, коим Влад по наследству мысленно приписал фамилию Горуненко. Дедок, сморщенным ликом подобный рекламе женишения, выглянул и разразился тирадой на родном для себя языке, обращаясь к незнакомцу и определенно – ругаясь. Дед пригрозил пальцем и напоследок прокричал нечто особенно визгливое. Постоял, ожидая ответа, но тщетно: Влад добрался до лифта. С тоской подумал, что только что сюда грузили коробки, вероятность застрять немалая. А дел до вечера – ох, как много!

Маришка в общем-то, ошиблась, он пришел не ради Костика, а вернее не только для сохранения полезной школьной дружбы. Он остро нуждался в возможности поделиться тем, как много сделано, посетовать на усталость. Рассказать о перспективах проекта и выслушать советы – словом, он хотел попасть домой. А забрел в китайское общежитие с древним дедом-скандалистом и неузнаваемой Маришкой, ледяной и безразличной.

– Зачем ей лапша? – спросил Влад у двери лифта.

Глава 6. Черна. Выбор рудной крови

Нитль, замок Файен, хрустальная восьмица

Лето от осени отделяет хрустальная восьмица⁴⁸, время прозрачной легкости и хрупкого, но нерушимого мира стихий и сил. Луна высоко взбирается на небо и подолгу улыбается солнышку, её оттенок обманчиво близок к серебру, свойственному молодой весне. Холодная синева осени почти не заметна: она выявится позже, во вторую-третью восьмицу. Небо такое глубокое и кристальное, что запутавшиеся в волосах ветра паутинки издали видны всякому, а не только вальзу, наделенному даром духа.

Свет утрачивает ослепительную жесткость, жара не дрожит полуденным маревом над крышами и темными скалами. Тени лишены мрачности, лес дремлет в неге тепла, смешанного с сиреневыми туманами прохлады. Буги и иные твари, крупные и мелкие, кочуют к югу или усердно роют зимние логова. Деревья умиротворенно шелестят, напоенные влагой последних летних дождей – согретые солнышком, отмытые от пыли, они широко развернули бронзовеющие листья. Корни замерли в покое, занятые предосенним делом: пока есть время и силы, выступающие над почвой наращивают толстую зимнюю кору, а подземные – поглубже прячут нежные молодые побеги. И нет им дела до людских троп, и стоят без трещин самые глубокие подполы.

У людей хрустальная восьмица – праздник. Летние заботы завершены, сонный лес дает возможность и слабым свободно передвигаться от селения к селению даже ночами, имея в охране всего-то одного посредственного вальза. Дети безбоязненно бегают в чашу и собирают орехи, нагребая шишки для растопки, вяжут в охапки хворост. Самые отчаянные шепчутся с ленивыми корнями, уговаривая подарить сухой алый цвет⁴⁹, уже высеявший семена. Угольщики кланяются старым деревьям, испрашивая разрешения взять для дела сухостой.

Не удивительно, что именно в хрустальную восьмицу на лугах близ замков вырастают шатры осеннего торжища. Пестрят и колышутся ленты, хлопают пологи. Светлый дым костров, накормленных сухим листом, вьется прихотливо и узорно. Он послушен воле вальзов, украшающих праздник и в кои то веки склонных забавляться, исполнять прихоти детей.

Черна распродала дикий мед, добытый из вершинных дупел, еще в первый день. Второй извела на покупки. Она в единый миг выбрала себе новую рубаху и до заката прочесывала все ряды, присматривая гостинцы знакомым и заодно ревниво косясь на работу пришлых кузнецов. Третий день, последний свободный, девушка приберегала для вдумчивого и восторженного изучения самородного железа. Обычно хоть малую толику его привозили с севера, из болотистых земель близ замка Хрог. В минувшие два сезона оттуда снялись и ушли семь селений, испросив права обосноваться в более благополучных землях. Железо, и прежде не составлявшее предмет торга, теперь сделалось чем-то полуполюгендарным.

Единственный тощий рудник⁵⁰, на вид изможденный и обтрепанный, сидел в сторонке от торга, у самой опушки. Он дремал, пережевывая лепешку. Или притворялся? Пойди их пойми, тех, кто с людьми говорит раз в год и сам уже так с болотом сросся, что пахнет мхом, тиной и рыбой.

---

⁴⁸ Луна у Нитля одна. То есть сейчас именно так. А надолго что-то утверждать в отношении мира, который себе на уме и корнями тянется во все стороны... Никто и не утверждает. Луна одна и четверть её полного периода – восемь дней. Месяц Нитля – четыре недели.

⁴⁹ Он дарует, исполняет любые желания – правда, сбудутся они лишь во сне. Детей это устраивает.

⁵⁰ Некоторые полагают, что рудники сродни лекарям для мира: кровопускание помогает снизить давление. А руда – всего лишь старый тромб из сосудов Нитля. Но вслух и тем более при рудниках подобное не говорят.

Белёк судорожно вздохнул, помялся, привычно страдая за широкой спиной приятельницы. Он с первого дня в замке мечтал стать ангом, не скрывал намерений и ужасно, мучительно переживал неудачи. Ростом не вышел, в кости тонок, колено в пятнадцать повредил и с тех пор прихрамывал, вопреки безмерному своему усердию в разработке попорченных жил.

Еще с весны истинный клинок сделался для Белька навязчивой и недостижимой последней надеждой на обретение равных с Черной прав на испытание. Парень плохо спал и похудел за лето, что почти невозможно при его природной сухости тела. Тэра Ариана, конечно же, глупости ученика ведала, но до поры не вмешивалась, наверняка полагая: перерастет. Но накануне торжища пригласила в каминный зал, усадила у живого огня и долго молча смотрела в лицо. Затем так же без слов созерцала недра хрустального шара, появившегося в этом зале невесть откуда – ни одному слуге не ведомо, как.

Что Тэра увидела, осталось известно одной ей. Прорицатели редко делятся знанием без нужды, а что такое «нужда», опять же им решать... Прервав молчание, хозяйка велела позвать Черну. С порога та слышала часть сказанного Тэрой.

– Ты вальз, особенный и вовсе не бездарный, – раздумчиво делилась малой толикой увиденного прорицательница, трогая кончиками пальцев сияние над поверхностью шара. – Такой вальз, что я умолчу о многом... Клинок тебе не в пользу, оружие – не твоя стезя. Однако, отказав в малой глупости, я накликаю куда большую, и обернется она бедою. Ты свихнулся на желании слыть сильным. Хорошо же, слыви – или расстанься с надеждой. Вот Черна, упрямее девки во всем свете нет, что ведомо нам обоим. С подлинным болотным железом она прежде не работала, но жажда её не менее твоей: так и грезит уложить кровь мира под молот и сродниться с готовым клинком. Один он возможен по осени, тут и дара прорицания не требуется, чтобы назвать число... Пусть судьба решит, кому достанется, а кого обойдет вниманием. Вот чего хочу я: вместе идите на торг и возьмете то, что дастся в руки. Оно навек развеет вас. Избранник рудной крови получит многое. Второй будет отринут и... скажу так: после испытания он не останется в замке.

– Так осень на носу, – возмутилась Черна, переживая за приятеля.

– Тебя спрашивали? Тебе позволяли молвить слово? Или ты сама догадалась испросить о том? – хозяйка говорила ровно, и такой тон прятал большое раздражение.

– Уже высказалась. Теперь помолчу, нечего меня пилить, я не корень.

– Достань уголек, – ласково велела Тэра, щуря тусклые глаза недобро и многообещающе.

Черна сокрушенно вздохнула, встала на колени у камина, как подобает всякому, вознамерившемуся коснуться живого огня. Прошептала несколько слов приветствия и потянулась за указанным угольком. Тэра, расчетливая куда более, нежели жестокая, указала малый и тусклый, в стороне от главного пламени. Но и его держать невыносимо, живой огонь кусает куда злее обычного – он не просто жжет плоть, он пробует подавить и ослабить волю.

Черна держала бурый глазок пламенной жизни, ощущая сперва его жар, затем движение подобия корня, болью пронизывающее руку до плеча, рвущее сердце. Пот застил глаза, крупным бисером копился на лбу. Хотелось выть, но пока что удавалось молчать, прикусив язык.

– Верни его домой, – разрешила Тэра, когда рука с угольком задрожала и чуть опустилась. – И запомни хотя бы на двадцать первый год жизни, кто во всяком замке заговаривает первым: свободные люди. Только они, но никак не носители знака своей старой ошибки.

Черна собрала остатки сил и бережно уложила уголек на прежнее место, не бросая и не роняя. Разогнулась, отдышалась и кое-как сдержала улыбку. Ничто не делает жизнь столь прекрасной, как схлынувшая боль! День теперь светел, а злиться на Тэру нет ни малейшего намерения. Она, в общем-то, права. Почти. Черна поморщилась, проглотила кровь с прокушенного языка и покосилась на хозяйку.

– Что еще? – сварливо бросила Тэра.

– Я тут живу столько, сколько помню себя. Может, даже с рождения. Всегда хотела знать: в чем моя ошибка?

– В том, что ты есть, – очень тихо выговорил Белёк, сморгнул и... очнулся. С ужасом глянул на сожженную руку Черны, сделался белее снега и сполз на пол.

– Особенный вальз, я ведь знала, – Тэра повела бровью. – Забери его, приведи в сознание и успокой. Ему надо совершить немало ошибок, чтобы стать тем, кого и пророку не слепить насильно. Пусть так. Убирайся, я устала.

Черна подтянула на плечо сухое тело приятеля, кое-как заставила себя разогнуться и подняться с колен. Пошатывало изрядно. Нескорый обед вмиг сделался мечтой. Переставлять колоды ног едва получалось.

– Мне с весны занятно, кто помогал тебе таскать уголь столь медленно, – сладким голосом шепнула Тэра в спину. – Разные были мысли, грело любопытство и то, что сфера оставалась темна вопреки моим попыткам всмотреться... или подглядеть. Но последняя ваша выходка слишком уж заметна, даже вопреки шарховой нити в твоём поясе и многослойным манипуляциям с тканью мира, исполненным в стиле южного луча. Ясномогучий анг – существо сложное, движения его души так же плотно затуманены, как и сам образ. Запомни.

– Я желаю помнить лишь то, что сказал он, – выговорила Черна, морщась и прикидывая, получится ли второй раз вытянуть уголек больной рукой. – К тому же я все еще здесь, и мне дурно от мысли, что я вроде твари на хозяйской сворке.

– О, если бы дело обстояло столь просто, – натянуто рассмеялась Тэра. – Спорить не стану, высказывать суждения тоже: ты крепко уперлась. А когда ты упираешься, слова делаются бессмысленны, ты не поверишь самым прямым доказательствам. Иди.

– Заранее предупреждаю: с Бельком ради хозяйской потехи я драться не стану, не по мне противник.

– Разве ты обрела дар прозревать истину? Или я указала твоего противника в испытании?

Черна тяжело вздохнула, нехотя покачала головой, признавая свою исключительную бес-таланность к дарам духа.

За спиной сошлись створки двери. Постояв у стеночки, подпирая её плечом и дождавшись, куда дурнота схлынет, Черна зашагала в сторону кухни. Повара не изуверы, сколько раз им требовалась помощь в поиске диких трав или прессовке топочного торфа! Пусть-ка возместят жирным куском.

Белёк шевельнулся, застонал. Полежал еще немного мешком на плече и попросил спустить его на пол. Всю дорогу до кухни парень молчал, сосредоточенно и грустно хмурясь. Теплый бульон принял так же, даже не поблагодарив повара. И свежий хлеб, выделенный сердобольным пекарем, взялся крошить в варево, как труху...

– Всякое железо изберет кузнеца и воина, – наконец, Белёк высказал боль вслух. – Иди одна к северному руднику. Нечего нам делить. Да и не желаю я мечтать о том, что не мое ни по силе, ни по чести.

– Позже обсудим, – пообещала Черна, выпив свою порцию через край, не стужая.

И вот – обсудили... Белёк сдался нехотя, на торжище пошел нога за ногу, спотыкаясь. Он и теперь мотается за спиной вроде заплечного мешка с дикой травой: и веса нет, и помеха изрядная.

Северный рудник – если верить его виду, человек пожилой – на прибывших не глянул. Вздохнул, погладил траву, льнущую к его руке и норвящую обнять запястье. Сощурился на солнышко.

– Одна корзина не пуста, она выберет себе человека, – голос, неожиданно для столь тщедушного человека, оказался сочным и низким. – Решил я так, и будет так: думать не допущу, сразу тяните к себе, что сочтете своим. Прямо теперь!

Черна нащупала плечо Белька и рванула парня вперед, роняя носом в корзины, более похожие на гнезда, нескладно сплетенные из мелкого прута. Сама тоже потянулась, наклонилась, выбирая на ощупь, а глядя по-прежнему на рудника. Будто бы падая и утопая в зыбкой зелени его некрупных глаз, двумя омутами блеснувших из-под кустистых бровей. На душе сделалось тревожно, твердая почва под ногами поплыла, вынуждая сгибать колени и через силу удерживать равновесие. Рудник был – теперь Черна не сомневалась – настоящим, а вовсе не из числа селян-посыльных, в прежние годы доставлявших железо и самозабвенно игравших чужую роль.

– Все люди огороженных селений ушли от Хрога, – догадалась Черна.

– Слабые ушли, чужие и лишние, – безмятежно согласился рудник. – Так оно и должно, мир очищается. Как пена схлынет, так и дойдет до готовности варево нового. Скоро уже, я вижу, как бурно кипят болота.

– Но ведь они, ушедшие, и есть люди, – снова шепнула Черна, ощущая, как по спине бежит холодок. – Для кого же чистить мир?

– А я кто, по-твоему? Я коренной, а сухостой да труха пусть вымывается да в перегной уходит, в дальний, окраинный. Выбрала корзину?

Черна кивнула, плотнее сжимая ворох веток и понимая с растущим недоумением: пусто, легко... Не далась в ладони вожденная болотная кровь!

– Ковать не зазорно и сильным, и коренным, – плоская линия губ рудника треснула улыбкой. – Но кровью мира из него же вырезать жизнь – не моги, если чувствуешь в себе силу. Клинок он – что? Он костыль для хромых и искушение для слабых. Твой друг хромает?

Черна почувствовала, что тонет в омуте недосказанностей. Желая вырваться, она глубоко, судорожно кивнула, а когда подняла голову, рудник уже шагнул прочь. Под ноги ему даже в тихую хрустальную восьмицу ложились гладкие корни, а низкие кряжистые сучья вино-вато поджимали побеги, торя родичу удобную тропу. Словно этого мало, из-за ствола высунул длинную морду дикий буг, улыбнулся всей пастью, неумело лапаясь. Со снежно-белых клыков капала слюна, бурая шкура, расчерченная заметными лишь в ярком свете дня полосами и крапинами более темного тона, терлась о кору, а мигом позже уже о руку рудника. Буг выбрался в редкую тень опушки весь, вытянулся в данные ему, могучему, полные три людских роста от носа и до основания пушистого хвоста с острыми костяными кромками. Буг припал к траве, урча и заискивающе подергивая хвостом. Рудник, кряхтя, влез на спину, сел боком, прижмурился и вроде бы задремал: его везли домой...

– Принято думать, что дикий лес опасен и... и все такое, – хрипло прошептал Белёк, не веря глазам. – Что же я видел? Как же так?

– Давно знаю: мы, в стенах живущие, и есть дикари, – Черна фыркнула, отвернувшись от леса и уставившись на корзинку, прижатую к груди приятеля. – Хоть кус-то велик? Не то выкую пшик. Вдруг да аккурат сегодня я научусь завидовать? Вроде самое время, мечты мои насквозь проржавели. Ну-ка дай гляну, что ты хапнул.

– Я?

Белек уронил гнездо, пискнул, поджав ушибленные пальцы левой ноги и закачался, стоя на больной правой. Пришлось Черне хватать приятеля за шиворот и поддерживать.

Лишь отдышавшись и освободив руки, лишь нащупав ушибленной ногой почву, Белёк осознал и тяжесть корзины, и свое везение, и непостижимый поворот судьбы, и брезгливый приговор рудника: клинок дается никчемным... Черна вlepила приятелю увесистую оплеуху, обозвала пустоголовым. Велела с извинениями поднять драгоценное железо и более не ронять, выказывая ужасающее неуважение к крови мира. Сама она уже мчалась по торжищу, рыча на встречных, без разбора отгребая с пути всех подряд и разыскивая старшего сына покойного угольщика. Полученную из рук болотного человека руду важно до заката согреть и размягчить, перелить в новую форму. Только так свершится полная работа по живой стали! Только так:

покуда она помнит волю отдавшего дар – и удачу принявшего. А для толковой ковки требуется свежий летний уголь, выжженный из корней здешнего леса, родного для Белька.

Суета важных дел и сопутствующих им мелочей закрутилась вьюном осенних листьев, запестрила в глазах, мешая учесть время, обманывая усталость и отгоняя мысли.

Лишь в кузне Черна надежно очуталась. Она стояла с малым молоточком в руке, полная усталости и покоя дела, свершенного должным образом. Старший сын угольщика хмурил широкие брови, уверенно целя тяжелым молотом туда, куда указал малый, серебряно-звонкий. Сероглазый пацан – младший мужчина в семье угольщика – сопел и старательно подбрасывал уголь. Белек метался вдоль стены, от волнения едва помня себя и исполняя лишь прямые указания, простейшие: раздуть меха, подтащить новую корзину.

Вечер, будто сговорившись с людьми, разогнал самые малые облака и усердно ворошил закатное кострище, поддерживая тление света, давая завершить дело ковки без нарушения древних заветов.

– Исполнено? – негромко пробасил угольщик, и Черна впервые сообразила, что теперь его надо звать именно так. По смерти отца старший сын законно унаследовал дело. Если припомнить, так и прежде с сухостоем ходил говорить он, прихватив меньшого брата, пока отец суетился и готовил яму для работы... Угольщик вздохнул и улыбнулся. – А ведь так и есть, управились мы.

– Еще нет, – возразила Черна, откладывая молоточек.

Пот застил взгляд, мешал рассмотреть буро-пепельный клинок. Ладный, не особенно длинный и достаточно узкий, нарядно обтянутый плетением узора. Лишь настоящее живое оружие само избирает рисунок шкуры. Кровь мира самовольна и капризна в работе: или охотно принимает форму, согласившись стать частью человека, или исходит на упомянутый Черной еще на торжище «пшик», выковываясь в сплошную окалину и ломкий, неделовой металл. Клинок этого дня был хорош собою без броскости и глупого блеска. Он еще хранил жар, но уже отказывался менять форму.

– Белёк, принимай, – тихо велела Черна.

– Руками? —переспросил парень, хотя знал правило и вряд ли боялся сжечь кожу. Тут иное, он по-прежнему не верил, что чудо дастся ему в ладони.

Черна фыркнула. Угольщик захохотал – огромный, чернолицый от копоти и страшный в потеках пота, как сам ночной лес. Тяжелой рукой он поддел Белька под затылок и толкнул к наковальне. Ученик Тэры Арианы облизнул губы, прокашлялся, поправил рубаху. Наконец кивнул, встал на колени, опираясь о край наковальни: жилы на больной ноге снова подвели, не допустили свободного движения.

– Я не предаю тебя, – тихо пообещал Белёк.

Ладони дрогнули, несмело потянулись к бурому горячему клинку. Левая легла на основание, пока что лишенное рукояти, правая поддела легкое острие. Клинок вздохнул и отозвался на завершение избрания звоном, неразличимым уху, но внятными всем участникам ковки. Закат, будто задутый ветерком, погас. Пульс живой стали сделался явственным: он бился заодно с сердцем того, для кого теперь стал неотделимой частью.

– Ладонки не напекло? – полюбопытствовал угольщик.

– Хорошо, тепло, – Белёк расплылся в блаженной улыбке. – Спокойно.

– Пора идти к Тэре, – напомнила Черна.

Сказав неизбежное, она с долей настороженности глянула на приятеля. Неопределенность и тем более угроза перемен всегда заставляли Белька вздрагивать. Он терял уверенность или делался жалок, он заранее изобретал в уме худшие исходы еще не завязавшихся обстоятельств. Причем переживал не за себя, а за знакомых и – вот уж глупость – незнакомых.

На сей раз, вопреки обыкновению, Белёк лишь пожал плечами, смущенно улыбнулся и приобнял горячий клинок. Охнул, хлопнул по рубашке, сбивая пламя. Живая сталь не сжигает человека, ставшего её частью, но не щадит одежду и даже волосы.

– Прости, я рассеян сверх меры, – вздохнул приятель, удобнее перехватил клинок и понес, вежливо придерживая обеими ладонями и отстраняя далеко от одежды, стен, дверей – всего, что способно гореть.

– Как ощущения? – ревниво уточнила Черна, знавшая понаслышке о даре крови земли, но отчаявшаяся получить сокровище.

– Он разгибает меня, – улыбка Белька сделалась шире. – Он звенит... то есть мы звеним, нам все по плечу. Беды сделались вдвое легче, а радости – вдвое весомее. Черна, отчего повезло именно мне? Ты воин и кузнец, по праву и силе сталь должна родниться с тобой.

– Кровь мира, а не сталь, – поправила Черна. Растерла гудящий утомлением затылок. – Пожалуй, мне нельзя облегчать беды, иначе я вовсе перестану замечать важное, да и разгибать меня нет смысла. Все правильно, ты был нелепо тонкошкурый. Даже имя: оно у тебя вроде как у малыша, а не у взрослого человека.

Приятель кивнул, снова глядя на клинок и не отдавая себе отчета: впервые за время пребывания в замке он шагает по середине коридора, не пробуя прижаться к стене и пропустить всех, заранее сознавая или домысливая каждому встречному и попутному важное дело, дающее ему право пройти первым. Слуги от такого непривычного, нового Белька шарахались, а то и кланялись с уважением, вмиг рассмотрев перемену.

Тэра Ариана Файенская, хозяйка замка у основания северного луча, ждала учеников в главном зале, все у того же камина, неизменно наполненного жаром души этих земель. Она сидела в кресле прямо, как и подобает во время важного приема. У правого плеча замерла безмолвная Милена, старшая ученица. Она еще недавно полагала себя наследницей всего, что составляло силу и дар Тэры. Но – не сегодня... Слева от кресла едва решались дышать прочие старшие ученики. Все они уже несколько сезонов обитали в одной пристройке с Черной и Бельком.

Тэра дождалась, пока прибывшие займут подходящие места, и жестом пригласила всех учеников встать в кольца каменного узора пола, лицом к хозяйке, образуя ровный полукруг. Помедлив и едва имея силы скрыть недоумение, Милена покинула почетное место справа от хозяйки и заняла указанный ей свободный пяточок мрамора в общем построении учеников.

– Настало время определить испытание каждому, – Тэра обвела взглядом учеников. – Такое время неизменно совпадает с хрустальной восьмицей, но не всякий год я вижу смысл и желаю использовать право наставницы. Милена, начнем с тебя, это уже неизбежно. Кто бы ни дал тебе надежнейших гарантий, как бы ни расписал мою слабость и перемену законов мира, чем бы ни клялся – он солгал. Хрустальная восьмица – время прорицателей, мы не самые сильные и не самые главные в мире, однако же мы, вот парадокс, нужны и своим врагам, и своим сторонникам. Потому мы вправе не делить окружение на тех и иных, равно сомневаясь в привязанностях и неприязни. Ты была еще младенцем, когда я внесла тебя в кольцо стен. Я знала меру тяготящей твой род ошибки и ведала, как велик гнев мира. Но я выделила для тебя знак замка и с ним – защиту. Я посмела надеяться, что однажды передам тебе огниво⁵¹ и смогу обрести свободу от долгов и забот... Но ты не залатала прореху старой ошибки, ранившей душу твою. Не спрошу, кому и что ты сообщала минувшим летом. Зачем колебать основание замка, проверяя, чья сила сильнее – моя или того, кто обманул тебя и позже затер следы сговора?

---

⁵¹ Символ родства с живым огнем. Всякий в Нитле знает: нельзя стать хозяином замка и поклясться защищать земли в круге его влияния, не получив согласие живого огня. Передача новому человеку огнива сродни рекомендации. Само огниво может храниться в разных формах. На юге предпочитают вправлять его в боевой налобный обруч или наручье. Западный луч чаще выбирает шейные подвески. Тэра носит огниво в двойном перстне. Наблюдательные слуги в этом видели причину появления на пальце Милены черного когтя – намек и пародии на огниво замка.

Простоними с шеи знак и уходи. Корни спят, безопасные тропы еще целый день открыты для тебя.

– Здесь вся моя жизнь, – в отчаянии шепнула Милена, опускаясь на колени и нащупывая нож, чтобы порезать руку и ритуально просить о прощении.

– Огонь Файена чадит, впереди зима, я вынуждена признать свою ошибку. Теперь уже не суть: я не смогла помочь тебе или ты не приняла помощь... уходи. У нас обеих нет выбора, срок твоей жизни в стенах Файена истек.

– Ты пожалеешь, – хрипло выдохнула Милена.

– Пустые слова... хотя я уже жалею, такова моя слабость. Помни: мы сами закрываем двери и сами же открываем их. Все, что ждет тебя, зависит не столько от старых ошибок, сколько от нового выбора.

Тэра прикрыла глаза и смолкла, давая бывшей ученице время покинуть зал. Когда створки дверей сошлось, лишив Милену права вернуться, хозяйка снова оглядела полукруг учеников, не позволяя себе замечать опустевшее место. Жест Тэры теперь выделил Светла.

– Тебя в кольцо этих стен привела не ошибка, а жажда перемен. Да, частью её была самоуверенность, перемешанная с легкомыслием, но это еще не грех... Увы, дар, который ты смог зачерпнуть и взрастить, невелик. Примешь ли ты место пса⁵²? Нашей тихоне Ружане я дозволю перебраться к тебе в дом и не делать более тайны из ваших отношений. Истиной травницей⁵³ она станет нескоро, даже поборов себя и уделив время лесу и почве, а не тебе, пустоголовому дуралею... и не своим опасным грезам.

– Это честь для нас, – просиял Светл, не ожидавший подобного.

– И обуза для меня. Иди. Теперь ты, – проворчала Тэра и глянула на Белька. – Встань у правого плеча, это твое место... пока я не соскучилась сидеть в своем кресле, так и будет.

– Но как же мое испытание? – впервые осмелился перебить хозяйку самый молчаливый и почтительный из её учеников.

– Лежит в твоих ладонях, еще не остыло, – усмехнулась Тэра. – Разве не понял? Вот ключ,ними знак и займи место. Вины на тебе нет и не было, ты в здешнем мире гость, знак замка тебе – пропуск в Нитль, а не долг. Но отныне нет более для тебя защиты, ты сам – часть Файена и обязан стать защитником, а не слабаком, ищущим укрытия. Разве старая Тэра не заслужила того, чтобы о ней позаботились?

Белёк покосился на Черну, виновато вздохнул, признавая силу доводов, лишаящих права выбирать – вопреки обретенной свободе.

Черна прищурилась, прямо глянула на хозяйку. Она знала, чем обернется для неё удачнаяковка. Осенью покидать замок тяжело, уходить совершенно не хочется, да и некуда. Нет в жизни ни цели, ни смысла: это сделалось очевидно теперь, когда кольцо стен перестало удерживать. Оно было не ловушкой, а домом. Почему так сложно понять очевидное? И почему прозрение в самом важном который раз приходит запоздало и болезненно?

– Твое испытание, – тихо молвила Тэра и заколебалась, и пламя камина опало на потускневших углях. – Можешь просто уйти, не исполняя мою просьбу, если не чувствуешь силы... и присутствия духа. Но тогда я промолчу о том, что сказала бы после испытания.

– Что надо сделать?

Тэра поглядела в пепельный, едва живой камин, поднялась из кресла и прошла к решетке, протянула руки, согревая их над огнем и возвращая пламя из тусклого угля.

---

⁵² Когда ловчим удастся добыть нового зверя, в замке его обустроивает псарь. Он в той или иной мере отвечает за всех лесных – но прежде иных за псахов, сереброточивых и наиболее капризных. Им неволя – смерть. Надо рано или поздно допускать свободу выбора уйти – или остаться. Бездарные псары, не умеющие уговорить питомцев, – потенциальные лесники, причем самые нелюдимые из всех подобных!

⁵³ Если псары отвечают за подбор и воспитание псахов, то травники – обладатели второго вида лекарского дара – совершенствуют знание трав и соков леса.

– Снять шкуру с Руннара. Дело непосильное, но в день синей луны, когда закрутится спайка и устои мира будут колебаться... Не стану лукавить: я не знаю, возможно ли это совершить и тогда.

– Делов-то, – нарочито грубо буркнула Черна, шалея от неожиданной просьбы. А хозяйка именно просила! Отказать этой Тэре, старой и сомневающейся, было невозможно. – Снять – так снять. Одна незадача: а как же мой ошейник?

– Учеников дурнее тебя не было ни в одном замке, – язвительно усмехнулась Тэра, не обращившаяся. Пламя взметнулось, снова встало за решеткой рослое и яркое. – Дерни цепочку как следует.

– Что?

Переспрашивая, Черна ощущала себя не просто глупой – беспросветно дремучей и дикой! Рука нащупала ненавистный ошейник, дернула – и он остался лежать в ладони двумя обрывками.

– Нет ошибки, нет долга. Нет и не было, – сказала Тэра, по-прежнему глядя в огонь. – Есть давнее обещание одному моему... другу? Или врагу. Я часто путаюсь в определении сторон, я прорицательница, а не судья.

– Я могла уйти в любой день, тем более в ту ночь, – вслух пояснила себе Черна, потому что правда не желала втискиваться в сознание. – Я могла и имела право.

– Право? Сомневаюсь, – Тэра покачала головой. – Скорее силу. Видишь ли, ты не столь проста, как может показаться со стороны. До сих пор ты еще... не стала собою. У тебя нет настоящей цели, нет осознания долга, сложного и чуждого прочим людям: долга без выгоды и обязательств, без вины и привязанности. Покинув замок и выбрав путь ради себя самой, ты утратишь многое, не сознавая утраты.

– Я ничего не понимаю.

– При чем тут рассудок? Мы, прорицатели, куда внятнее иных понимаем: логика с опорой на цепочку причин и следствий – лишь верхушка гор истины, сокрытых туманом тайны и наития. Там, в тумане – непостижимые движения душ и озарения духа. Порывы штормового ветра колеблют границы миров... Иди и отдохни. Белёк! Не стой столбом, и ты иди. Завтра обсудим предстоящее. Пока запомните: я запрещаю вам тащиться за Миленой и вытирать ей сопли.

– Больно надо, – хмыкнула Черна, глядя в огонь.

– Белёк, эта... она ластилась ко всем, кто был готов гладить по шерсти, – нехотя вымолвила Тэра. – Не время проверять, что она думает именно о тебе. Отпустите её. Так должно поступить, вот слово прорицательницы.

– Вы прежде не начинали игр, – уточнил Белёк, хмурясь и не пряча недоумения. – Но я ощущаю в нынешнем дне кипение... зуд зреющих перемен.

– Я не играю, лишь совершаю под давлением обстоятельств то, что полагаю неизбежным и своевременным. Идите.

Черна покинула зал первой, в коридоре с рычанием замотала головой, словно выстояла полдня под дождем и теперь норовила растряссти бегущие щекоткой по черепу предчувствия и домыслы. Все это ей – чуждо! К тому же ноги что-то решили помимо головы и резво несут по коридору к винту южной лестницы, обвалом топота и эха – до первого яруса, прыжком под навес внутреннего двора.

Миленка как раз теперь покидала двор. Она уходила – тихая, первый раз за время жизни в замке согнутая. Опустив голову, она брела к арке внешнего двора. Правой рукой сжимала горловину походного мешка, дно которого терлось по камням. Белёк дернулся догнать, но попал под ладонь приятельницы, куда более жесткую, чем кузнечные клещи.

– Иди, выбери толковый материал для рукояти, послековки надо доделать дело, – велела Черна и толкнула парня в сторону кузни.

Сама она в несколько прыжков догнала Милену, уже пересекающую внешний двор, теперь с поднятой головой – аккуратно так идут на казнь... Но – гордость предала, ноги изгнанницы бессильно споткнулись на пороге, под аркой главных ворот. Черне пришлось подставлять плечо и тащить бывшую первую ученицу через мост, чтобы слуги не нашли повода судачить об уходящей. Некоторые, и всякий знает таких в своем окружении, обожают капать ядом на чужие душевные раны.

– Тебя как, проводить до границ лесов западного луча? Или, если хочешь, заломаю буга. В одну ночь дикого под седло не поставит, но я постараюсь, да и ты в уговорах сильна.

– Она наверняка велела не провожать, – дребезжащим шепотом угадала Милена, оттолкнула руку и слепо побрела к лесу. – Бельку велела, и он послушался. Тебе до меня и дела не должно быть! Я всегда отравляла твою жизнь. Я ненавидела твою силу и доступную тебе простоту выбора. Я... – Милена обернулась, скалясь затравленным зверем. – Я шепнула твоему Тоху, то, что шепнула. Я была с ним еще до вашей первой встречи, я и подстроила её по просьбе анга. Он с зимы таскался в наши леса, и делал это, было бы тебе известно, расчетливо. Ну что, наконец-то отказали ноги? Наконец-то я могу топтать, куда вздумаю, без твоей тупой жалости?

– Все вы, вальзы, с придурью, – вздохнула Черна, разжимая кулак, уже готовый нанести удар и отплатить за боль, причиненную словами. – Видите одно, говорите другое, делаете третье, а душа у вас болит от чего-то вовсе уж восьмого... ладно, дикий пламень с тобой. Что было, то прошло и скоро осыплется с листвою. Зато я познакомилась с Тохом. А ты вон – опять одна, ищешь то, чего во всем свете нет. Ну, решила: выслеживать буга?

– Уйди, – попросила Милена, спотыкаясь о первый корень опушки и падая на колени. Она некоторое время пыталась себя сдерживать, но не управилась и тихонько завывала, прокусила губу. Упрямо встала, снова заковыляла в лес. – Серебром заклиная: уйди.

– Не, на меня не подействует, будь ты и первым вальзом сдохшего ныне востока⁵⁴, – фыркнула Черна. – Скажи толком, чего тебе в самом деле надо. Тогда я поскорее сделаю, что могу и пойду отдыхать со спокойной душой.

– Тихое место, отлежаться, – выдавила Милена.

– Пошли, это легко, – приободрилась Черна. – Только на вторую ночь от этой корни очухаются, не забывай.

– Тебе-то что?

– Я думала, ты бегом к этому... Йонгару, – призналась Черна. – Замок у основания луча заката крепкий, но прорицательница им нужна так, что и не высказать. Опять же, сох он по тебе – аж глянуть больно.

– Да никому я не нужна! – закричала Милена, снова спотыкаясь и уже не пробуя встать. Она глотала слезы и торопливо бормотала, уткнувшись лицом в траву. – Никому! Только мой дар, место у правого плеча Тэры со всеми её тайнами или право быть целую ночь лихим мужиком... А я хочу... Я хочу...

– Серебряной ланью стоять на ладони влюбленного великана. – Черна не пробовала насмехаться, просто произнесла приговор, подцепила на плечо безвольное тело изгнанной ученицы и поволокла в лес, к ближайшему логову, вырытому Тохом еще в начале лета. – Спасибо матери серебра, я не вижу ничего в грядущем. Все вы слишком дорого платите за зрение. Изломанные какие-то, в себе копаются, иных всех подряд норовите насквозь просветить, будто они горный хрусталь, а не живые люди. Во, логово. Рыдай, сколько вздумаешь. Завтра приволоку жратвы. Ты реши до полудня про буга-то, его еще искать, если надобен.

---

⁵⁴ О даре востока известно, спустя полвека от его исчерпания, немного. Вроде бы, вальзы этого луча умели будить в душах нечто сокровенное. Об изъяне востока внятно помнят еще меньше. Но дар и изъян обычно поминают вместе.

– Конус тьмы тебе в сердце! – всхлипнула Милена, отползая в дальний угол, в тень. – Ненавижу. Не приходи никогда, поняла?

– Я тоже видеть тебя не хочу. Но знаю: умеи ты ненавидеть, давно отравила бы или допекла еще как.

– Убирайся! Вон! Убью!

Комок земли угодил в плечо, вызвав ответный смех – и не более. Выбравшись из логова, Черна отряхнула грязь с рубахи и побежала, принюхиваясь к пряной застоявшейся осени, туманом сочащейся из почвы. На душе было так легко, что вес тела едва ощущался. Приходилось прыгать и приземляться на кончики пальцев, даже не пробуя обернуться и угадать длину каждого шага: в особенные ночи нельзя отягощать сердце ядом недоверия к чуду.

Глава 7. Влад. Испорченный вечер

Москва, первая неделя ноября

Первый в жизни кабинет, выбранный самостоятельно, для своего дела... Влад осмотрелся, старательно выровнял рамки на парадной стене. Подборка скромная, но – не пустая. Лица узнаваемые для тех, кто понимает. И сертификаты кое-чего стоят.

На столе, возле привезенного из офиса инвестора «на деловое счастье» роскошного яшмового Будды, скромно пристроилась фотография. Её Влад несколько раз ставил и убирал, не имея сил окончательно решить, насколько уместно демонстрировать крепость семейных уз в сложившихся обстоятельствах. После откровенно фальшивого праздника у Костика на душе остался тяжелый осадок. Да уж... хозяин дома радушно принимал Маришку, жена Костика допустила приятельницу к готовке плова и пошутила: «господин назначил тебя любимым поваром»... Всю обратную дорогу Влад молчал. Собственно, он попрощался с семьей Костика, отвернулся – и сразу исчерпал потребность улыбаться напоказ, впал в мрачную задумчивость. И вот – до сих пор не смог очнуться.

Почему Маришка позволила так отвратительно шутить?

– Ну, обживаешься, ага, – туша Иудушки отяготила дверной косяк. – Угости партнера кофеом, а? На правах хозяина – поухаживай.

Влад повернул фото так, чтобы оно спряталось за Буддой, чуть подвинул новенький ноутбук. Иудушку захотелось отравить. Уже который раз... Это неисполнимое желание донимало подобно язве, вызывало настоящую изжогу. Хотелось курить и ругаться. Ну как можно, будучи в начале большого дела, явиться на работу в лоснящемся мятом костюме, без галстука, да еще напялив рубаху чудовищного оттенка? Похоже, будто в стиральную машину попала ржавчина – и осела на ткани.

– Секретаршу еще не нанял? – Иудушка плюхнулся в кресло для важных гостей и уставился на стену с сертификатами. – Учти, чтоб ноги от ушей. Ты-то семьянин, а мне самое оно... Во, резюмешка. Зацени породу.

– Я подберу человека с опытом и мотивацией, – стараясь не выходить из себя, Влад отвернулся к кофе-машине и поставил чашечку под сопло, отягощенное одинокой бурой каплей.

– Ой, не бухти, мне баба нужна, а не человек, – прямо уточнил Егорушка. – Резюмешку могу сам отнести в бухгалтерию... кстати, у нас уже есть бухгалтер?

– Пока что – в офисе инвестора.

– Знаю-знаю, – напевно зевнул Иудушка. – Чего возишься с кофе?

Влад положил два кусочка сахара на второе блюдо – свое – и аккуратно поставил обе чашки на низкий столик. Подвинул одну Иудушке, сел в кресло напротив неопрятного партнера. Теперь, как усвоил по опыту Влад, ему предстояло выслушать подробности нового хобби Егорушки – почти всегда имеется таковое, подцепленное от очередного полезного «другана». Следом за хобби будут изложены и прогорклые сплетни и выпиты свежеенькие. Общаясь с Иудушкой каждодневно, Влад привык мысленно представлять этого типа сгустком клея, собирающего на себя мух... И каждая – сплетня, и у всякой лапки замараны. Внутренняя организованность Влада вопила благим матом и требовала дать Иудушке в харю. А лучше – сцапать за лоснящиеся лацканы и сунуть в стиральную машину, целиком. Пусть покрутится. Ему не привыкать.

Влад старательно улыбнулся, поправил блюдо и по часовой стрелке размешал сахар, наблюдая пенку. Первоклассный напиток... Кофе-машину он заказал с особым чувством, компенсируя все порции дешевой утренней бурды, все перекусы в фастфудах и иные унижения маленького человека в большом городе. Он теперь вне толпы. И – деньги не пахнут, в отличие

от кофе. Сейчас Влад имеет даже в постоянной части дохода куда больше, чем планировал при удачном карьерном росте в обозримом будущем. А потому он обязан быть любезным с Иудушкой. Тот, по мнению инвестора, приманивает ценных клиентов, формируя основу успеха проекта.

– Удивительно, как ты умеешь расположить к себе, – честно польстил Влад. Он знал за собой это качество и полагал его достоинством – умение искренне хвалить. – Это дар, Егор... Признаю, большой дар.

– Ка-анечно, старик, зришь в корень: денешки любят таких энергичных людей, как я. И еще. Я подкинул шефу мега-пробивную идейку, он экзальтирует. Сейчас введу в курс дела, уже можно. Это касается сервисного пакета. Кстати, завтра поеду щипать узкоглазых и узколобых, ну – тех самых, – намекнул Иудушка. – Некошерное дело, обманывать убогих... Сбачай презентацию и качни мне в личку, я прям теперь закину тебе мыслишки. Я уже обмозговал, я ж мегамозг...

Егорушка погладил себя по волосам, прилизанным и не очень чистым. Улыбнулся напоказ и откинулся, уставясь в потолок и широко размахнув руки по подлокотникам. Затем добыл из нагрудного кармана смартфон с электронным пером, любимый свой гаджет. Принялся бормотать и тыкать в экран, целиком пряча перо в толстых пальцах. Так Иудушка изображал озарение, искренне веря, что он выглядит круче Пушкина. Последнего Егорка при подходящих гостях обожал критиковать, иногда за творчество, а порой за политические взгляды и неумение строить карьеру. По обстоятельствам Пушкин заменялся на Макаревича, Шумахера или царицу Савскую, лишь бы «в масть». Любую знаменитость Иудушка с простотой патологоанатома препарировал, забираясь глубоко в дебри сплетен и гнусных намеков. Так он выказывал эрудицию и заодно смешал знаменитость с пьедестала – вдруг самому туда получится взгромоздиться?

– Вообще-то я учился в одном классе с родственником того самого Радзинского, и был в гостях у них, так запросто, ага, – светски завздыхал Егорушка, тыча в экран. Значит, он опять в образе интеллектуала широкого профиля. – Я таких людей знаю... Эй, в курсе, сколько френдов лайкнули мой вчерашний пост? Ка-анечно, молчишь от зависти... Я сам себе завидую, старик.

Влад вздохнул, поставил пустую чашечку – костяной фарфор, это значимая деталь... Взгляд на фарфор помогал проще воспринимать Иудушку.

Истыканный пером смартфон запищал, и Владу показалось, что аппарат не выдержал пытки. Иудушка поморщился, заранее распахивая рот, чтобы выпустить в мир достойное случая заявление, уничтожая звонящего до начала разговора... Но увидел номер! Подобрался, вскочил, сдвинув коленом фарфоровое блюдо к краю стола. В следующее мгновение Егорушка сопел по стойке «смирно», уподобленный анекдотическому прапорщику. Даже одернул мятый пиджак, даже попробовал нащупать узел несуществующего галстука.

– Да, да, слушаю, – выдохнул Иудушка деловито и чуть подобострастно. Улыбнулся, хотя его наверняка материли. – Ка-анечно... а как же? Да. Вот, совершенно верно, собирался... К вам? Уже. А по поводу идей, ну – я вечером... А, ну да, само собой, сервисный пакет – дерьмо, я говорил Владу, дотягивать надо. Да, мы постараемся. Ка-анечно...

Егорушка выбрался из тесноты меж креслом и столиком, чуть не потеряв равновесие – и метнулся прочь из кабинета. Разговоры с инвестором он предпочитал вести приватно. Это создавало ощущение приближенности к сокровенным тайнам. Сверх того, и Влад это прекрасно знал, всякий деньговладелец умеет кстати вернуть волшебное слово «дерьмо», вцепиться в загрибок и ткнуть в вонючее мордой, полагая такое действие – мотивирующим. Опционы опционами, думает он, а для придания ускорения пинок – средство древнее и надежное.

Влад изучил чашку, на сей раз не радуясь классу фарфора. Она грязная, а секретарши нет. Длинноногая дрянь из «резюмешки» почти неизбежно вселится в приемную, и толку от нее будет...

Следом за первой гаденькой мыслишкой потянулись, как муравьи на сладкое, новые, столь же кусачие: вся фирма пока – три человека, продаж еще нет, репутации тоже. На каждой встрече потенциальные партнеры хмыкают и пожимают плечами. Мол, резвые вы, а только мы и не таких повидали, попробуйте выжить в первый год и вырасти во второй, а там и мы подтянемся... Приезжать к людям после Иудушки тяжело: он умеет знакомиться с самыми недоступными, это правда. Однако по себе оставляет сложное впечатление. Приходится строить коммуникации заново, по ходу разговора выясняя с неприятным удивлением: Егор наобещал невесть чего. Сказать теперь, задним числом, что ресурсов нет – потерять зацепку. Подтвердить обещания – принять на себя заведомый провал дела, ведь Иудушку не обвинят, он прокричал и исчез, он не умеет общаться дольше, чем пьется кофе.

– Во, готово, отсылаю, – сообщил Егорушка, возвращаясь в кабинет и снова рушась в кресло. Судя по избытку оптимизма в голосе, взбучку он получил изрядную. – Владик, нам нужна презентация, понял? Такая, чтобы дикари обделались жидко и мощно, прям фонтаном. И еще: шеф сказал, надо оформить что-то по теме налика, мы ж убыточные. Вот телефон. Позвони через полчаса и скажи, что ты от Георгия.

– Слушай, или презентация, или оформление, – Влад ощетинился и сменил тон. – Время – оно не тянется и не замирает по твоей у-указке, понял?

– Ты генеральный директор, не я, – Иудушка задышал через рот, по-собачьи и на редкость паскудно. – Надо, Владя, надо. Ты нервами на меня не тикай, ага? Никто не обещал, что будет легко. Ровно через полчаса звякни этому, от Гоши. Ну, я пойду. Вечер, время тусить.

– Не надорвись, – посоветовал Влад.

– Ка-анечно, тут ты прав, – оживился Егорушка, энергично дергая указательным пальцем. – Печень у нас, людей, непарный орган. Грубейшая ошибка творца.

С тем Иудушка и покинул офис, напоследок сообщив несколько бесполезных фактов о печени и алкоголе. Бормотал без выражения, по инерции: Влад не входил в группу тех, кого надлежало потрясать уровнем захламленности памяти, многими принимаемым за интеллект.

В опустевшем кабинете Влад снова ощутил себя хозяином положения – пусть иллюзорно, на жалкие полчаса. Он позвонил на прежнюю работу, поздравил пассию сисадмина с днем рождения. Выслушал много занятого, но не афишируемого. Оказалось, прежний шеф кое-кому урезал бонусы, а троих уволил... В общем, чужая жизнь – не мед, и сейчас это к стати.

Влад поставил на прежнее место фотографию Маришки и погладил смартфон. Позвонить? Повод найти легко: например, допустимо уточнить, прошел ли перевод на карточку... Хотя такой разговор получится сухим и коротким.

Влад вздохнул, разбудил ноутбук и принял почту. Просмотрел письмо Иудушки, изобилующее треугольными скобками с многоточиями внутри: типа вот тебе, партнер, идея, ты уж наполни, я-то сделал главное, вбросил. Главного было – пять строк, и те никуда не годны. Прочее, именуемое Иудушкой «простейшая техническая работа» – это бессонная ночь, и еще пойдешь управься к утру. Чувствуя себя Золушкой, скособочившейся над грудой несортированной фасоли, Влад картинно застонал и в два движения завершил работу системы.

– Добрый день, я от Георгия. Да, Владислав. Нет, доверяю и не намерен вникать в то, что составляет предмет вашей компетенции. Как я понимаю, услуга оплачена и детали согласованы. К семи? Диктуйте адрес, тогда скажу наверняка. Да, примерно представляю... Я постараюсь, но сами учтите, час пик, ехать неблизко. Понимаю, офис у вас официально до восьми, да...

С отвращением оттолкнув телефон, Влад зажмурился. Адрес – мечта любого продавца автонавигаторов. Один раз разыскав такой вслепую, да еще вечером, люди без жалости платят за самую «навороченную» модель. Потому что добраться туда – полбеды. Реальный квест для

чемпионов – это в серых плоских сумерках найти выезд из промзоны, напоминающей иллюстрацию к пост-апокалипсической игре...

– У меня есть навигатор, – ободрил себя Влад.

Он прошел к шкафу, бережно снял с вешалки новенький кашемировый шарф, погладил, радуясь прикосновению элитной вещи. Расправил шарф на груди и быстро накинул пальто – то самое, из прошлой жизни менеджера среднего звена. На миг представив, что в офисе есть секретарша, Влад покинул кабинет. На столике остались невымытые чашки. Это при характере Влада сильно походило на бунт. Но мыть костяной фарфор после Иудушки...

Корейский «паркетник» подмигнул хозяину со служебной парковки, обещая сберечь тайну, внятную многим, но все же не всем: он переднеприводный, в минимальной комплектации. Снаружи этого и не понять, тем более при беглом взгляде. Поколдовав с навигатором, Влад резво вырвался с места и влился в городское движение – плотное, как цветущее застоявшееся озеро. Тут и там вспыхивали болотными огоньками «стопы», но это была еще не пробка, способная засосать всех и вся. Пользуясь знакомыми объездами и иногда ругая навигатор, Влад прорывался к кольцевой, поглядывая на часы и втайне радуясь тому, как ловко успевает выскользнуть из ловушки вечернего города. Влад даже хвалил себя вслух.

Вообще разговаривать с собой – дело последнее, но слушать музыку не хотелось, радио – тем более. По спине невесть с чего пробежали короткие, как удар шквала, волны холода. Перед глазами проявлялись и пропадали вроде бы совершенно неуместные картины. Да так внятно, что это мешало вести машину. Вот Костик на празднике, вид у приятеля странный, он то смотрит на Маришку, то дергает шеей, собираясь нечто сказать, но не решаясь. Если взглядеться, если заново осмыслить тот вечер... так можно подумать: друг ждет, когда Маришка улучит момент и переговорит наедине с Владом. И, досадуя, принимается шутить про любимого повара, уже прямо выпроваживая гостью на кухню и призывая жену в союзники. Зачем? В целом ответ ясен: он нечто знает, но обещал не рассказывать Владу. Глупости... Мишка здоров, да и жена выглядела в тот вечер блестяще. Хотя... едва покинув дом Костика, замкнулась и сникла.

Или вот видение, тоже навязчивое: руки Егорушки. Это из вчерашнего дня, совсем ненужное, ну зачем припомнилось? Войдя в кабинет, Влад обнаружил партнера в своем кресле. Егорушка барабанил толстыми пальцами по крышке ноутбука. И что с того? Он так устроен, руки всегда в движении, подрагивают мелко, как-то потно. Бред: потно подрагивают, что за сравнение? В тот день на ноутбуке Иудушка не работал: мышь осталась не засаленной, хотя сам Иудушка вонял китайской лапшой на весь офис. А ел лапшу он так, что умудрялся заляпать и манжеты, и воротник...

– Я устал, – сказал себе Влад. – Пустяки. Все мы строим будущее сами, я выдержу, это мой шанс. Я уже не мальчик и не хочу однажды стать нищим стариком на госпенсии. Я сильный. Я все держу под контролем.

Навигатор, словно в насмешку, предложил притормозить: впереди камера замера скорости. Хотя куда уж, и так пешеходы обгоняют. Влад нащупал сигареты, поморщился, нарушая данное себе обещание не курить в машине. Голубоватый дым поплыл, успешно маскируя нелепые видения. Напряжение схлынуло. Все сделалось в должной мере буднично. Впереди не менее часа дерготни по пробкам, затем формальности на месте, вряд ли длинные: дело с наличкой не решается в очередях.

Глава 8. Черна. Безнадежный бой

Нитль, замок Файен, вторая восьмица синей луны

По мнению Черны, ношение полного доспеха – пытка, мало с чем сравнимая по изощренности.

Она знала заранее, как все будет. То есть ей казалось, что представления верны, схожий опыт имелся: трижды приходилось свыкаться с разными доспехами, исполняя задания Тэры, более похожие на прихоть. «Принеси мне грибницу⁵⁵», – так сказала прорицательница, когда Черна по наивности ждала сладкую лепешку и поздравление со своим двенадцатилетием. Она едва сдержала слезы и даже, помнится, четыре дня не могла убедить себя в посильности общения со злыдней, невесть как получившей в распоряжение замок и хранящей огниво. Ружана тогда тоже молчала: склонив голову, она вымачивала травы и шепталась с их корнями, делая вид, что не замечает ровно ничего. Она всегда была тихоней и старалась отсидеться в сторонке от опасных распрей. И, если это не удавалось, бежала со всех ног к Светлу, с разгону ныряла за его спину и там жалобно всхлипывала. Парень неизменно расправлял плечи, он гордился правом защищать. Ему было важно ощущать себя надежным. У каждого, в общем-то, своя слабость...

Первый в жизни доспех приживался трудно и медленно, хотя то был легкий, неполный набор. Оно и понятно, дикая грибница опасна, однако же она не буг и тем более не сам Руннар, – создание, для которого нет видового обозначения. Один он такой, то ли слуга Тэры, то ли раб, то ли вовсе часть её самой, пусть и неосознанная, подспудная... Безмолвный, предельно чуждый всему людскому, настороженный равно к лесу и замку, не умеющий играть и проявлять любые иные признаки личностного поведения. Черна постепенно вывела, что единственные в своем роде существа имеются и при некоторых иных замках, что их появление обыкновенно связано с точками надрыва целостности мира. Это ничего не объясняло прежде, но теперь... Сейчас – восьмица синей луны, и она неизбежно создаст новый надрыв, так сказала Тэра, а кто может знать вернее? Она прорицательница. Она знает и происхождение Руннара, неведомое никому более из людей замка. И природу складок, которые, хоть и не нарушают миропорядка, но колеблют его, расслаивают и склеивают. Так возникают сложные, многослойные спайки «с противотоком».

Краповый доспех шевельнулся, глубинные слои рывком сжали поясницу и поползли, плотнее сплетаясь с внешними. Кожу облил невыносимый, подобный кипятку, зуд. Черна скрипнула зубами, но смолчала. Четвертые сутки проволочная дрянь, ничуть не похожая видом и поведением на мирный крап, заплетает тело и превращает жизнь в кошмар наяву. Один Белек, в считанные дни ставший для всех господином Бэлом, не брезгает сидеть рядом, скрашивает болтовней тяготы вставания в доспех. На вид Черна теперь зелена всей кожей. Пока более или менее прежним остается лишь лицо, где узор стеблистой плоти доспеха тонкий. Зато настроение... оно – мерзкое! Речь невнятная, да и запах от подсыхающего рудного крапа, еще не изъевшего корней из слоя подкормки – отвратный.

– Пить хочешь? – Бэл заглянул в самые глаза, норовя угадать ответ. Было понятно, что он выговаривает одни и те же слова в десятый, самое малое, раз. Мерно, устало и настойчиво. –

---

⁵⁵ Грибница составляет основу зимнего пищевого рациона обитателей замка: выращивая вершки, кормят и зверей, и скот, и людей. Корни грибницы питаются в яме, куда собирают объедки и отходы после должной их подготовки. Это удобно. Но грибница имеет свое мнение о холодах. Она предпочитает зимовать по-дикому, изловив жертву, подчинив и медленно, сонно переваривая её в глубокой норе.

Черна, ты слышишь? Моргни. Вот, молодец. Ружана приходила, смотрела крап. Разрешила обнадежить тебя: к утру он втянет последние корни. Жжение пройдет.

– Сама бы и вделась в эту дрянь, – прорычала Черна, едва понимая сказанное. Но упрямство не позволило замолчать. – Пить хочу, но не могу, хватит на меня пялиться, вали отсюда.

– Не могу, это вчера я сидел подле тебя из прихоти, а теперь пребываю тут по воле Тэры, – сообщил Бэл. – Силы пришли в движение. Тэра сказала, что трение слоев мира велико, спайка будет глубинная, почти что до плоскости⁵⁶. Разрыв возможен раньше, чем она видела прежде. Тебе надо к рассвету быть в лесу. Позже с Руннара не снять ошейник, понимаешь?

– Дался ей этот зверь, – буркнула Черна, заставляя себя ворочаться и тем ускоряя втягивание корней. – Будто мало в замке меха и шкур. Шубка у неё из ручного белопуха⁵⁷. А белопуха я добыла, угодить хотела... Чер меня скогтил, лезть в предгорья и искать. Пусть бы кашляла себе, старая карга.

– На кого из вас ты наговариваешь? – укорил Бэл. – И к чему приплела каргу⁵⁸? Её-то никто не просил добывать, вот уж истина.

Черна выругалась и замолчала, продолжая упорно и ритмично ворочаться с боку на бок в илистой вонючей нише. Зал доспехов, как и подобает, был устроен на нижнем уровне подвалов, вдали от солнечного света и людского покоя. Тут сухие корни спали до поры, когда травники их приголубят и уговорят знакомиться с ангами, которые нуждается в доспехе или большими, кому требуется помощь. Есть корни попроще, а есть – редчайшие, особенные. И вовсе уникальные.

Рудного крапа допроситься у леса и прежде удавалось так редко, что он вошел в разговорки наравне с кротким бугом и стройным каргом, обозначая небыль и невидаль. Во всех запасах замка Тэры отыскался всего-то один старый отросток, и он оказался упрям. На слова Ружаны не откликнулся, а, когда девушка попробовала грубо разбудить его, облив кипятком, скрутился на руке и пережал запястье. Так бы и остаться Ружане калеккой, не прибеги на её вопли меньшей сын угольщика. Он стал учеником Тэры аккуратно четыре дня назад, едва снял корень с руки травницы и, строго отчитав, погрузил в жирную болотину, заготовленную заранее. Хозяйка замка задумчиво кивнула, не обратив и малого внимания на стоны Ружаны. Поманила мальчишку, долго смотрела в его пепельные глаза, так и не вернувшие детскую синеву.

– Вростом будешь зваться, душевно уговариваешь корни, – сообщила Тэра свое решение. – Нет на тебе настоящей вины перед миром, однако же время требуется, чтобы ты взглянул на себя со стороны. Ты – часть леса, но принять это сможешь лишь вне его границ. Если пожелаешь принять. Понял ли?

– Нет, – смутился мальчик, пряча за спину руки, пахнущие болотом.

– Потому и нет в тебе настоящей силы. Пока – нет, и даст ли тебе мир время взростеть, еще вопрос, – Тэра задумалась и ушла, не прощаясь.

Четыре дня назад...

Черна застонала и медленно поднялась на ноги, отдирая себя от пола совершенно настоящего. Темные мелкие отростки крапа шевелились вдоль левого бока сплошным пролежнем, шелестели металлически, иногда звонко вздрагивали натянутыми струнами – занимали свое место в полном доспехе.

Что бы ни говорила Тэра, что бы ни имела в виду, это не важно.

---

⁵⁶ В понимании Нитля плоскость – особенная структура мироздания, его частный случай с упрощенными законами. Вроде бы там всего четыре стороны света.

⁵⁷ Едва ли не самый скрытный зверь. Он редко дарит людям расположение, даже пойманный. Но друг белопуха не может замёрзнуть и не терзается от одиночества. Тепло белопуха цветет в душе – так говорят люди Нитля. Стоит добавить, что мех его мягок и красив, по общему желанию зверька и его друга может менять длину и оттенок, а равно приобретать узор.

⁵⁸ Мелкая, сварливая и крикливая зверушка. Как псах бесценна. Но уговорить ее отнестись к людям с сочувствием способны лишь псы с железными нервами и бескрайним терпением...

«Сложно» и «ложно» – похожие слова, и вряд ли напрасно. Они, по мнению Черны, годны для людей особенного склада. Пусть Бэл грызет себя, или вон – Тэра. А пуще обоих Милена, которая ничего не может сделать толком и по душе исключительно оттого, что дано ей много, а силенок поднять ношу да тащить – пока что нет. Вот и копаются, и ругаются, придавленная тяжестью дара. Другим жить не дает и сама еле теплится.

– Отчего наша Тэра делает то, что вроде бы не следует делать? – едва слышно прошеле-стел Бэл, подставив плечо и помогая выбраться на край ниши взращивания доспеха. – Я вижу, она не желает того, что намечается, и все же смещает события в самое бурное и непредсказуемое русло из возможных. Черна, что скажешь?

– Жрать хочу, – Черна оскалилась, ощутила привкус стали на зубах. – Жрать, спать и чесаться. Вдумчиво чесаться обо что-то железное. Хотя нет, железное мне теперь – на два движения.

– Я говорю о важном, – обиделся Бэл.

– Ты врешь себе и мне о пустяках, хотя желал бы спросить, далеко ли я проводила Милену и сильного ли заломала ей буга. Хорошо же, я скажу тебе... что думаю о Тэре и её делах.

– Ты невыносима. Значит, объезженный буг у неё есть. Уже облегчение.

– Сам начал. Знаешь, чем пророки отличаются от прорицателей?

– Она ушла безопасно, по спящим корням, ведь так?

– Не знаешь, – кивнула Черна, отметив растущую послушность тела. Она потянулась, повела плечами и огляделась. – Никто не знает из вас, вальзов севера... пока не попробует. Идем, надо увидеть Тэру. Не желаю следовать её слепым глупостям – вслепую. Пусть хоть что скажет, пока есть время.

– Йонгар прибыл, хозяйка с ним, – Бэл досадливо потрянул головой и вернулся к главному. – Куда она поехала?

– Что без рудного клинка, что с ним, все одно: ты недотепа, – вздохнула Черна. – Хотел беречь Милену, нечего было слушать приказ Тэры. Ты кто – человек или так, к стеночке при-слонился и еле держишься на двух лапках?

– Тэра задумала непонятное, – звенящим от обиды голосом повторил Бэл. – Я тут, потому что должен быть тут и знаю это! Понимаешь? – Он ссутулился и оперся на стену. – И там тоже должен быть. Почему у тебя все просто, а прочие, вроде меня, постоянно топчутся на распутье?

– Дались вам тропы и дороги. Бегай по лесу напрямки, как я, – заржала Черна.

От избытка радости обретения единства с рудным крапом она хлопнула приятеля по плечу... И виновато отдернула руку: Бэл пролетел через весь зал и кое-как успел извернуться, чтобы встретить стену хотя бы не лицом.

– Прости.

– Уже не хочу мечтать об участии анга! И с чего мне взбрело в голову, что важно быть тут и стоять за твоей спиной? – Простонал Бэл, с трудом поднимаясь на ноги и щупая плечо, – бедный наш Руннар.

– Может, ты и научишься бегать напрямки, – заподозрила Черна, рассматривая свою руку, отливающую в слабом подвальном свете синевато-серым узором вареной рудной крови. – Не зашибла?

– Нет. Ты хоть понимаешь, что вопрос довольно... обидный?

Черна отвернулась, в несколько прыжков добралась до лестницы, слушая тихий, едва различимый уху шелест собственных стоп. Кованые перила в два пальца толщиной были сильно попорчены на пяти нижних прутьях: те, кто получал доспех в этом зале, не всегда могли сразу поверить в обретенное и усмирить детский восторг своего временного, поверхностного всемогущества. Вязали прутья бантами, плели косичками. Хотя они вращались не в рудный крап, а во что-то попроще.

– Ковать не могут, зато уродовать мастера, – пожурила недорослей Черна.

Остановилась и занялась бездельем. Выправила знакомый излом ковки, собственную памятную глупость пятилетней давности. И затем – чужие глупости с перилами, одну за другой. От соприкосновения с рудным крапом металл вроде бы оживал, делался податлив и пластичен. От трения грелся при надобности. На короткий нажим отвечал звоном, сбрасывал окалину, гордясь обновленной полировкой. От бестолкового, но притягательного занятия Черна едва уговорила себя оторваться: нет времени. Она взбежала по ступеням до главного коридора. Дождалась Бэла и приняла из его рук просторный плащ. Выслушала: оказывается, Тэра не велела при госте появляться так, чтобы он смог опознать.

Не оспаривая очередную прихоть прорицательницы, Черна набросила плащ, поправила капюшон и надвинула ниже. Серый пух дуффа колыхнулся, расправляя ворсинки, застрекотал синеватыми искорками. Испустил первую волну тумана, пахнувшего дождливым летним вечером. Кожный зуд сгинул, само ощущение доспеха тоже пропало, словно высвободив тело.

Гибкой походкой Милены, помимо собственной воли охотящейся на очередного недотепу, Черна прошествовала к дверям главного зала.

– Я занята, если это тебе интересно, – насмешливо сообщила Тэра, едва образовалась самая малая щель и звуки из зала смогли добраться до слуха тех, кто пока что остается в коридоре. – Дозволяю войти, всяко уж быстрее ответить на глупый вопрос, чем выставлять тебя прочь умными способами.

Черна сделала три шага вперед и поклонилась, не поднимая капюшон. Йонгар – он сидел в кресле рядом с хозяйкой, Черна видела из-под края капюшона добротные сапоги – охнул и закашлялся, путаясь в вопросах и догадках, как в гибельной паутине. От себя ни у кого нет защиты, вот уж – истина. Чужой замку Тэры вальз именно теперь боролся с непосильным врагом – сомнением. Первая дама севера пристально наблюдала его лицо – а зачем еще она допустила бы в зал ученицу, прервав беседу с гостем?

– Вопрос я знаю, чего уж там, – сполна изучив недоумение собеседника, проворковала Тэра. — Ты права в одном, а именно: у меня нет ответа. Но решение искать ответ в безответности и есть путь... напрямки, как сказала бы ты. Мой выбор дорого обойдется и породит массу ошибок. Но пусть так! Он закроет старые счета и преумножит новые, чего я и желаю. Не буду обсуждать и отменять того, что в моем праве. Да, действуем вслепую. Да, мне не жаль тебя... никого не жаль. Помнишь грибницу? Именно тогда я сказала важное. Ты была в гневе, слова должны были впечататься, оставив глубокий шрам... Поройся в чулане своей нелепой памяти, где пустякам уделено больше места, чем иному, жизненно важному. Пошла прочь, это все.

Черна склонилась, медленно и красиво выпрямилась, отвернулась и двинулась к порогу мелкими незаметными шагами, позволяющими со стороны заподозрить – она плывет. Йонгар поперхнулся и сипло спросил, отбросив всякую вежливость вальзов, предпочитающих не лезть в чужие дела и тем более не выказывать свою неосведомленность:

– Это... кто?

– Ученица, – излишне коротко ответила Тэра. – Вы не передумали? Оказывая содействие нам, вы ставите под угрозу многое для себя и запада.

– Мой отец жил в мире твердых форм и надежных якорей⁵⁹, – голос Йонгара более не выдавал его подлинных чувств, звучал свободно и уверенно. – Я знаю о таком порядке вещей достаточно, чтобы понимать свой выбор и действовать... не вслепую. Но я готов дать более надежные основания для доверия, если получу ответ на первый свой вопрос. О происхождении Руннара.

---

⁵⁹ Если вы способны однозначно вычислить расстояние от точки А до точки Б и оно неизменно – у вас в мире стоит крепкий пространственный якорь. Если время течет равномерно, снова наблюдаем признак якорения. Изменчивость – главное свойство природы Нитля. Многих оно раздражает. Но Нитль вовсе не прочь открыть границы и отпустить недовольных восвояси. Миру с характером требуются люди без предрассудков.

– Разве нам нужен кто-то, умеющий помнить ответы? – спросила Тэра у каминного зала, и пламя Файена загудело с отчетливым неодобрением.

Туман дуффового плаща испуганно склубился и потек в коридор, опережая движение Черны. С живым огнем не спорят, в его родном каминном зале – тем более. Дверь закрылась с тихим щелчком, лишая Черну ответа на вопрос, который она полагала важным. Очень скоро Руннар станет её врагом. Разве это не дает права знать о нем чуть больше, чем допустимо в иные дни?

Руннар в замке давно. С лютых⁶⁰ зим, кажется. О кошмаре полувековой давности помнят немногие слуги и анги. И они предпочитают молчать. Еще бы! Примерно тогда Тэра Ариана Файенская перерезала горло Астэру Мерийскому, первому вальзу востока. О причинах её поступка известно еще меньше, чем о природе Руннара. О причинах настойчивости в постановке востока на якоря⁶¹, проявленной все той же Тэрой, порой весьма неразборчивой в средствах, известно еще меньше. Тайны склонны копиться и слипаться, как комки грязи. По мнению Черны, не только это роднит тайны – и грязь...

От северного окна в торце длинного коридора без звука подкралась Ружана, привычно озираясь по сторонам и опасаясь невесть чего. Подала кубок с теплой медовухой на травах. Исподлобья глянула на Бэла, пожевала губы, сомневаясь, годен ли лишний человек при разговоре.

– Я знаю про Руннара, – выдохнула Ружана в пух плаща, так, чтобы туман выпил звук и не позволил коридору нацедить хоть малое эхо. – Слышала... летом, когда королева была тут. Её вальза Милена водила по стене. Тот сказал, что Руннар – стусток крови дракона⁶². Нельзя высвободить его из шкуры, разве допустимо такое – да пролить в лесу, на родные корни? Черна, я никогда тебя не просила, но я травница... Умоляю, не губи всех! Черна, наша хозяйка в угарном духу, ей видится смутное и она совсем не в уме, понимаешь? Черна... Черна, я перебираюсь в дом к Светлу, праздник у нас, душ слияние, не губи.

– Шла бы ты, и куда подальше, – досадливо пробормотал Бэл, трогая рукоять рудного клинка. – Бегом!

Последнее слово он не выкрикнул, но выговорил внятно, в полный голос. Эхо хлестко ударило по коридору, Ружана охнула, присела и опрометью бросилась прочь, забыв о кубке. Он, опущенный на пол вороненой рукой в доспехе, так и остался стоять у порога каминного зала. Черна облизнулась, гадая, каков на вид её язык и что за тон у зубов? Вдруг они острее прежнего и торчат, не прикрытые губами?

– Даже не раздвоенный, – догадался Бэл, тихонько рассмеялся и погладил по плещу на предплечье. – Что-то надо из кузни? Оружие... Не знаю, что еще?

– Мне такой – оружие? Вот разве камень для полировки когтей, – без радости хмыкнула Черна. – Если тихоня права, замок придется двигать на новое место. По осени – дурное дело, тяжкое. Не боишься, первый ученик?

– За тебя боюсь, за Тэру, за... за Милену особенно, – шепотом добавил Бэл. – Тэра не в уме, сам вижу. Чую. Только разве прорицателям это вредно? Она теперь в духе, сильно

---

⁶⁰ Если верить ангам, тогда лето приходило на считанные недели. Люди не ведали отдыха, мир лихорадило. Корни сохли. Сила умалаялась. Исподье взяло приступом и полностью уничтожило немало замков. Причину прихода лютых зим одни видят в гибели короля, другие – в постановке востока на якоря, два эти события почти совпадают по срокам. Нынешняя королева сохраняет влияние, поскольку она, обладая немалым даром запада с последующим уклоном к югу, смогла восстановить баланс сил. Некоторые, правда, видят не баланс, а ослабление севера. Но важно учесть вот что: после гибели Астэра первую даму севера, Тэру, сочли слишком опасной даже те, кто прежде поддерживал.

⁶¹ Комплекс мер, снижающих, как говорят вальзы, объемность мира. Для востока нынешнего ближе законы так называемой плоскости, чем законы Нитля: там трудно пробиться к слоям силы и духа, знаний и связей. Лес малоподвижен, многие корни усохли полвека назад и не восстанавливаются. Дар востока утрачен, поскольку за полвека сама память о нем «выстужена» – иссякла связь поколений. Живых вальзов нет.

⁶² То есть чистая стихия, без примеси разума и души. Необузданный, взрывоопасный хаос.

и глубоко в духе. Ни мутности, ни тьмы бессребренной. Пусть будет по воле её, я осознанно принимаю выбор Тэры.

– Принимай, умник. А мне интересно заломать зверюгу, – призналась Черна. – Ох и крупный он! Почти страшно, да? И вот: Ружана наша, похоже, опять жабьей икры⁶³ нажралась, подслушивает. Иначе откуда бы ей знать то, что было сказано Йонгаром?

– Я разберусь с запасами икры. Со Светлом тоже поговорю, пусть вразумит. Нехорошо подслушивать.

– Где Тэра указала место для ошкуривания?

– На северной поляне, близ стен, – отозвался Бэл, охотно меняя тему. – Уже все готово, Врост вторую ночь бродит, совестит старые деревья, место выравнивает. Старательный парнишка и дар у него – ого-го, я ничего подобного не видывал.

– Много мы тут видывали, поверх крон⁶⁴. Ты ведь еще застал старые времена, когда можно было – поверх? Свободно...

– Снится иногда, – улыбнулся Бэл. – Но отчетливо не помню. Восток крепко встал на якоря⁶⁵, когда мне было совсем мало лет, что я могу помнить? Первый год в этом мире жил. Редко-редко ощущения приходят во снах, вызывают восторг и отчаяние. Мы утратили слишком многое тогда.

– Потому я вскрою ему шкуру, кем бы он ни был, – заверила себя Черна. – Где искать точку срыва?

– Скорее всего, загривок возле основания шеи, – с сомнением предположил Бэл.

Они миновали ворота и зашагали к опушке, постепенно забирая к востоку и не придерживаясь тропинок. Дуфф, растение ночное и довольно робкое, плотнее прильнул к телу, ощущая скорый рассвет и заодно желая согреться и попросить о защите. Он и туман-то напускал не со зла, просто норовил спрятаться, а люди иной раз по недоразумению связывали нападение крупного зверя и туман, возникший в нужном месте и создавший условия для коварной засады.

Утро высветляло горизонт и чернило кромку леса. Трава клонилась, выгибалась крутыми дугами, отягощенными бахромой росы и путаницей мокрой паутины. Природный туман, холодный, впитавший цвет нынешней луны и её беспокойство, клоками катился через луг, поддаваясь игре сонного ветерка, но застревая возле всякой преграды, будь то даже стебель сухого краснобыльника⁶⁶. Волглая трава без звука пропускала Черну, да еще и сторонилась, вздрагивая и роняя слезы росы: рудный крап та еще напасть, кого угодно поперет с обжитого места, удушая корни и срезая стебли. Его не то что трава, его вековые деревья опасаются. Прячут в сердце болотистого леса, баюкают, уговаривают не выказывать норов попусту.

Подготовленная поляна показалась из-за макушки пологого холма как-то сразу, будто устала прятаться. Черна приостановилась и осмотрелась. Широким узором лежали лозы жароцвета⁶⁷, осенние, жухлые, но еще способные дать бледное лиловое свечение. Они сплетали рисунок исконных знаков единения сил и мирового выбора. Это было более чем странно: Черна никогда не знала колебаний при выборе. Теперь и здесь ей и выбирать-то нечего, затеянное Тэрой дело катится так споро, что поди останови.

---

⁶³ Привычное выражение. Дети Нитля полагают, что икра имеет универсальное свойство усилителя слуха. Хотя это неверно. В стенах замка, и тем более в каминном зале, оно неэффективно.

⁶⁴ Летать умеют многие дети Нитля. Во сне – так просто все. Наяву кое-кто помнит себя в полете, но правдива ли та память? Черна убеждена, что именно так. Полет – это дар востока.

⁶⁵ Это не ошибка. Поставить на якоря – значит, принять должные меры. Но после этого пройдет немало времени, пока меры возьмут полное действие. Действительно плоским, лишенным уникальных особенностей силы и духа, востока стал лет за пятнадцать до этого разговора.

⁶⁶ Высокая трава. Обычная, растет обширными купами, часто норовит занять холмы близ замков. Для травников мало интересна. По слухам, помогает гонять вшей. Но это недостоверная легенда, как и сами вши.

⁶⁷ Весьма уважаемая вальзами запада лоза. Облегчает работы по спряжению миров и пространств, маркируя кромки и корнями укрепляя складки.

Руннар неподвижно лежал вне узора, едва различимый в ночи древесных теней. Он тоже не выбирал, как все носители ошейников. Однако узор выложен полный, это долгий и утомительный труд, и вряд ли кто-то свершил бы его без помощи вальзов замка, самой Тэры и её гостя Йонгара. Дело уже исполнено до конца, до выправления границ силы, но и теперь вдоль лоз бродит Врост, изредка нагибается и поправляет листья. Под его пальцами синеватое сияние делается ярче, теплеет.

– Уговори Тэру встать у опушки, вон там, – велела Черна, с подозрением осмотрев поляну и не понимая, что скребет душу. – Хорошее место.

– В тени? Далеко от стен Файена, по другую сторону узора? – удивился Бэл. Вздохнул и кивнул. – Попробую. Ты как, приняла доспех?

– Он меня да, я его пока что не вполне, – Черна повела плечами и резко, по-звериному встряхнулась. Скинула плащ. – Видишь сам, крап лежит, как зализанный... Ничего, пообменяемся мы с ним, как нас... пообмунт.

– Ты уж... – Бэл запнулся, передумал желать всего того, что принято и что само на язык лезет, вроде удачи и выживания. Подобрал плащ и свернул, дав себе время выбрать слова. – Черна, ты самое непостижимое существо в нашем изменчивом мире. Я вальз, по первому лучу северный, пусть пока и не дорос до полноценного прорицания. Но я не ведаю о тебе ничего, ни в прошлом, ни в грядущем. Твоя дорога – целиком твое решение. Серебра на ней много, хотя в тебе вроде бы маловато жалости к бессильным и иного похожего. Никого из нас, предсказуемых и предсказующих, не слушай, войдя в узор. Даже меня не слушай. И не отвлекайся, что бы ни творилось тут.

– Хорошо сказал, легло на сердце, – похвалила Черна. Кивнула Вросту, бочком подбирающемуся поздороваться. – Как тебе в замке? По дому горюешь?

– Ты сядь, поворошу крап, плотновато он затянулся. Я бы тосковал, а вон – некогда. Полезный я получаюсь человек.

От сказанного малыш преисполнился некичливой гордости, порозовел ушами и принялся водить пальцами по дымчатому узору доспеха на спине и плечах. Мелкие корни подергивались, это было мучительно, но полезно: не все верно вросли в позвоночник, не все отзываются без задержки и опознаются, как часть временно единого существа. Черна еще раз тряхнула головой, крап на затылке взволновался, выбросил короткую щетину шипов.

– Приживается, – похвалила Черна то ли доспех, то ли пацана.

– Много от него не проси без нужды, вы срастались в спешке, он изрядно потянет на себя, – шепнул Врост. – Болота рядом нет, да и питался корень мало, а сам был пересохший, понимаешь?

– Возле Бэла стой и, если он начнет говорить, держись его стороны в споре, – строго велела Черна.

Хлопнула пацана по плечу. Теперь усилие контролировалось точно, Черна отметила это и довольно прижмурилась. Обернулась к замку. Как раз вовремя, чтобы пронаблюдать в меру торжественную процессию: Тэра шла пешком, Йонгар тащился следом и, по лицу видать, был недоволен совершенно всем. Роскошные сапоги мокли, чужая трава мстительно путала ноги. Сказанное хозяйкой замка за закрытыми дверями отравляло рассудок.

Ружана брела, вцепившись в локоть Светла и в открытую всхлипывая, словно к тому есть повод. На неё косились с неодобрением даже знакомые вальзы, а чужие, из свиты Йонгара, норовили без звука шептать прошения матери серебра. Мыслимо ли: плакать до боя, подсекая настрой и расплескивая чашу скудного осеннего света?

– Время уходит, – Тэра, глянула на юг со знакомым всем обитателям Файена прищуром дальновидения. – Спайка уплотняется. Черна, не облизывайся, я не враг тебе.

– Я избрал удобное место и приволок колоду, – встрял в разговор Бэл, торопясь исполнить обещание, данное приятельнице. – Прошу, наставница.

– Просит он, – Тэра поморщилась, не желая обходить узор и вступать в тень леса. – Помолчал бы, вот было б дело. А только сегодня все «бы» мимо нас летят со свистом.

Бормоча и вздыхая, сетуя на осеннюю погоду с угрозой дождя, Тэра все же исполнила просьбу ученика и пошла вдоль лоз.

«Первая дама круглого стола прорицателей», – грустно подумал Бэл, со смесью уважения и сожаления наблюдая за пожилой женщиной. Первая... Нет ей равных по силе дара, и прежде не было. Только вес у отрицания сделался не тот: двадцать сезонов назад за полированный каменный стол севера садились девять великих вальзов. Девять! Вместе они могли, поднапрягшись, составить круг и тускло, неполно – но все же пророчить. Теперь два замка опустели под натиском зимы и исподников⁶⁸, еще в двух пламя теплится фальшиво и тускло. Круг вальзов сделался неподобающе мал. Север обезлюдел. Еще бы! Даже не зная за собою полного дара, Бэл разбирал в прошлом и настоящем, а равно и в грядущем, кривые стволы судеб и поваленный бурелом, изуродованный многими ошибочными деяниями людей, имеющих власть ныне или прежде.

Худшее не иссякло: если сбудется вершимое ныне по воле той, кто себя называет королевой, если спайка окажется глубока и служители срединных земель сгребут из недр мировой прорехи тучную добычу, север утратит исконную природу неограниченной изменчивости. Ведь это секрет, ведомый всем: королева желает поставить север на якоря, хотя бы временно. Она опасается прорицателей и прорицаний, потому что верит в них и нуждается...

Если замысел королевы сбудется, сперва мир заупрямится, корни застонут... Но чуть погода, может статься, после второй ловко пойманной спайки, север неизбежно встанет на якоря. И всё привычное, совершенно всё, придется забыть.

«Ослепнуть, оглохнуть и сгорбиться», – так описывал свои ощущения старый вальз востока, встреченный юным Бельком много лет назад в чужом, задичалом лесу. Вальз доживал век, слившись с дуплистым деревом и не желая ничего знать о мире, утратившем часть свободы. Старик был против заякоревания, но оказался в числе тех, чье слово при взвешивании не дотянуло до истины... Тэру тот старик именовал тварью из недр исподья. Это помнилось внятно – и непомерной детской обидой, и немотой отказа от возражений. Как можно спорить с умирающим?

– Спускайте уже, покуда я не задремала.

Бэл вздрогнул, отрешился от нахлынувших некстати воспоминаний и огляделся. Он, оказывается, без участия сознания все исполнил, как должно. Помог Тэре сесть на колоду, застланную собственной курткой. Пристроился за её правым плечом и вцепился в шею Вроста, не отпуская пацана прочь, как и просила Черна. Сама она – рослая, широкоплечая, в полном доспехе – уже стояла в узоре. Сизо-дымчатая, словно целиком выкованная из рудной крови. Даже глаза под защитными лепестками крапа тусклые. Взгляд – спокойный, лишь на самом дне тлеет искорка несуетливой готовности к бою.

Тэра нащупала на руке браслет, поправила и указала пальцем в узор. Руннар проснулся, гибко поднялся и шагнул, раздувая ноздри и поводя бронированными боками. Шипастый хвост прочертил на траве рваную рану следа... весь вполз в узор. Бэл ощутил укол животного ужаса: он отчетливо увидел, как Тэра прикусила губу и прикрыла глаза, ломая печать в узоре браслета. Никогда прежде хозяйка не допускала столь отчетливого проявления чувств. Получается, она не знает исхода боя? Вопреки общему мнению, она не ведет тонкую игру, не спасает свои влияние и замок: наоборот, совершает нечто безумное, но, вероятно, сочтенное неизбежным.

---

⁶⁸ Исконные враги Нитля. Их воззрения на мир и место в нем людей противоположны мнению живого леса и его обитателей. Конус тьмы и столп света, вечно соприкасающиеся в точке зенита и норовящие проверить, чей закон сильнее – так для себя именуют противостояние вальзы.

– Это же... Он – изнанка? Перевертыш⁶⁹? И браслет... никто не мог создать такого! – хрипло ужаснулся Йонгар, оборачиваясь от узора и едва успевая проследить, как остатки браслета рассыпаются бурым крошевом.

– Полвека назад – могли. Чистое серебро души прежней королевы и кровь моего сердца слиты и обращены в твердую форму даром утраченного для нас востока, – на губах Тэры мелькнула ядовитая улыбка, теперь хозяйка замка владела собою исключительно полно. – Ожидали иного? Увы, сделанного не вернуть, так что советую исполнить обещание... хотя бы ради собственного выживания.

Бэл опустил ладонь на рукоять рудного клинка и впервые со дняковки ощутил общий пульс. Медленный, ровный. Кровь мира не склонна бешено мчаться по жилам. Кровь мирноровом сродни Черне – вскипает ох, как редко...

Руннар наклонился, опираясь о траву более короткими передними лапами, вытянул шею и басовито зарычал, вперяясь багровыми ожившими глазами во врага. Ошейник стек по его шее черной свернувшейся кровью, и теперь Бэл не сомневался: это кровь Тэры. Хозяйка смотрела на зверя неотрывно, сохраняя прежний покой. Йонгар сделался бледен: он тратил силы, исполняя обещание, и тем спасал свою жизнь, даруя узору непреодолимость границ. Каким бы ни был исходный замысел гостя, теперь Йонгар страстно желал оградить бой пределами узора лоз. В глазах приверженца западного луча читался страх, позорный страх слабого. И это было непостижимо: разве ничтожество осилит бремя взрослого дара вальза?

Черна встряхнулась, по позвоночнику наметился отстающий от тела валик колючек. Руннар нагнулся ниже, распахнул пасть. Почти неразличимым, стремительным движением бросил себя вперед, норовя по-простому проглотить врага. Мелкого: вся воительница свободно умещалась в багряном зеве. Она гибко уклонилась, пропустила зверя вплотную и рванула угол его губы, проверяя прочность шкуры в слабом, болезненном месте. Руннар взвыл, шкура оттянулась, скрипнула металлически – и выдержала.

Зверь долетел до кромки узора и оказался отброшен, Йонгар зашипел от боли, два вальза свиты подхватили его под плечи, осознав, что пора сплестать дар и стараться всем вместе.

– Что за шкура? Как пробить? – ужаснулся Светл.

– Не знаю, – сообщила Тэра, сохраняя ровный тон светской беседы и наблюдая, как клоунами летит трава: Руннар катался по лугу, подминал врага, ошетилив боковые гребни и стремительно разрезая воздух ударами хвоста. – Был бы способ, я сообщила бы ученице... Или применила давным-давно. Вы полагали моего зверька недоношенным драконом? Как глупо! Вам ли не знать, нет в мире драконов, есть лишь неструктурированная по сторонам света стихийная сила, именуемая для упрощения «дракон». Кстати, эти границы блокируют силу, ухудшая ситуацию для Черны. Вы сделали так в расчете на дракона? То есть отдали ему победу до боя... Как подло.

Черну припечатало к незримой границе, она резко выдохнула, звук получился похожим на мгновенный смешок – и Бэл осознал, разобрал по опыту долгого общения, как трудно приходится воительнице. То есть, в её собственном изложении такое безнадежное положение называлось бы «интересно», а то и «потрясающе!».

– Сдайся и выйди, он сам себя сожрет! – завизжала Ружана, пряча лицо в ладонях, но продолжая подглядывать за боем сквозь щели меж пальцами.

– Светл, уйми мелюзгу, – приказала Тэра, не оборачиваясь. – Уши болят.

– Надо помочь, – невпопад прошептал Светл, откликаясь на имя и совершенно не разбирая смысл приказа.

---

⁶⁹ Перевертышем можно стать, когда душа уйдет в пятки и проследует далее, поскольку произошел внутренний слом. Перевертышей обычно уничтожают сразу. Это закон Нитля: они неуправляемы и непобедимы. К тому же вероятность того, что душа уцелела, считается ничтожной.

– Вы обманули меня, – хрипло выдавил Йонгар, завершив работу с барьером. – Такое не прощают. Вы...

– Ты даже не личинка, – Тэра все же перевела взгляд. – Откуда бы тебе знать, что такое прощение? Оно – удел сильных. Ты явился ко мне, рассуждая о великанах и упоминая родного отца, ты просил сердце Милены и клялся в верности старому закону. Ты, наемный соглядатай зарвавшейся и запутавшейся бабенки, готовой уплатить любую цену за право... не платить лично.

Йонгар зарычал и потянулся к кинжалу на поясе.

Зверь снова швырнул противницу на невидимую стену и немедленно прыгнул сам, притискивая сберегаемое доспехом тело к преграде и норовя удушить, раздавить, проколоть массивными шипами брюха. Ружана завизжала, вытянула руку, указывая за лес, далеко – и сползла без сил в траву.

Ветви взволновались, на листе проявилась мелкая первичной рябь, Бэл почувствовал соленый металл во рту: спайка тянула бытие на себя, выворачивала мир, свинчивала его узким ураганным смерчем, замыкая слои складок все плотнее, до неразъединимости.

– У перевертыша нет слабых мест, одолеть его в круге невозможно и лучшему воину, даже ангу из ясномогучих южных, – скороговоркой бормотал Йонгар, потно сжимая рукоять кинжала. – Но часть твари тут, и это – ты, старая лживая дрянь! Ты...

Руннар разочарованно взвыл, извернулся в прыжке, желая перекусить гибкое тело противницы, утекшей из ловушки.

Бэл чуть отстранил малыша Вроста, которого по-прежнему держал при себе – и шагнул вперед, позволяя рудному клинку покинуть ножны. Пацан, освободившись из-под руки старшего, охнул и метнулся к границе боя. Распластался по незримой преграде, зашарил ладонями, норовя привлечь внимание Черны – или выискивая невозможную лазейку, позволяющую пробраться туда, где ему – не место... и никому иному тоже.

Снова завывала умирающим зверьком Ружана, растирая слезы, поползла по траве, все ближе к ногам хозяйки замка.

– Не губите... Умоляю... Вы не можете так вот...

Здесьние и чужие вальзы стояли темной слитной стеной, смотрели за лес и едва смели дышать, не по-людски скалясь, постанывая на выдохе: вихрь острейшей, глубочайшей спайки все рос и рос, парализуя их волю.

Руннар изогнулся в высоком прыжке и всем весом обрушился, вспарывая дерн и разбрасывая тяжелые пласты жирной, мокрой почвы. Когтистыми лапами он свеживал осенний луг, как дичину – и ревел, обманутый и разъяренный. Противница ушла из-под прямого удара.

Йонгар прокусил губу и решительно поднял кинжал. Рудная кровь в руке Бэла тонко и зло взвизгнула, первый раз касаясь безродной западной стали.

– Она всех нас погубит, – просительно, жалобно молвил Йонгар. – Не щадишь меня и себя, пожалей Черну. Подумай, много ли у неё осталось целых костей. Это надо прекратить, пока не поздно. Одумайся, первый ученик, ты не раб. Тэра сошла с ума, но кто сказал, что она – в духе, а не блажит от старости?

Бэл на миг отвлекся: Черна взлетела тряпичной куклой, подброшенная на три десятка локтей хлестким ударом хвоста.

Йонгар отступил, предлагая самому решать и медленно, напоказ опуская кинжал, даже готовясь убрать оружие в ножны. Но никто не смотрел на него: в круге боя все смешалось. Извивы темного тела Руннара, мельтешение комьев земли, тусклой щетины дерна и слабых волокон травы заполнили емкость с незримыми стенками. Бэл сжал зубы, почти готовый увидеть чуть погодя осевшую муть – и мертвое, окончательно неподвижное тело Черны... Однако разобрал новый, еще более короткий, смешок воительницы. Она пока что жила и ей было очень, очень интересно.

– Черна определенно в духе, – шепнул Бэл и попробовал улыбнуться.

Боль вспыхнула горячо и остро, вынудила согнуться и нащупать слабеющей рукой рану на животе. Теперь в темном, сужающемся поле обзора Бэл видел только фигуру Ружаны у своих ног: безумные от страха глаза травницы делались все крупнее, занимали мир целиком...

– Режь её! Режь! – завизжала травница, скалясь затравленным зверьком.

И мир вопреки грохоту крови, ознобным толчкам боли – выправился, обрел если не право, то обязанность оставаться родным, наблюдаемым внятно.

Нельзя предать Черну, Тэру и прочих лишь потому, что не хватило внимания и ума приглядеть за самой ничтожной из всех, кто явился на поляну. Бэл плотнее сжал рукоять. Встряхнулся, невольно подражая движению Черны – и обернулся к Йонгару.

Вальз запада, мастер коротких троп и мгновенных атак, уже почти прорвался мимо. Он воспользовался без колебания помощью ничтожной союзницы. Он стремился к Тэре с занесенным кинжалом, чтобы исполнить замысел. Он, вероятно, успел бы примериться и нанести удар, пока старший ученик боролся со смертной слабостью. Успел бы – но сам вдруг попал в ловушку, для какой весь дар запада лишь шелуха и пустое трюкачество...

Йонгар замер, подобный изваянию, с неуместным выражением удивленного ожидания на лице. Кажется, он был готов улыбнуться.

Рудная сталь вошла в тело врага замка Файен, лизнула крови слабого и брезгливо отпрянула. Йонгар покачнулся и стал заваливаться назад, навзничь – продолжая смотреть по-детски удивленно, ожидая чего-то очень хорошего.

Бэл сник на колени, зажал рану, ощущая в ладони горячее и липкое. Внезапная жажда пекла подреберье, мир тускнел и распадался, но Бэл медленно, упрямо поворачивал неестественно тяжелую голову. Он был первым учеником и знал свой долг старшего. Рудный клинок тоже ведал долг. Рукоять грелась и льнула к ладони, питая силой. Стержень рудной крови как будто поддерживал спину. Меч – часть воина, теперь Бэл понимал это всем существом. Понимал и с благодарностью принимал.

Тэра в застывшей позе слепо глядела в круг боя щелями глаз, наполненных окончательной тьмой. Даже пребывая у края жизни и смерти, даже признав за собою дар северного вальза, Бэл не мог проникнуть в недра того, что теперь созерцала Тэра Ариана, всю жизнь слышавшая первой дамой круга прорицателей и вдруг отчаявшаяся на непосильное. Пророчество – оно не прозрению сродни, оно происходит от того же корня, что и письменность. Пророчество – это не равнодушный пересказ с чужих слов, но создание нового, долговечного, способного стать законом. Если пророчество состоится, то сделается былью. Если не пожелает воплотиться, то перешибет хребет прорицателя, который взялся за непосильную работу – и само останется пустым мороком, записью несбыточной сказки...

Бэл с ужасом и трепетом следил, как бледнеют пряди волос Тэры, спрямляясь и теряя блеск. Как истончается кожа, морщась старческим рисунком прищура. Ружана тоже смотрела и выла все громче, норовя ткнуть в хозяйку ножом и натываясь на упругую пелену, окутывающую фигуру. Бэл сморгнул, упрямо повернул шею. Он желал понять, что так удивило Йонгара. Справился – и тоже улыбнулся, совсем как вальз запада.

Из-за плеча Тэры, походкой несравненной и красивейшей из всех женщин мира, скользила Милена. Дуффовый плащ лежал у куста краснобыльника, свернувшись клоком тумана. Не тратя себя даже на то, чтобы пнуть Ружану – как она делала всегда, будучи старшей ученицей и показывая слабым их место – Милена спешила к кругу боя. Бэл ощутил мгновенный порыв ветерка, вдохнул запах русских волос, памятный навсегда с того давнего вечера...

– Корень готов, я дотянулся, – сказал Врост, его детский голосок показался в буре происходящего неуместным писком мошкары. – Вот, держи.

Трава задрожала, слитно охнули деревья великого, единого леса Нитля: спайка ввинтилась так глубоко, что теперь воистину наматывала на себя, как на веретено, весь суший мир.

Милена хохотнула коротко и резко, копируя повадку Черны. Сделалось очевидно: и она может прямо подражать кому-то. Да, неосознанно – нуждаясь в неодолимой решимости, какая есть только у воительницы.

Бэл исчерпал себя до дна и теперь падал, скрученный второй волной боли, но продолжал из последних сил тянуться, чтобы проследить движение Милены. Видел её кулаки, сжатые до белизны костяшек пальцев, внятно различал длинные ухоженные ногти, впившиеся в ладони. Понимал судорожное движение правой руки, неловко, птичьим клювом, цапнувшей нечто с раскрытой ладони Вроста.

Вздых, боль... И незримая стена, обозначенная валом земли и ворохом дернины, прогнулась – чтобы безропотно пропустить Милену! Снова стать неприступной, и, сыто чавкнув, сомкнуться за её спиной.

Время замедлилось, и Бэл продолжал жить и понимать происходящее. Снова завывала Ружана. Последний раз булькнул горлом мертвый Йонгар. Чужие вальзы очнулись, сунулись было в бой, осознав смерть своего хозяина – но спайка наконец скрутилась в полную силу и разродилась тем, чего все боялись и ждали. Само небо с хрустом разорвалось! Польшнули мощные ветвистые корневища молний, вращая в мир. Нитль потемнел и задрожал, сопротивляясь перемене, которая жаждала вломиться в него вместе с инородным законом и пространством, прущим из лопнувшей спайки.

Бэл последним усилием сопротивлялся тьме, но глаза – закрывались... Он не справился с обещанием, данным Черне. Не смог одолеть малую беду, подстерегающую хозяйку вне круга боя. Нитль, изуродованный переменами – чем он станет? Неужто выжившие, подобно старому вальзу востока, – будут слепыми, глухими и ничтожными...

В смерти порой больше достоинства.

Глава 9. Влад. Ночь кромешной тьмы

Москва, промзона близ МКАД, все тот же вечер в начале ноября

Угодив в очередную лужу, Влад обреченно выдохнул сквозь зубы. Ругаться не было сил. В общем-то, уже ни на что их не осталось. Спина ныла, глаза отказывались разбирать дорогу при жалком свете серого-гнойного, с выжелтом, столичного неба, по обыкновению лишённого звезд, зато впитавшего, как ядовитый фосфор, свечение многомиллионной людской бессонницы.

Контора, имеющая многообещающий адрес с двузначным номером строения и корпусом вдобавок, умудрилась превзойти самые мрачные опасения. Она находилась даже не в промзоне. Она примыкала к полигону отходов, имела общий с ним въезд. Так что для встречи пришлось сперва притерпеться к запаху свалки, намешанному из гари, гнили всех сортов и прогорклой горечи. Затем протрясти на ухабах корейскую подвеску, сполна осознав правоту мастера автосервиса, неделю назад скорбно сообщившего о кончине каких-то загадочных «косточек» и объявившего нехилую цену за их похороны...

Сколько надо зарабатывать, чтобы денег стало хотя бы ненамного больше, чем требуется прямо теперь, сегодня? Чтобы смотреть на жизнь с прищуром сытого кота, а не пищать полудохлой затравленной мышью? Город – хищник, человек – дичь. Город умеет каждого зацепить, придавить и схарчить.

Влад брел к машине, пытаясь сообразить, сколько времени ушло на тупое, однообразное, доведенное до автоматизма движение руки с судорожно зажатой ручкой. Сколько он подписал бумаг? И сколько из них хотя бы просмотрел, читать-то он бросил на третьем десятке листов. Как раз когда осознал с глухим отчаянием: его срочно гнали сюда всего лишь потому, что учредители пожелали что-то там поменять в своем драгоценном составе. Но почему так спешно? Хотя кто задаст вопрос им? Уж точно не директор, принятый в дело по протекции Иудушки и знающий глубоко внутри, для себя самого: он заменим. Очень даже заменим! И он не желает быть замененным! Он помнит, что это такое: остаться без работы при двух крупных непогашенных кредитах, в ярме ипотеки.

Тусклое небо не создавало света, лишь колеровало сумрак в мерзкий тон и проявляло сполна мельчайшую взвесь помоечного тумана, плотно облепляющего окрестности. Будто старомодная вата-утеплитель, туман забивал все щели. Дышать неразбавленной, застоявшейся свалкой было едва посильно. Пришлось открыть рот и глотать гадость, хотя бы так обманывая чуткость носа и – вот нелепость для задушенного смогом горожанина – мечтая о насморке.

Машина смутно обозначилась впереди. Приветливо мигнула рыжими подфарниками, ободряя хозяина и обещая посильную ей, пусть и бюджетную, защиту от вони. Конечно, нет ионизатора, о котором как-то раз вдохновенно вещал Костик. И нештатного для этой модели, ценимого тем же Костиком угольного салонного фильтра тоже нет. Впрочем, рассуждая в день рождения дочурки о том, как надлежит перевозить младенцев через столичные «мертвые» пробки, да еще по туннелю, Костик щедро обогащал кругозор гостей. Например, он рассказал о воздухе хвойного леса, сжатом и помещенном в баллон, совсем как у аквалангистов, и еще о каких-то нано-технологиях, то ли особо полезных, то ли потенциально вредных...

В памяти – ничего определенного. Только горьковатый, как у этой свалки, осадок раздражения. Костик говорил легко, словно и не подбирал слова, чтобы ставить одно к одному, безупречно. Костик искренне, доверительно улыбался, дозировано и уместно смотрел в глаза собеседнику. Иногда замолкал, и пауза не казалась затянутой. Попытки оттренировать такую же модель ведения беседы, увы, не дали результата...

За спиной чавкнула грязь, кто-то сдавленно выругался. В первое мгновение Влад подумал о том, с кем встречался. Но голос даже в едва слышном бормотании звучал иначе. Второй мыслью, конечно, шли все враги рода водительского: продавцы полосатых палочек, парковщики и прочие вахтеры-привратники. Как мздоимца ни назови, а кошелек на всех один. Только откуда бы им взяться здесь?

Влад сокрушенно вздохнул, принимая напасть как логичное продолжение гнусного трудового дня, не желающего завершаться и после заката... Обернулся, заранее готовя простоватую улыбку, совершенно бесполезную в полумраке.

Человек отчетливо рисовался черным силуэтом на фоне желтоватого тумана. Он стоял и без спешки что-то крутил в руках... или тер?

Ослепительно вспыхнул свет. За спиной черного человека, оказывается, стоял автомобиль, именно теперь врубивший четыре синеватых прожектора, закрепленные на дуге над крышей.

Влад перестал ощущать запах свалки, ослеп и вспотел. Проморгался... и перестал дышать.

Никто не собирался выписывать ему штраф. Никто не интересовался содержимым тощего кошелька. Весь путь, проделанный после разговора с Иудушкой, был роковым. Влад сам прибыл на свалку и, кажется, еще засветло был назначен мусором, подлежащим утилизации.

Щурясь против света, пытаясь удерживать под локтем сумку и одновременно второй рукой заслоняться от ослепления, Влад все еще не верил. Он видел маслянистый блеск металла в ладони черного человека. Того, кто буркнул невнятные слова и заставил обернуться. Теперь возникли шаги второго, за спиной. Соединять все перечисленные факты в очевидную логическую цепочку, а вернее удавку, мозг отказывался наотрез. Влад сам запрещал сознанию худшее, заслоняясь дрожащей ладонью и от ослепления, и еще более – от способности видеть, понимать, присутствовать здесь и теперь.

– К тебе нет претензий, но дело надо прикрыть срочно, кое-кто облажался. Так бывает, – лениво сообщил голос из-за спины.

Клацающий звук сорвал последний предохранитель, и Влад закричал, едва ли понимая, что он – кричит. Мозг погас. Влад не мог ни бежать, ни падать и закрывать голову руками, ни спрашивать напоследок самое нелепое и неизбежное «за что?», ни сулить убийцам деньги. Он целиком слился с собственным страхом, огромным и непреодолимым. Последним.

Черный человек сплюнул в грязь, буркнул нечто вроде «гля, еще обделается, сучонок» – и стал поднимать руку с оружием. Влад исключительно отчетливо видел, как все происходит. Он сделался куклой, не способной двигаться без воли кукловода. Статистом в низкобюджетном фильме о «лихих девяностых». Похожих менеджеров среднего звена за одну короткую серию клали по десятку. Перед этим на дураков вешали долги фирм-однодневок и прочие «токсичные» дела. Но это – в кино!

Он и сам смотрел тупые сериалы. Все смотрели их и смотрят... Жрут ужин, запивают пивасиком, развалившись на диванах и в креслах, выпятив городское рыхлое пузо. Обыватели щурятся в теплом свете домашних ламп, за железными дверями. Рыгают, на ощупь разыскивают сигареты – и безразлично наблюдают за смертью на экране. Так себе трэш, снят без азарта, да и крови маловато. Скучно, когда валят тупых лохов. Не страшно, не интересно, не ново. К бытовой чернухе зрителя приучили. И каждый в душе рад своей роли наблюдателя: он-то сидит живой, пивко тянет – значит, не лох...

Жизнь не пронеслась перед взглядом, как того требовали каноны последнего мига. Жизнь вырвалась из бессильного тела вместе с отчаянным, звериным криком.

В туго забитых ватой ужаса ушах хрустнуло, словно крик пробил некий барьер Тусклый. плафон неба лопнул подъездным светильником, изуродованным вандалами. Синяя сеть трещин оплела небо, под ногами шевельнулась почва, задрожала и заворочалась. Она стала чем-то

вроде рыбы-кита из сказки, она проснулась и норовила стряхнуть людские постройки со своей спины.

Крик иссяк, в безвоздушной немоте страх сделался еще безграничнее. Легкие были сжаты полным выдохом. Влад ловил ртом воздух – и не мог протолкнуть в горло. Сквозь синие кромки осколков разбитого неба вниз, на городскую свалку, ползли хлысты смерчей, сплелись в единый ураган. Вот сорвался с цепи бешеный ветер, наотмашь ударил, взвыл, вымораживая душу – он был наполнен страхом, этот внезапный ветер, он сек кожу и прокалывал спину иглами ужаса.

Черный человек отвлекся от своей неподвижной мишени, изучил небесный катаклизм с несуетливостью профессионала, прикидывающего, не затронет ли локальный «конец света» его имущество, а если затронет, будет ли полным страховое покрытие. Свое спокойствие мужчина подрастратил, когда воронка смерча раскрылась слоновым хоботом и выплюнула нечто огромное, буйное и когтистое. Не тратя времени на ругань, «не лох» нацелил длинное дуло на опасного врага – и всадил в глаз сталистого оттенка три пули, одну за одной.

Тварь, для которой не смог бы подобрать годное описание ни один зоолог, мгновенно оцетинилась дикобразными иглами чудовищной длины, теряя первичное и смутное сходство с тираннозавром. Глаз, словив три пули, даже не сморгнул, не заметил соринку. Зато пасть вдруг оказалась рядом, клацнула светящимися зубами!

Ноги черного человека остались стоять на прежнем месте, обрывки брюк еще ползли вниз от коленей, выше которых уже не было ничего.

Влад отчетливо разобрал короткий смешок, совершенно неуместный здесь, азартный. На шее твари – если это было шейей – почудилось висящее пиявкой гибкое тело. Человечье? – подумал Влад.

Глаз чудовища блеснул рядом, зубы ощерились у самого лица – и мир распался.

Глава 10. Милена. У края небытия

Спайка, область близ грани миров

– Тэра – прорицательница, и уже потому надо было слушать её, а она твердила изо дня в день, что я дура, не владеющая собой⁷⁰. Все, что я делаю, не по воле ума творится, – стонала Милена, из последних сил цепляясь за реальность.

Были бы руки, цепляться оказалось бы проще. Но треклятая спайка вывернула и выкрутила все так, что теперь сложно сообразить, что это такое – руки – и как ими пользоваться. Хорошо уже то, что дар вальза наконец проснулся полно, ярко. Дар без участия сознания создал наименьшую возможную, но все же пока достаточную защиту для сущности. Глубокая, острая спайка миновала пик развития и распалась, но пока она еще могла утащить Милену в никуда, смять окончательно, изуродовать или же... Захотелось скрипнуть зубами и зажмуриться. Но пришлось всего-то строго-настрога запретить себе воображать, что способно сотворить миротрясение, хаотично сопрягая слои реальности.

– Осмотрись, – посоветовала себе Милена.

Чужой мир был, это она поняла сразу, весьма далек от смежных с Нитлем и даже дальних, смутно знакомых по детству: тех, куда из родного леса вели мягкие перегибы коренных складок.

– Плоскость, чер её раздери, – обреченно признала Милена, старательно убеждая себя, что сама она существует, что она говорит. Что владеет памятью и рассудком. – Ну как есть – плоскость... вот занесло!

Рассвет в новом мире был ленив и сер. Он кое-как подпирал тяжеленные тучи соломинками лучей. Эти жалкие подпорки просыпались с небес сквозь щели облачности. Милена старательно представила, как она вздыхает и поводит плечами. При таких плечах и такой шее – ей шло это движение. Ей все шло, чего уж... было дело, было и тело.

Рядом, осязаемые и понятные, легко поддающиеся наблюдению, копошились жители плоскости. Они вели себя вполне предсказуемо. Первыми попали в поле наблюдения те, кто невольно спровоцировал резонансный эффект, столь важный для создания слабины в защите Руннара. Эти людишки довели до панического расслоения тела и души соплеменника. Сперва Милена сочла их местными ангами, но сразу передумала. То был жалкий сброд. Руннар, пусть и мелькнувший на краткий миг, оказался им не по силам: один недоумок сдох, а уцелевшие сбежали без оглядки.

Довольно долго, если верить изрядно сбоящему ощущению времени, Милена боролась с остаточными завихрениями рассасывавшейся спайки, утверждаясь в реальности. Было пока что не важно, что это за мир, главное – не провалиться еще глубже, в черное ничто! Пока буря длилась, было не до изучения окрестностей. Но позже, позволив себе обрести надежду на лучший исход, Милена огляделась – важно помнить навык тела, даже не имея пока что такого.

Местные трусоватые недоумки прекратили паниковать, сопеть и судорожно лапать оружие. Кто-то, главный в их жизни, был вроде хозяина⁷¹. Что-то их держало, пусть на шеях

---

⁷⁰ Умение контролировать и понимать себя вплоть до подсознания – обязанность взрослого вальза или анга. И это понятно: если ты опаснее атомной бомбы по потенциальной способности к разрушению, «красная кнопка» не может приводиться в действие любой истерикой. Так что грубоватое определение «обезьяна с гранатой» в отношении Милены, например, не отражает и десятой доли её потенциальной опасности для мира в целом и замка Файен в частности. Все это Тэра Ариана понимала, но даже так – приютила «бомбу» и назвала ученицей.

⁷¹ Много раз упомянутое понятие хозяин, как уже понятно, имеет весьма разные толкования в Нитле и на Земле. Исполники вкладывают в это слово смысл, близкий к земному. Сейчас Милена имела в виду его же.

и не видать ошейников... Ради дел хозяина его людишки вернулись, переборов ужас. Огляделись, постепенно обнаглели, потоптались возле неподвижного тела того, кто расслоился. Подобрали нечто важное и снова сбежали: издали потянулось новое сборище местных, тесно упиханных в самоходные повозки, выштампованные из мертвого железа.

– Технологии в развитии, жар-камень вам под зад, – Милена внятно представила, как она кривит красивую, чуть вздернутую верхнюю губу. – Значит, плоскость. Мертвое железо, бездушный лес и толпы одомашненных людишек.

«Людишки» выбрались из повозок и принялись бестолково и разрозненно суетиться. Быстро сделалось понятно, что единого хозяина у них нет. Все норовят урвать малую выгоду или хотя бы не попасть под тяжесть большой беды. То и другое местные понимали с лету.

Милена висела, не вполне уверенно сознавая себя в мире и старательно изгоняя даже намеки на панику. Она тут застряла. Да, дело плохо: её не видят, сама она не может двигаться и лишь плавно, неуправляемо дрейфует, как клочок тумана.

Людишки суетливо натянули цветные ленточки, будто для детской игры. Принялись сверкать светом из коробок, прижимаемых к лицу. Принципа работы Милена не поняла, но сообразила: так они стараются сберечь точный вид того, что вынуждает каждого из присутствующих бледнеть и икать.

Пользуясь исчерпанием энергии спайки, Милена осторожно сняла защиту и перераспределила силы. Теперь она осознанно погружалась в мир – нехотя, как пловец в ледяную и к тому же грязную воду. Но иной нет... Надо налаживать первые пробные связи с бытием. Информация тут, в плоскости, упрятана за высоченным барьером, люди напрямую до нежного слоя не дотягиваются и живут, как растения в игрушечной грядке: отрезанные от главного почвенного горизонта, на капельном поливе...

– Мерзость, – пожаловалась Милена себе самой.

Язык, пусть и понимаемый весьма общо, постепенно тек по новым жилкам, по свежим тонким корешкам, растающим в мир. Наречие плоскости заполняло отведенное ему место в сознании, готовя почву к первичному пониманию, к возвращению внятной общности.

Милена попробовала дотянуться за второй барьер, к питательной среде силы мира – но испытала острое разочарование. Это плоскость! Мир, отделенный от людей. Пойди пойми, кого жалеть: то ли планета сирота и уродуется жителями, то ли люди – нищие и кое-как выживают на скудном подаянии...

– Просто у них все иначе, – Милена урезонила себя и продолжила наблюдать.

Сейчас важно не допустить внутренней паники, способной перерасти в кромешное отчаяние. Рядом нет ни Черны, ни того, что должно было выделиться из Руннара после срыва шкуры. Их нет! Значит, или всех разметало бурей, или хуже, сплетенных в схватке бойцов унесло глубже... куда? А пойди пойми, если ты – лишь воспоминание о себе. Меньше, чем иллюзия. Тебя такой уже и не должно быть.

– Кто-то меня держит, – недоуменно признала Милена. – Но кто?

Ответа не было, и пока что пришлось отрешиться от того, что неизменно злило Черну – от бесконечного копания в себе...

Прибыли повозки посолиднее, из них выбрались важные люди. Эти не умели спешить или желали выглядеть именно солидно. Они гуляли по площадке, озирались, ничего не понимали и потому кивали медленно и веско. А еще – потели. Они все были в душе мелкими тварюшками и ведали страх, более того – служили своему страху, как хозяину.

Язык плоскости сделался понятен в той мере, чтобы воспринимать разговоры, ловить общую суть. Конечно, приходилось прилагать усилия.

Люди разбились на группки, бубнили разное и думали о разном, и боялись каждый своего.

Вот суетятся над телом расслоившегося. Все в одинаковых зеленоватых накидках. Щупают руку – пульс проверяют. Теперь зрочки... До толкового травника и тем более псаря всякому из «зеленых» – ну как Ружане до духовного уровня великана. Однако тут иной мир, и, скорее всего, в нем нет привычных способов лечения. Значит, расслоившемуся не помочь. Какое там, без толковых связей с миром нельзя даже понять причину беды. Во: отчаялись, накрыли простыней по горло, потащили в повозку. Ах, да, в машину.

Вторая группа. Одеты однообразно, при оружии. За порядок отвечают, тут и сомневаться не приходится. И пока что никакого порядка не наблюдают, как отчитываться перед хозяином – не понимают, а сами ничего решать не готовы. Фотографируют – это слово Милена поняла быстро. Что еще? Ждут звонка. Смысл весьма прозрачен.

А вот подкатали хозяева, пусть и не самые важные. Машина велика и плывет мягко, её пропускают на лучшее место, дверь распахивают, человека опекают, ему кивают так, что сразу понятно – кланяются... Быстро и негромко рассказывают, сбиваясь на домыслы, пугаясь их и замолкая на полуслове.

– Это старый полигон, утилизация официально прекращена уже... – задыхается человек в сером.

– Кончай учить ученого, – морщится хозяин. – Короче.

– Нет отходов. Вчера были, сейчас – нет, – срываемся голосом выдавливает «серый». – Мы подняли документы. Это старый полигон, МКАД рядом, но тут 15 Га, понимаете ли, терриконы вот такие... были. По краю кое-что уцелело, а внутри... в середине, значит... в эпицентре...

– Не сипи. Тебе чего, чужого дерьма жаль? Или объявишь в розыск? – хозяин принимается похрюкивать смехом, выгадывая время и щурясь. – Так, фотографов убрать. Всю съемку – мне, срочно. Камеры наружного наблюдения есть? Вот, оттуда тоже изъять. У посторонних – подписку о неразглашении.

– Неразглашении... чего?

– Всего, идиот! – хозяин орет, выплескивая эмоции и заодно избегая ответа, потому что как раз ответа-то у него и нет. – Срочно!

– А след – как с ним?

– Какой след? – морщится хозяин.

– Вот, – серый указывает на глубокий отпечаток лапы Руннара, вдавленный в спекшийся мусор словно бы намеренно, в доказательство реальности неведомого. – Извольте видеть. Юрский период, типа...

– И как же ты с таким динозавровым мозгом до майора дослужился, – сочувствует хозяин. – Нет следа. Нет и не было. Всех убрать отсюда. Что за паника на ровном месте?

– А покушение на убийство? – серый указал в сторону тех, кого Милена мысленно назвала травниками. – Неопознанный человек, согласно опросу медиков вот – в коме. И во-он там, мы уже составили протокол, имеются – ноги... Две, парные. Предположительно мужские, ботинки сорок третьего размера, лейбл «панамы як», почти новые... Брючины две штуки черные, парные, классика... Прочие части тела и одежда на них надета... вся, что имела место... она и само тело, все это... предположительно съедено предположительным зверем, оставившим след.

– Сколько у тебя звездочек на погонах? – звереет хозяин. – Еще раз упомянешь муру, годную для идиотов-уфологов, сам сожрешь и погоны, и звездочки. Не предположительно, а реально. Тщательно прожевывая, понял? Кончай с пургой. Ноги к делу не пришьешь, тут полигон ТБО, оформи покойника, как бомжа... Причина комы второго бомжа не важна, он же бомж. Усек? Оцепить район. Я распорядился, вам окажут помощь. Убрать посторонних. Исполняй. Или есть еще вопросы?

– Н-нет. Никак нет.

Хозяин кивнул, нашарил нечто у пояса и потянул к уху. Зашагал прочь, тихо бормоча. Кроме Милены едва ли кто-то мог разобрать слова.

– Ну да, утро ранее, я на ногах, служу народу. И ты вставай, трудяга. Кто слезно просил место под застройку, да чтоб рядом с МКАД? Пляши, тут случай... особый. Надо кое-что срочно подчистить, сразу предупреждаю. Нет, никакого криминала! Так, чертовщинка размером в 15 Га. Пропал мусор с полигона, много мусора. Как раз под твой проект. Да, пятнадцать Га ничейной земли, интересный рельеф и МКАД видать без бинокля. Нет, не так... Ты плохо слушал или не проснулся! Хозяева у полигона есть, это само собой. Только они пока не в курсах, что мусор сгинул... Вот и прикинь, сколько они приплатят тебе за право избавиться от обузы. Сейчас позвоню куда надо, их порезче напрягут, хотя они и так в напряге. Экологи всегда готовы в бой, прокуратура подключится, если что. Ну вот, проснулся: именно, тебе первому звоню, цени и соображай, часики тикают. Вас много, а чертовщинка – штука эксклюзивная, на моей памяти такое везение прет впервые. – Человек остановился, его шея забагровела от притока крови. Убедившись, что чужих рядом нет, он заорал в полный голос: – Идиот! Какая на хер радиация, какие, к лешему, обдолбанные пришельцы на блюде с голубой каймой? Кому нужен гребанный мусор? Да найдись такие, я расцелую их в жо... – Хозяин замолчал, поправил ворот. Захрюкал смехом. – Если и так, не нам тут жить. Вот и молодец. Но, сам понимаешь: успеешь почистить до полудня – ты в шоколаде. А просочится дерьмо – и все, и накрылся помоечный город-сад... Я не волшебник, мало ли кто прилетит в голубом вертолете и мало ли, какое кино закрутит. Да. Да. Вот теперь ты в теме. Ну, бывай.

Важный человек чуть помолчал и другим тоном стал давать указания новому собеседнику, мелкому и подчиненному: говорил без уважения, грязные слова мешал в речь густо, ответов не слушал. Милена устала от выслушивания малопонятной беседы. Здешние ловкачи ей не важны. Жить в этом мире бывшая любимая ученица самой Тэры Арианы, несравненной предсказательницы, не собиралась. Плоскость для вальзов – место гиблое, тут дар тускнеет и постепенно гаснет, жизнь делается коротка, а возможность возврата домой сокращается с каждой новой ниточкой-связью, растающей в здешнее бытие.

– Черна...

Звать с надеждой ту, кого Милена никогда не полагала подругой, было неприятно. Хотелось отомстить неугомонной воительнице за свою собственную глупость. Какой ядовитый вьюн пророс в душе? Чем отравил, чтобы она, Милена, безоглядно бросилась в чужой бой? И ведь как глубоко прирос! Заставил все спланировать: пробраться на поляну, прятаться в зарослях краснобыльника, унижаться перед мальчишкой Вростом, уговаривая добыть из кладовой дуффовый плащ... Если бы Черна не повредила руку, уговаривая буга встать под седло, если бы не принесла забытые Миленой в замке вещи, если бы ушла и не вернулась, оставив в лесу, если бы...

– Черна! – второй раз звать было еще противнее, потому что, помимо злости на себя и воительницу, отчетливо чувствуешь страх.

То, что Руннар не игрушка Тэры, а изнанка дорогого хозяйке человека, знала до боя, пожалуй, лишь Милена. Она сопровождала первую даму севера в поездках, она была рядом, когда Тэра отходила ко сну и пробуждалась, она выпускала зверя на прогулки и подзывала утром, когда он являлся из леса мокрый, пахнувший чужой кровью и свежим соком, добытым из взрезанных корней. Многие годы наблюдений позволили заглянуть за занавесь тайны, отдернув самый её краешек... Руннар был изнанкой, перевертышем. Сохранять для него подобие жизни не имела права даже Тэра с её положением хозяйки замка и первой дамы севера. Эта тайна могла стать поводом для торга с хозяйкой, и потому Милена берегла её на самый крайний случай, не делаясь ни с кем столь ценным сокровищем. И вот – добереглась.

Черна помогла уйти достойно, не стать в глазах людей замка смешной, слабой. Отплатив ей за помощь, Милена намеревалась получить выгоду, выторговать после победы воительницы

прежнее место у правого плеча Тэры, а в придачу и огниво в наследство. Увы, дело обернулось вовсе криво. То есть Врост нащупал корень, как ему и было велено. Милена прорвалась в круг боя, успела выкрикнуть главное и даже осознала, что Черна её слышала, приняла совет, а потом... Потом спайка достигла полной глубины и оказалась коренной. Такая разрушит любые планы, порвет мир надвое – и не растратит всей силы... Все пошло криво.

Милена отбросила задумчивость, внимательнее озираясь. Её, невесомый клочок сознания, уносило все дальше от гнилой мусорной кучи, от суетливо снующих людишек. Подобно прилипшему к подметке листку, Милена оказалась накрепко склеена с телом расслоившегося человека, как раз теперь увозимого в машине, тревожно посверкивающей синим глазом вспышки. Примерно там же, у крыши, болталась – по собственным ощущениям – и Милена, презрительно и брезгливо наблюдая, как люди в зеленом творят глупость за глупостью. Колот иголками обездушенное тело, толкают сплетенными руками грудину...

– Значит, и его утащило в спайку, – пояснила Милена самой себе. Заорала на суетливого человека в зеленом, срываясь и прекрасно зная, что её не услышат: – Идиот, ему и псарь не поможет, душу выдрало, а ты занят телом!

Человек вздрогнул, на миг замер, вслушиваясь, но сразу встряхнулся и устало потер лоб тыльной стороной руки. Сообщил напарнику, что смена длинная, он чертовски устал. Соснуть часок – вот предел мечтаний, а то в ушах звенит, самочувствие такое, хоть сам на носилки падай...

Болтаться грязной тряпкой на ветру было противно. Безделье донимало, отступившее было отчаяние подкрадывалось ближе и ближе. Милена устала смотреть, как местные люди занимаются лекарством. Их умение походило на то, что доверяется травникам: воздействие на тело с помощью вытяжек, растворов и смесей. В некотором роде подобные мастера могли повлиять и на сознание, но сложные связи с миром они не понимали, и, соответственно, не брались восстанавливать их или разрушать. Скучая и опасаясь своей скуки, Милена следила за людьми, относя их опыт травников к уровню чуть выше среднего, а понимание строения тела... пожалуй, даже выше среднего, если сравнивать с ничтожеством вроде Ружаны.

От одной мысли о рыжей бабенке скука пропала, захотелось рычать и ругаться. Милена мысленно встряхнулась, прикусила нижнюю губку – ей это шло. Чуть унялась и отвернулась от расслоившегося человека, всматриваясь в местность и тех, кто её населял. Людей вокруг было не просто много – они кишели, как муравьи. Зачем так тесно селиться, имея технологии, разум и относительно неплохо развитые средства связи, Милена не поняла, но решила принять это, как данность. Может, здесь подобное считается достойным способом жизни. Мало ли, как развивался мир, каков он вне доступных обзору мест. Хорошо уже то, что вокруг люди, не чуждые видом. Да и солнышко приятное, без бешеной яркости с отливом в синеву или унылой сумеречной бурости. Небо неплохое, пусть и более блеклое, чем дома.

– Как бы мне выбраться отсюда, – буркнула Милена, нехотя приняв как данность то, что на Черну пока не стоит надеяться. – Как бы добыть серебра, настоящего живого серебра... хоть пригоршню.

От сказанного сделалось пасмурно на душе. Полную пригоршню серебра за свою жизнь Милена видела лишь единожды. Двенадцать лет назад. Тогда Светл, еще совсем пацан, добрался до сокровищ кладовой, где хранилось оружие взрослых ангов. Ключ на видном месте остался случайно... почти. Кладовую запер, сложив там оружие, гостивший у Тэры второй анг зенита. Он был совсем старик, и он застал времена, когда зенит еще был таков, каков он и должен быть.

От мыслей о необходимости убраться ключ анга отвлекла, конечно же, Милена. Тогда она выглядела сущим ребенком, однако уже умела пользоваться выигрышной внешностью. Старик улыбался, баловал девочку сладким и охотно рассказывал о своей молодости – такова любимая

тема всех немолодых. Они всматриваются в прошлое, не замечая бед и созерцая лишь залитое солнечным светом счастье, увы, невозвратное, как и сам давний день...

Светл в единый миг сцапал запретный ключ и помчался, задыхаясь от счастья – сегодняшнего, горячего, детского. Теперь-то он дотронется до знаменитого клинка полудня! Говорят, более ста лет седой анг непобедим, а рудная кровь в его ладонях сохраняет упругую и грозную силу. Как же это желанно – коснуться, понять, проникнуться... Клинки порою тоже нуждаются в исцелении. Но нет в нынешнем оскудевшем мире ни единого мастера, способного выслушать гудящую сталь и понять хоть что в её нечеловеческих горестях и бедах. Отчего зарастает рыжим налетом руда, хранимая бережно и умело? Что затупляет, даже ломает неподдающийся в бою меч? Какая сила выворачивает его с удобной, вроде бы, рукояти?

Светл скользнул в кладовую и долго стоял, вздрагивая от озноба предвкушения. Он ждал, когда глаза привыкнут к скудному свету. Лишь затем мальчик отважился мелкими шагами подойти к стене. Он поклонился – сам так рассказывал – и осторожно тронул рукоять великого и несравненного Полудня, шепча слова прошения о разговоре.

Почему кровь земли, перелитая в форму клинка, сочла слова – обидой? Может, великий меч лишь казался молодым, лишь выглядел безупречно ухоженным, но в сердцевине был столь же стар, как и его воин, а значит, несколько сонлив и глуховат...

Полдень отозвался на слова резко и совсем не так, как ожидал мальчик: рука болезненно вывернулась, прирастая к рукояти и распространяя мучительную судорогу на плечо, спину, бок. Полдень пожелал подчинить чужака, не считаясь ни с чем. В первый миг Светл не понял намерения рудной крови, а затем ужаснулся и закричал. Собственная рука, сделавшись чужой, норовила перевернуть рукоять и нацелить острие в горло.

Когда старый анг вбежал, Светл уже булькал алыми пузырями, корчась на полу. Милена помнила картинку так ярко, что даже теперь испытала мгновенную тошноту – и сразу вспомнила сменившее её ледяное, зимнее отчаяние. Она желала не того! Всего-то вздумала проучить выскочку. Явившись к воротам Файена без вины и права, Светл с поистине лесной простотой улыбнулся хозяйке и проговорил, вычесывая пятерней травинки из бурых косматых волос: «Вроде, лечить я годный, так чего ж зазя время извожу? Учите».

Светл не показал себя первым среди бойцов, но душа его была широка и распахнута каждому, люди улыбались ему – как сама Тэра в тот первый день. Звери неуверенно переминались на лапах и прятали клыки, глотали рычание, чтобы снова блеснуть белизной зубов, но уже не как врагу или добыче, а как равному, от одних корней произрастающему в общем лесу жизни.

Милена чуяла, что для простой и вроде бы необоримой обаятельности Светла есть край, что за этим краем – пропасть, неведомая самому мальчишке. Чего она желала, подстроив шалость? Столкнуть Светла в пропасть, обречь на гибель? Нет. Скорее – крепко толкнуть, чтобы он пошатнулся и понял свое место – на краю! Чтобы узнал страх, порой очень важный... Чтобы не смел улыбаться всем и каждому, отнимая у первой ученицы внимание людей. Чтобы знал свое место! Жил и знал... а вовсе не умирал безнадежно и окончательно, скорчившись на холодном полу.

– Кончился наш день, – шепнул старый анг, пав на колени. Он погладил Полдень по лезвию, не ранящему знакомую руку. – Не стоило резать добрые корни. Пойди теперь их срести...

Анг виновато вздохнул. С нажимом провел острием по своему запястью, и Милена ощутила, как встает дыбом каждая волосинка на коже: Полдень кричал, и не слуху, а чему-то куда более глубинному, было слышно отчаяние рудной крови! Старик перевернул ладонь и плотно свел пальцы, в горсти стала копиться, набегая от раны, темная кровь. Она быстро густела и приобретала отчётливый сизо-седой отблеск. Анг дождался наполнения горсти и без спешки перевернул её над горлом Светла, плотно приложил к разрыву, хрипящему слабо, предсмертно.

Сник, устало облокотился второй рукой об пол. Искося глянул на Милену, вросшую в дверной косяк так прочно, словно нет ей иного места.

– Более не играй жизнями, не поняв себя, – жалостливо укорил старик. – Кто придумал, что если сила есть – души не надо? Мы ж не исподники, чтоб им и там не знать покоя, и сюда не найти тропы... Поняла меня? Ну, иди. Позови Тэру. Прикрой дверь и прямо теперь найди её. Сам вижу, не такого ты желала, затевая непорядок.

Указание анга Милену выполнила так быстро, что не могла позже вспомнить, какими коридорами бежала и громко ли кричала, разыскивая хозяйку. Зато, передав слова старика, она постаралась незаметно пробраться во двор, забила в щель меж корней старого дерева и до ночи пряталась там, из укрытия наблюдая переполох в замке. Ружана металась туда-сюда, неловко спотыкалась, подворачивала ногу и роняла горшочки с сухими корнями. Черна пару раз возникала, словно бы ниоткуда, рычала диким бугом, лезла в чужой ей звериный угол, за шкуру волокла псахов в покои анга. Спускался по главной лестнице Белёк, сосредоточенно и строго поджимал губы, распоряжался людьми, будто имел на то право – и его, хромого тощего недоросля, слушались.

Ночью Милену плакала в своем убежище, а дикие корни то ли в спину упирались и норывили выпихнуть, то ли наоборот, утешали и поддерживали.

Перед рассветом явилась Черна, прошла напрямки через двор, уверенно нагнулась – словно ей дано видеть сквозь корни – и выдернула первую ученицу из ее тайника. За шиворот, как неразумного псаха, поволокла, не спрашивая мнения и не поясняя своих действий.

Старый анг лежал на узкой постели прямо, неподвижно. Только глаза его, кажется, жили в прорезях пергаментных смятых век. Минуло немного времени с прошлой встречи, но анг уже погас, и это было – необратимо. Милену прежде видела умирающих и знала, как свет покидает тело, которому суждено вскоре остыть. Иногда зыбкое, неровное свечение человеческой души казалось восстановимым, среброточивые могли помочь, да и сама Милену просила – и дважды ей казалось, что добивалась понимания... Для старого анга просить было бесполезно. Он теплился, как угли, покинутые живым огнем, но еще не утратившие память о нем. еще взблескивал во взгляде словно бы издали, свет не спешил уходить и прощался с миром.

– Моя ошибка и моя вина, – едва слышно выдохнул анг, перемогая слабость. – Не тебе платить. Но... помни о силе и душе. Важно.

– Буду помнить, – запинаясь и ощущая себя мертвее уходящего старика, выговорила Милену.

Не падала она на подкосившихся ногах только потому, что за шиворот держала железная рука Черны. Не закрывала глаз, словно бы проколотых взором Тэры. Не могла замкнуть и ушей, упрямо воспринимающих неразличимое в иное время биение сердца старого анга. Все слабее и медленнее...

С того серого предутрия Милену избегала Светла. Парень выправился, утвердился в мире живых медленно и вроде бы через силу. Все последующие годы Милену не шутила с ним недобро, предпочитая даже Ружану за спиной парня – не трогать. Но замок довольно мал, и всякий взгляд на Светла, пусть случайный, оживлял в памяти тот день, когда Милену приобрела ночной кошмар, а будущий псарь едва не разучился улыбаться.

– Я так и не поняла себя, – пожаловалась Милену одному из людей в зеленых одеждах. – Плохо мне, понимаешь? Не мой мир, да я и в своем-то была вроде как – не в себе...

Человек сидел у изголовья больного и дремал, неловко прилипнув щекой к холодной стенке машины. На приснившуюся – наверняка он так полагал – жалобу не отозвался, лишь поморщился и завозился, норовя отгородиться от пустых разговоров.

Милену утратила интерес к людям в зеленом и снова взялась изучать мир плоскости, отчаянно и тщетно разыскивая живое серебро. Увы, никто не нес в душе значимую его толику.

Не всматривался в окружающих, не улыбался случайным прохожим, не провожал их непрощенным добрым напутствием. Люди муравейника держали свои души многослойно закутанными, словно сберегали скудное тепло в лютую стужу. Люди суетились, жили чем-то мелким, пустым в смысле корневого, главного для мира Милены, понимания.

– Плоскость, мир без ответа и привета... Я тут пропаду, – ужаснулась первая ученица, сполна осознав, что это значит – покинуть замок и оказаться наедине с собою.

Машина докатилась до той цели, куда она мчалась, пыхая синим огнем и разгоняя всех на дороге протяжным воем обозленного карга. Новое место совершенно не понравилось Милене. Тут слабые корни плоскостного мира дрожали и прогибались, сквозь них утекали одна за другой жизни, как капли влаги в ненасытный песок. И длилось подобное давно. Лекари боролись с бедой, но без толковых травников, без псарей и вальзов восточного луча они слишком часто не справлялись. Впрочем – Милена горько усмехнулась – теперь и дома нет годных вальзов. Восток встал на якоря. Королева преуспела в обретении права на это звание без корони и, значит, без учета мнения самого Нитля. Она свершила величайшую подлость⁷², и её поддержали тогда, полвека назад, очень многие. Даже анги зенита и прорицательница Тэра. Почему? Есть ли смысл искать ростки ответов в этом мире, если и в родном не удалось заметить их. Пять сторон было у света единого Нитля. Пять. Исконно и неизменно таков вершинный мир. Что поколебало его устой?

Тело расслоившегося устроили на кровати с колесами и покатали по безрадостному коридору, мимо одних равнодушных людей – во владения иных, столь же безразличных. Человека, чье имя Милена не знала, назвали «неопознанным», о нем без азарта посудачили: на бомжа не похож, а документов никаких; полиция не заводит дело, словно парень – привидение. Видимо, кому-то удобно таковым его числить при жизни. Хотя разве это жизнь? Сознания нет, пульс толком не прощупывается, температура тела медленно, но неуклонно понижается...

Милена тоскливо изучила убогий коридор, где обречена находиться, пока хоть что-то не изменится. Попыталась усилием воли переместить себя, на краткое время обрадовалась: получается! Но обнаружила, что упругость окружающего мира возвращает её на прежнее место.

Мимо катили кого-то, на лестнице сосредоточенно сосали дымные палочки. Ругались, сплетничали, примитивно помогали друг друга, чтобы так же убого отказывать или соглашаться... Безрадостный день тянулся болотной травой, намотанной на горло утопленницы, и Милена осознавала себя именно утопленницей, уже принадлежащей бездонным хлябям. Одно обнадеживало: в больнице, как называется нынешнее место, было много людей. По коридору то и дело проходят новые. Значит, надо продолжать искать. Надо заметить хоть одного обладателя серебра.

Ночь плоскости оказалась блеклой, природный мрак разбавлялся нездоровым фонарным светом, который превращал небо за окнами в тусклое ничто без звезд и глубины.

В больнице стало тише, людей в коридорах поубавилось. Милена изучила постоянных, одетых в халаты – слово уже обрело смысл, как и понятие «униформа». И вдруг – серебро взблеснуло во взгляде невысокой девушки! Милена сосредоточила на ней внимание.

Девушка была молоденькая, хрупкая, рыженькая. Она выглядела усталой. Вот полусонно пристроилась в коридоре, за столом. Поправляя пушистые волосы, лезущие в глаза, стала читать книгу, упакованную местными технологиями в «электронный формат». Так сказал один из врачей, здороваясь с рыженькой. Назвал её умницей и посоветовал не засиживаться

---

⁷² Коронь срастается с вальзом и наделяет его особым даром понимать и развивать в себе силу любого луча. Нынешняя «королева», которая носит на шее медальон прежнего короля, обещала срастись с коронью, однако в её прическе присутствует лишь вырезанное из мертвого корня подобие корони, не более того. Об обмане в общем-то догадываются. Но вслух заявила о своих сомнениях лишь Тэра Ариана. Прочие промолчали: слова прорицательницы сочли притязанием на коронь. И устали...

допоздна, дежурство-то заканчивается. Милена продолжила наблюдение и ей показалось, что серебро мелькнуло на миг в улыбке старика, обреченно хрипящего больным горлом в палате напротив стола рыженькой девушки. И снова поиск... Средних лет врач устало, отупело просматривал какие-то листки, он был отупевший от усталости – но Милена рассмотрела и в нем, сером от бессонницы, крохи серебра.

Трое. И у каждого серебра так мало, что надеяться не на что.

Милена обдумала варианты и выбрала девушку, как самую молодую и удобно сидящую: ее стол почти рядом с телом расслоившегося. Первое общение, если таковое удастся наладить, очень важно.

Чувствуя себя ничтожным семечком в потоке весеннего ветра, Милена обреченно врас-тала в мир, пускала корни, пробовала дотянуться до питательного серебра, ведь лишь оно имеет дар пробудить в сухом семечке – чудо роста, родство с миром.

Рыженькая вздрогнула, поежилась, быстрым движением погасила «электронный формат» и убрала в сумку. Прошла по темному коридору. Переделалась в тусклой комнате, изредка и без внимания поглядывая в небольшое зеркало. Сменила обувь и зацокала каблучками по коридору – все дальше от полутрупа, погруженного в кому. По лестнице вниз, через двери, коридоры, переходы... Милена ликовала, удаляясь вместе с рыженькой и примечая, как слабеет прежняя связь. Мир придвинулся, перестал походить на мираж. В нем теперь различались запахи. Вот скудная, болезненная влажность давнего дождя, смешанного со снегом. А вот мурашки серых капель испуганной мошкаррой облепили поверхность ветки – да так и остались плеснево преть...

Фонарей было мало, девушка спешила, рискуя подвернуть ногу на скользком, но шага не замедляла. По длинной аллее она добралась до дороги, огибающей изгородь неухоженного парка. Глянула на маленький навес возле фонаря – и вздохнула, почти всхлипнула. Вдали затихало ворчание большой машины, именно её и проводил разочарованный взгляд. Девушка пробормотала невнятно про автобус и дурацкое расписание, которое всегда нарушается. Добрела до остановки – так она назвала навес – и пристроилась в темном уголке, на краю скамейки, прижалась к стенке. Подтянула воротник куртки повыше, к лицу и замерла.

Милена величественно повела плечами и презрительно фыркнула: все это удалось представить очень внятно. Первую ученицу Файена дожидались всегда. Автобус, буг, карета – не важно. Она умела поставить себя так, что обреченно и огорченно глядели ей в спину, но не наоборот.

Мимо прошелестела небольшая машина, на миг залила остановку мертвым светом и сгинула в ночи. Все стихло. Прошло время, вторая машина проревела и скрылась. Девушка мерзла, спрятав руки в рукава и не делая попыток повлиять на поведение незнакомых людей. По мнению Милены это было глупо. Чужая неспособность устроиться в мире неизменно вызывала раздражение. Рыженькая молода, недурна собой и к тому же – травница, то есть по-местному врач. Не последний человек в их мире, уж наверняка.

Далеко, за изгибом дороги, наметился новый звук машины, и Милена затосковала. Так отчетливо увиделось: вот она выходит в свет, чуть щурясь и не уделяя проезжающим внимания. Делает движение головой, меняя узор волны длинных русых волос. И машина останавливается – это так просто! Но рыженькая не слушала советов, жалась к темной стенке.

Машина приближалась. В её нутре неприятно рокотало. Возле остановки машина резко замедлилась. По инерции она все же миновала фонарь и замерла поодаль. Сразу распахнулись все дверцы, ударил низкими басами сплошной грохот, ничуть не похожий на музыку. Наружу полезли люди.

– Медичка, сочненькая, – вроде бы разобрала Милена.

Все иные слова были малознакомы, но в общем-то не нуждались в осмыслении. Люди, изрыгающие эти слова в поток басовитого грохота музыки и хриплого речитатива пения, ни о чем не задумывались, они вряд ли могли и хотели соображать.

Рыженькая охнула, медленно, прилипнув мокрой спиной к стенке, сдвинулась по скамье. Наконец очнулась, рывком вскочила, побежала прочь от фонаря, машины и остановки. Ноги в узких туфельках подламывались на каждом шагу, забор был – враг, он мешал укрыться в парке. И дорога была – враг, она слишком гладко ложилась под башмаки преследователей.

В первый миг Милена не вспомнила, что её саму не видят и не чувят. Презрительно хмыкнула, разворачиваясь к недоумкам. Она все-таки была первой ученицей замка и даже Черна, затеявая вражду, сперва думала, а затем ссорилась – ну, когда оставалась в уме...

Преследователи миновали незримую Милену, проскочили насквозь то место, где она себя ощущала – и вызвали в сознании болезненный спазм чуждости мира, в котором творится вовсе негодное дело. Ознобом окатило понимание: в считанные прыжки эти твари достанут рыжую девчонку и порвут, изуродуют. Серебро иссякнет, корни только-только намеченных связей оборвутся! Едва отвоеванное право закрепиться в мире будет рассеяно, и под угрозой окажется существование самой Милены – даже призрачное.

Бывшая первая ученица смотрела, как рыженькую достают, сбивают с ног. Все происходило для привычной к бою и тренировкам Милены медленно – и неотвратимо. Непоправимо... Корни натягивались, сухо трещали.

– Пусть так, – Милена до оторопи напугалась своего же решения, принятого в этот миг. Даже понимая угрозу, она не отказалась от затеи. Иначе не вмешаться, а не делать ничего – тоже невозможно... – Вам хуже! Я не видела своего вууда⁷³ ни разу. Но пришла его ночь! Свободен!

Ужас схлынул, оставляя сознание окончательно ясным. Милена мысленно раскрыла ладонь и впустила в почву плоскости корень – черный, беспросветный. Корень врос в мир охотно, даже жадно. Тень побега, невидимого местным людям, упруго вскинулась, раскрылась зрелым коробом плода, извергла содержимое в ночь – и оно сразу прыгнуло туда, где надрывно визжала рыженькая и гоготали ублюдки, догнавшие её.

В следующий миг кричали, не помня себя, уже все. Фонарь мигнул напоследок и рассыпался крошевом стекла, рев музыки оборвался, словно срубленный топором.

Старая связь с телом, лежащим в коридоре больницы, натянулась с прежней силой и поволокла Милену прочь, не позволяя ничего поправить. Не было сил даже увидеть, чем обернется для здешних людей то, что первой ученице замка Файен запретила делать Тэра – под клятвой, без оговорок и исключений...

В темном коридоре больницы было смертно, отчаянно тихо. От собственного не-бытия хотелось выть на луну, зримую призрачной Милене сквозь стены, кроны деревьев и облака. Блеклую, пустую... То, что вызрело и вырвалось в мир, не могло бы сюда явиться в иное, сереброточивое, время.

– Они меня не видят, не ощущают кожей и наитием. Но как я могла подумать, что верно и обратное? – устало шепнула Милена. – Плоскость, по сути, нейтральна, тут силы света и тьмы, если упростить до предела нас и исподье, взаимно поглощаются. На уровне, доступном здешним людям, все примитивно, как они сами говорят – материально. Но это иллюзия, поскольку теперь нет сомнений: плоскость подвержена влияниям извне. Я влияю. Еще как влияю! Я представила себя там, у дороги. Этим я натянула нить внимания тварей и помогла им заметить рыженькую. Я в общем-то убила её... почти. Или хуже чем убила. Спаси меня серебряная лань,

---

⁷³ Вууд – в дословном переводе «подонки души». То, что есть в каждом, осадок со дна. Не обязательно он – зло, однако же, оставленный без контроля, он свободен от любых моральных тормозов и иных правил, законов мира людей. Вууд анга – чистая ярость и сильный союзник в бою. Вууд вальза порой – убийца этого самого вальза. Однажды Милена, отведав жабьей икры, слышала сонный шепот Тэры: старая прорицательница твердила, что Астэр мертв, а его вууд слишком похож на человека и носит личину первого вальза востока. Может стать, то был кошмар. А может, худшее из прозрений прошлого...

да во что же я вляпалась? Я ведь не хотела... совсем как тогда, со Светлом – я не хотела дурного. И теперь сижу тут, а мой вууд разгуливает по городу. Мой вууд. Тот, для кого смерть – наслаждение и лакомство.

Глава 11. Бэл. Долг старшего ученика

Нитль, слой мира возле последнего корня жизни Бэла, первого ученика Тэры Арианы, зарезанного ничтожнейшей из её учениц

«Слабаки мечтают о красивой смерти, на большее их всяко уж не хватает», – сказала однажды Черна, тогда еще девчонка лет двенадцати.

Давнее, забытое воспоминание вдруг проявилось перед внутренним взором Бэла ярче и притягательнее, чем видения грядущего, порою доступные опытному вальзу севера.

В двенадцать Черна состояла из острых углов и сухих жил, наспех, без аккуратности навитых на кости и плотно обтянутых смугловатой от летнего загара кожей. Волосы, остриженные под корень по весне, где-то еще топорщились щипанной травой, а где-то лежали, как зализанные. Прическа редко беспокоила Черну... В сущности, она считанные разы проявляла то, что прочим людям ведомо как беспокойство, сомнение в себе – смутное и подспудное, постыдное к высказыванию вслух и, тем более, – показу на общее обозрение. Вот и тогда Черна взбила волосы, повозив пятерней по голове. По-звериному встряхнулась: тоскливо стоять и ждать, пока кто-то насмотрится на картину, скучную ей и, следовательно, недостойную внимания приятеля.

Проявив еще толику терпения, Черна погрела ладони у живого огня замкового камина, сунула палец в ухо и покопалась там, сопя и жмурясь. Терпение иссякло. Черна повернулась к приятелю, насмешливо и в то же время сочувственно наблюдая, как худенький кривоплечий Белек – себя он помнил надежно, не приукрашивая и не обольщаясь – восхищенно вздыхает. Он прокрался тайком, чтобы насладиться созерцанием картины, что украшает стену над камином в главном зале замка Файен.

В рамке из узловатого жароцвета, обвивающего корнями крупные гроздья жар-камня, кипел непрерывный бой. Он длился с тех самых пор, как неизвестный ни Черне, ни Бельку мастер завершил соединение своего дара со своим же пониманием легенды о трагедии бессветной зимы.

В рамке великан – его мастер видел огромным, как и подобает, если верить глазам, а не сути – выкашивал сверкающим рудным клинком несметные полчища исподников, черных, прущих из мировых трещин. Нечисть, которую уж всяко считать было некому, изливала черную кровь, уродуя снег. Сонные зимние корни вздрагивали, со стоном пробуждались и яростно рвали чуждых, утягивали их вниз, вытесняли из Нитля. Но исподники лезли и лезли, великан был большой, но, как ехидно заметила не смолчавшая Черна, глупый: он ни на шаг не отступал.

Пропитанный кровью снег тяжелел, набухал тьмою. Коростой мертвящего льда он покрывал ноги великана сперва по колено, а затем, по мере развития боя, поднимался все выше, до пояса. Когда поражение делалось неминуемым, великан последним движением обращал лицо к небу, прощаясь с зенитным светом и веря, что серебряная лань спасена, ведь он отдал жизнь, значит, внес высшую плату...

Стоило отвести взгляд или моргнуть, как картина принималась повторять заложенную в нее историю заново, и Белёк смотрел с восторгом, примечая детали и отмахиваясь от гадких слов приятельницы. Тогда еще – не подруги, нет. С Черной все не просто, надо сперва заслужить право разговаривать с ней, затем удостоиться чести стать тем, кого слушают. Бэл, тогда еще Белёк, знал: иной раз хозяйка замка не добивалась подобного, наказывала ученицу – и наказание проходило впустую, не добавляя внимания. Тогда Тэра тяжело вздохнула, смущенно поджимала губы и приглашала Черну в каминный зал. Двери закрывались, и никому во всем замке не было ведомо, что творилось, когда хозяйка и ученица оставались наедине.

– Он жертвует собой во имя света, – обиженно возразил Белек, не оборачиваясь и не моргая, хотя усталые глаза слезились. Он желал всей душой увидеть еще раз последний удар рудного клинка. – Смотри, как он бестрепетно принимает удел воина.

– Безголовые от рождения и он, и этот... мастер картинный, – зевнула Черна и намеренно громко щелкнула зубами. – Пошли, что за интерес пялиться на гадость.

– Что тебе не по сердцу? – вскинулся Белек, в запале резко отвернулся от картины, нащупывая бесполезную в ссорах с Черной двухзвенную палку.

– Ого, эк рявкнул! Буги в лесу хвосты, небось, поподжимали... Не люблю оружие, – снова скривилась упрямая. Улыбнулась, враз меняя тон и настроение. – Но ты молодец, огрызаешься. А палку брось, рановато тебе хвататься за эту штуку, ушибешься. Сядь там. Хозяйке не убудет чести, если ты разок отдохнешь в её кресле. Я вижу, оно тебе милее мазни малодушного слабака. Живую рамку вынудили виться вокруг гадости. Прямо глянуть тошно.

– Почему ты смеешься над великаном? – отдышавшись и немного уняв обиду, уточнил Белек, стараясь не думать, как его накажет хозяйка за посягательство на кресло.

– Он не великан, а переросток.

Сидеть на бархатистом плетении наппы было куда приятнее, чем мечталось и представлялось. Травянистые многослойные подушки пружинили, чуть-чуть грелись от соприкосновения с телом. Носу чудился дивный запах утренней свежести, особенное зрение прорицателя обретало полную остроту, позволяло видеть внятно лишь то, что стало объектом внимания. Прочее делалось блеклым, размытым. Непокой в душе стихал, собственный недавний крик казался недостойным ученика славной Тэры Арианы.

Черна с маху шлепнулась на пол, скрестила ноги и подмигнула хитро, весело. Почесала затылок, подгоняя мысли и помогая им выстроиться поровнее.

– Настоящий воин не имеет права помереть, не исполнив дело. Этот придурок махал клинком и думал, как он дивно смотрится со стороны и как о нем сложат песнь или там – картинку намалюют. А должен был двигать дело, доверенное ему. Он ведь по природе – анг, так?

– Так.

– Для анга служение не подвиг, а смысл жизни. Этот слабак желал прославиться, а должен был наплевать на себя. Ну, не знаю... сбежать с поля боя, что бы ни подумали о нем зрители? Или еще что-то придумать. А он... он умирал принародно. Со стены замка смотрели, наверное, многие, иначе бы и легенды не сложили, так?

– Может и так.

– Должен был сбежать, даже осмеянный и непонятый. Найти толкового болотника⁷⁴, хотя эти лентяи, вроде, зимой спят и от боевых дел век за веком отлынивают. Еще должен был тряхнуть кого поумнее из западных замков: почему из безобидных складок ближних к нам миров вдруг поперли исподники? Кто не удержал границы? Найти их и по мозгам надавать изменникам, они ж отродясь о верности знают только одно: цену её. Ну, дальше что, – Черна нахмурилась, широкие брови сошлись у переносицы. – Дальше как получится. Крепко знаю одно. Помереть великан имеет право не ранее, чем это делается неинтересно для легенды. Потому что спасенные не бывают памятьливы, они ж вне опасности. Стоил бы он твоего внимания, был бы он настоящим великаном – он бы, пожалуй, подох в болотине или надорвался в горах, никому не заметный на фоне огней праздника победы.

– Тогда почему Тэра повесила в главном зале картину с этим... слабаком? – Белек запутался, не решаясь снова защищать могучего, плечистого великана. – Она поумнее тебя.

---

⁷⁴ Второе наименование для рудников. Вернее, все искатели руды живут в болоте, но не все болотники готовы стать лекарями для корней мира.

– Поумнее, чего ж спорить, есть такое дело. Не знаю! Чтобы видеть, чем история отличается от настоящей жизни, – пожалала плечами Черна. – Чтобы угодить мастеру, вдруг он приятель Тэре? Ну, или еще есть сто причин, откуда бы мне угадать верную, я не вальз ни на ноготь!

Черна вскочила прыжком, притомившись сидеть без движения. Хохотнула, подпрыгнула второй раз, выше. Неразличимым глазу движением отняла у приятеля двухзвенную палку, обиженно звякнувшую разок перед тем, как оказаться заткнутой за пояс. Черна уже подавала Бельку освободившуюся от оружия руку.

– Идем. Дался тебе этот слабак! Он совсем на тебя не похож, разве волосы одного тона. Ты гораздо лучше, ты думаешь о других, а он подыхает раз за разом, никого не спасая и никому не даря надежду. Это его и убивает, понимаешь? Не число врагов, а собственная пустая душа.

– Значит, по-твоему, он не герой?

– Он? Нет, точно, – серьезно заверила Черна, не глянув на картину. – Герой бы выжил. И пер на себе тяжесть дальше, сколько надо и через «не могу». Тащить непосильное куда труднее, чем красиво сдохнуть, понимаешь?

– Не совсем...

Разговор, эхо которого угасло много лет назад, напрочь стерся из памяти – и вдруг выплыл, проявился. Вернее, пригодился повзрослевшему Бэлу, первому ученику Тэры Арианы, честно умирающему на поле боя. Было так спокойно и просто закрыть глаза и уйти, исполнив должное, разочаровавшись в людях и даже отчаявшись. Сил нет, света нет, понимания происходящего тоже нет... Умереть уместно и даже здорово, так можно переложить дела на чужие плечи и не думать, велика ли тяжесть и дотащат ли её до цели Светл и прочие. Возможно, Тэра – а вдруг она уцелеет – однажды заказала бы знакомому мастеру новую картинку: старший ученик красиво истекает кровью на осенней траве, исполнив малый долг.

Свет души Бэла раздергался по лучику, он был совсем непрочно соединен со стынущим телом. Питающие душу корни подсыхали, хрустя и лопаюсь по волоконцу. Но совсем мелкие, тончайшие, еще держали израненное сознание у края небытия.

Смешно и грустно – вдруг понять, что оказалось важным в последний миг, что помогает цепляться и не сползть в пропасть смерти. Это не долг, не честь и не жажда славы, какое там.

Он набирал по весне лазоревые цветки, похожие на искру улыбки во взоре молодого неба. Он крался по ночному двору, вздрагивая от всякого шороха, чтобы положить цветы на подушку первой ученицы замка, пока та обходит стены Файена и проверяет, не задремали ли дозорные. Весна коварна, в ней чудится одоление тьмы и самой смерти, однако же, ночи длинные и мрак перед рассветом особенно густ, он хрустит серым ломким инеем, принимая самые разные следы... Корешок воспоминания натянулся, зазвенел и – не лопнул, живой и упругий.

Рядом вцепился в край другой корешок, такой же малый. Близ разлапистого дерева, в глухой чаще, озерко осколком неба лежало в оправе из корней. Маленький Белёк всякий день бегал и крошил хлеб старой рыбине, слепой, вялой, доживающей последний год. Зачем? Кто знает, если ответа не было и тогда... Но лес принимал бесполезное дело с пониманием, никогда не перегораживал тропку злыми корнями, не путал ноги травой, выпускающей режущие кромки. Что пользы миру от старой рыбыны, ожидавшей свой хлеб привычно и неблагодарно?

Два ничтожных корня полнились ознобной болью, скрипели и едва держали. Третий не желал крепиться в рыхлом песке умирающей памяти. Приходилось спешить и бросать в почву все, даже сокровенное и старательно забытое – почти постыдное.

Лишь раз он дрался один на один с первой ученицей и был избит нещадно, показательно. Он в какой-то миг отчаялся: противница не унималась, а Тэра дремала, не останавливая поединок. Но прибежала Черна, злая, как чер с откушенным хвостом! Вмиг оттрепала Милену, приложила Светла, хоть он-то попал под руку случайно... Черна не унялась, вlepила подзатыльник Ружане, а затем наорала на хозяйку.

– Ополоумела? Ослепла от своего прорицания? Да тут и вовсе дураку видать, не годен он драться с девками, жалостливый он, хоть бы раз заехал ей по роже, так нет – только блоки ставит. Я знаю, почему, да все знают!

Милена рычала от злости. Она упала навзничь в пыль и сразу попыталась вывернуться, отомстить. Нашупала любимый перстень с черным когтем, на время боя убранный в гнездо у пояса. Коготь ужалил Черну под ребра, обозлил окончательно – и левое плечо старшей ученицы с хрустом вывихнулось.

– Жалееет он тебя! Ладно, живи с двумя руками, хотя на кой змеюке руки, вот что мне неясно, – спокойно выговорила Черна и отшвырнула визжащую противницу. Встала, рывком выдрала из тела коготь-перстень, бросила подальше. Устроила на плече безвольное тело Белька и обернулась к хозяйке. – Погорячилась, признаю. Если меня и стоит наказать, то не теперь. Уложу его, псаря позову, опять же, подберут годные травки... Поверю, что жив и на ноги поднимется, тогда – наказывай.

Корень, хранящий память о Черне, оказался цепок и упрям, как сама воительница. Тот день помнился в подробностях, богатых болью и удивлением, презрением к себе и неловкостью перед приятелями. Тот день казался последним, после него не стоило жить... но именно тогда мнение Черны о великане впервые показалось не лишенным смысла. Белек желал бы умереть, он бы уничтожен презрением первой ученицы. Но пришлось выжить, проваляться три ночи в бреду, а затем выйти во двор, ощущая себя слабаком, приволакивая большую ногу совсем уж неловко. Это было хуже смерти.

Корни воспоминаний натянулись струнами – но снова не лопнули. Взрослый Бэл все еще надрывался и цеплялся за жизнь, принимал себя негодным учеником Тэры. Тем, кому доверено место у правого плеча. Старшим. Это вынуждало брести из тьмы в жизнь, где нет великанов, а дело кто-то завершить – должен. Хотя бы потому, что тогда, после избиения, в первую ночь без бреда, к нему явилась Милена. Насмешливо сообщила: он трусливее дуффа... Сразу оказалась рядом и шепнула в ухо, что зализывать раны куда проще вместе.

– Бэл, ну постарайся. Большого нам уже не сделать, никак, – устало и без малейшей надежды шептал кто-то совсем рядом.

Голос звучал глухо, мир воспринимался кое-как, словно бы находился далеко, укутанный войлоком корней. Ползти по норе из небытия, преодолевать сопротивление этого шевелящегося войлока уже не получалось, силы иссякли. Корни памяти подгнивали и снова угрожали лопнуть, даже последние и самые, пожалуй, надежные. Но без Милены, Черны и Руннара жизнь замка висела не на нитке даже – на паутинном волоске! И Бэл полз.

К свету, в котором не замечал ни искорки серебра.

К боли, выжигающей сознание.

К жизни, лишенной смысла.

Бэл застонал, последним усилием воли вынудил себя распахнуть веки. День слепил зенитным яростным жаром. Встревожено качались ветви деревьев опушки – толстые, похожие на плоские лапы. К самому лицу склонился Светл, его волосы щекотали кожу.

– Время, – едва слышно выдохнул Бэл.

– Пустяки, всего-то один рассвет ты пропустил, – шепнул Светл. Дрожащие губы не желали складываться в улыбку. – Я не надеялся. Прости, я правда уже...

– Расслоилось время, – чуть громче шепнул Бэл, вслушиваясь в себя и мир, полнее сознавая неурядок, опасный и пока что непосильный для изменения. Вдобавок непонятный. Бэл поморщился и заставил себя уделить внимание простому делу. – Помогли сесть.

– Лежи, я поправлю подушки, – засуетился Светл, порывисто, быстро озираясь. – Тут такое дело... Эти, западные, хоронят Йонгара. Запорол ты его в одно движение, даром что он валзь границ, таких завалить без поддержки – нельзя. Хорошо, что ты вернулся. Очень даже...

Я совсем отчаялся, вот похоронят его, вернутся – и что делать? Милена как-то сказала, что я псарь и ни на ноготь не более, что таков предел мой. Я злился, а вот она права, понимаешь? Сейчас бы сам согласился, да еще поблагодарил за вразумление. Только нет ни её, ни Руннара, ни Черны. Сгинули. Никого рядом, один я оказался в ответе за замок, как такое вот выдержать? Я бы и тебя не вытащил, сил не доставало, а только буг удачно подвернулся, вот... В кои веки повезло заполучить такого могучего пса⁷⁵. Он пожелал даровать помощь, я бы не сговорил, буги – они вольные. Сами по себе... Откуда вот у Милены буг, тоже вопрос. Её буг, понимаешь? Молоденький, но крепкий, из леса он вышел без протеста, по душе ему идея пришлась, вроде так я вижу дело.

Светл бормотал и бормотал, иногда вытягивая «о-о» в словечке «вот» или обрывая на середине начатую фразу. Он, такой основательный, улыбочивый и сильный, ростом на полторы мужских ладоней выше Бэла – вдруг показался похожим на великана с картинки. Он готов был в любой день умереть во имя замка, он почитал Тэру равной серебряной лани. Но Светл совершенно не знал, как же ради этого замка – жить? Как принять бремя ответственности за все ошибки жителей замка и земель вокруг него, ведь не бывает решений без ошибок. Ровно так же не случается хозяев, которые вправе не платить.

Бэл слушал Светла, прикрыв глаза и привыкая к ноющей боли в груди, к ломоте в шее и куда более страшному ощущению пустоты ниже, где тело вроде бы продолжается, но ничуть не ощущается.

– Ружана?

– Позже, – попросил Светл, поперхнувшись вопросом. – Сам увидишь.

– Помоги сесть.

– У тебя не все ладно со здоровьем, – осторожно начал Светл.

– Я заметил, – криво усмехнулся Бэл. – Вот это – позже. Врост?

– Вроде бы глубоко в духе, не отзывается, – с сомнением выговорил Светл. – Угрозы жизни нет, я уверен. Его отнесли в замок. Я велел уложить в корнях большого дерева, ему без корней, без почвы – плохо. Тебя не трогали с места, тебе тоже на траве чуток полегче.

– Правильно, все правильно. Наши люди?

– Я отправил всех в замок. Готовиться, потому что мало ли, как оно с западными-то пойдет. Да и лес всколыхнулся.

– Немедленно найди людей Йонгара и потребуй, чтобы первый анг предателя явился ко мне, принял груз вины и сильную нашу поддержку при выборе воздаяния, – распорядился Бэл, радуясь своей способности говорить почти обычным голосом, внятно и без хрипоты.

– Что?

– Дословно повтори ему мои слова, понял?

– Нет, ничуть не понял... но исполню, – оторопело кивнул Светл. – Тебя надобно нести в замок, раз ты очнулся, там и стены помогают, родные они.

– Меня пока не трогай, рано. Тэра?

– Сидит... – Светл безнадежно махнул рукой.

Подушки наконец легли под шею должным образом. Теперь было возможно осмотреть луг до самой опушки.

Луговина полностью омертвела в границах, обведенных полусгнившим узором витого стебля, уложенного Вростом еще до боя. Черная трава полужидким киселем мокла на взбитой, истерзанной почве. Рваные раны земли покрывала короста плесени. Время, как и запоздал Бэл, накрепко расслоилось. Поздняя осень ломилась в отцветшее лето, пятнала бытие

---

⁷⁵ Псахи осуществляют взаимовыгодный обмен или бескорыстное лечение. Наиболее удобный для плоскости пример, позволяющий понять роль псаха – пиявка. Человеку польза, пиявке кровь. Одна из причин, почему подлинных псахов нет в плоскости – отсутствие псарей и договора. Ведь в плоскости лечение людей – неизбежная смерть для пиявки...

прорехой прямого лаза в исподние миры. Значит, Йонгар обманул дважды: не провел боевую границу, как обещал, а воздвиг на её месте предел, сминая мир и облегчая для вальзов королевы постановку севера на якоря... Предатель заранее в мыслях пожертвовал жизнями Черны, а равно и всех людей замка Файен, занятых в поддержании того, что выглядело границей боя. Но север остался свободным, корни не высохли, люди выжили. Потому что Тэра, затевая дело, не поведала временному союзнику всего. Первая дама круглого стола прорицателей, лишившись с годами друзей и поддержки, все же не проиграла. Она знала наперед многое – и подстроила остальное, потакая чужим слабостям и не предупреждая об ошибках.

Бэл поморщился от боли и вздохнул, поправляя свои рассуждения: Тэра Ариана Файенская не играла. Она спровоцировала интерес королевы к созданию спайки и указала точное время и место. Сделала это вроде бы под давлением, против воли, верша дело куда более опасное, чем игра.

Самые отчаянные и могучие вальзы не решаются на подобное. Теперь хозяйка замка телесно пребывала все на том же пеньке, который для неё услужливо подвинул Бэл. Сидела, оплетенная с головой. Корни тянулись из-под травы, от опушки. Кутали тело все новыми слоями, слабо шевелились, вздрагивали. Сохли, отмирали, выкрашивались, теряли кору – и упрямо ползли опять, зарастивая прорехи и восстанавливая плотность покрова. Корни полагали хозяйку достойной замка, и помогали ей, важной части свободного севера, оставаться в Нитле всей душой, чтобы двигать и дальше дело сохранения мира таким, каким должно ему быть.

Тэра взялась за непосильное человеку. Нитль заметил – и чуть изменил баланс возможного. Дал шанс. Не более – и не менее.

– Угроздило её пророчить⁷⁶ именно теперь, – поморщился Бэл. Чуть оживился и добавил: – а ведь не встали мы на якоря.

– Какое там, тропы все как есть выворотило, лес кругом непролазный, ни хода, ни выхода, – передернул плечами молоденький травник, оставленный Светлом при больном.

Собственно, травника Бэл заметил, когда тот заговорил. Нахмурился, коря себя за рассеянность. Внимательнее осмотрелся. Псарь уже бежал к опушке, торопился передать слова, сказанные старшим учеником и, вероятно, способные обезопасить замок от многих бед. Было почти смешно смотреть на суетливого Светла. Как он не догадался сам до столь простого хода в отношении свиты покойного Йонгара?

Ну, возмечтают вальзы и анги запада окружить замок Файен границей и отрезать от мира. Так ведь не их земли здесь!

Ну, объявят в полный голос о своем праве судить... так нет за ними права и правды.

Пожелают заручиться поддержкой окрестных селений, угольщиков потянут на свою сторону, о леснике начнут спрашивать? Или заведут разговор и похлеще, об ошибке Тэры и своем праве на огниво. Пригрозят всем вымиранием и ранней зимой. Разве это – беды? И разве они уже сбывались? Куда худшее лезет в глаза, если уметь смотреть.

– Где мой клинок? – заперезивал Бэл, досадуя на слабость шеи и узость доступного обзору сектора поля.

Травник виновато вздохнул и показал взглядом в сторону и вниз. Бэл поднатужился, чуть повернул голову. Улыбнулся: рудная кровь лежала у самых пальцев неподвижной правой руки. Никто не решился потревожить...

– Подвинь под ладонь, – попросил Бэл и уточнил для клинка: – пусть поможет, я так хочу.

---

⁷⁶ Пророки, как было уже сказано, меняют реальность. Они выходят в тот слой мира, где допустимы разные варианты бытия, и пытаются избрать годный. Можете спросить у них, что это значит – годный. Если застанете пророка в себе, а не в духе. Вот Тэра теперь именно в духе, безмерно далеко от тела, сознания, рассудка и прочего, вроде бы человеческого.

Травник побледнел и несмело потянулся, двумя пальцами коснулся краешка узора рукояти. Толкнул её выше, под безвольную ладонь. Бел ощутил жар и боль. Сразу ушла ледяная скованность, в спине шевельнулись горячие иглы. На лбу выступила испарина, дыхание участилось. Небо обрело цвет, звучание ветра приблизилось.

– Ружана держала нож в дикой грибнице, – виновато шепнул травник. – При ударе споры глубоко засеялись⁷⁷ в рану... Светл просил не говорить, только пользы в молчании нет.

– Дальше, чем теперь, они не пройдут, – старательно выверяя слова и тон, сообщил Бэл. Хотелось закрыть глаза и позволить себе отчаяние, но подобная роскошь пока оставалась недосягаема. – Дальше не пролезут... но ходить вновь мне едва ли доведется, это я понимаю. Благодарю за правду. Сядь там, мне тяжело напрягать шею. Расскажи подробно, чем завершился бой. Первое и главное пока что – предел, возникший вокруг боевого поля, он имеет непонятные мне параметры и мощность... Вдобавок, он посмертный.

– Нет, еще одна беда есть, худшая, – сдавленно шепнул травник, оглянувшись на опушку и убедившись, что Светла нет поблизости. – Ружана. Она не унялась тогда, содрала у хозяйки перстень – и бегом к замку, мы не поняли ничего, такое творилось... Не задержали, в общем.

– Понятно. Поэтому она не помогла мне сразу. Не со зла, я так и думал... Это и не плохо, это не худшее для неё. Ага, теперь вижу: ей невесть что наобещал Йонгар, среди прочего и место хозяйки Файена... Ради меньшего тихоня не предала бы Тэру, – поморщился Бэл. – Мне надо спешить в замок. Люди запада пусть ждут. Им воистину есть, в чем каяться.

– Я один не справлюсь...

Трава рядом с пределом зашевелилась, крупный бурый буг выбрался на её поверхность, встряхнулся, сбрасывая корешки с вычищенной шкуры. Все знают: буги приводят себя в порядок, зарываясь в мелких корнях. Луговина для них – любимое лежбище, к тому же разнотравье ценит возможность повозиться со шкурой, выбирая вместе с грязью семена и пыльцу дальних, неведомых, лугов. Взаимная выгода...

Буг протяжно завибрировал горлом, выпуская низкий, дрожащий звук. Глаза оттенка лунного серебра – а таковы они у всех псахов, даровитых в лечении – обратились к Бэлу. Буг улыбнулся широкой пастью, способной перекусить человека пополам, синеватый язык мелькнул и спрятался. Когти передних лап лязгнули, взрывая траву и натываясь на случайный камень. Волокнистые, моховые усы прилегли к морде и оплели горло, подчеркивая самые мирные намерения зверя. Ведь, как известно, буг топорщит усы на охоте и в бою.

– Красавец, – поразился Бэл.

– У-рр-м, – зевнул буг, шурясь.

– Седло тебе не идет, сплошная морока с ним, – посочувствовал Бэл.

– У-рр-м, – повторил буг.

– А без седла, просто по дружбе – отвезешь?

Буг улыбнулся шире, нырнул в почву, словно она мягче и податливее болотной жижи. Под спиной Бэла прокатилась волна, травник пискнул и невольно отстранился. Зверь вывернулся из травы прямо под седоком. Пополз из грунта. Заскрипели и ушли в мех хребтовые отростки, клацнули плечевые гребни. Бэла резко мотнуло в сторону, он ощутил себя тряпичной куклой. Буг зарычал, снова шевельнулся. Вывернул шею и щелкнул пастью у самого носа травника. Тот побелел окончательно, но пересилил страх, чтобы исполнить то, на что с долей раздражения намекал буг. Больного седока надо устроить удобно, затем подобрать нужные вьюны и помочь им, посадить на бурую шкуру и проследить, чтобы прижились.

⁷⁷ Споры грибницы, если их сразу не обезвредить, меняют в самом широком смысле тело, которое заполучили. Норовят его сделать грибницей. Или, по крайности, деревом, поскольку зимуют они охотно в мертвом, теплом от собственного гниения, пне. Очевидно, Ружана не стала обезвреживать споры. И молодой травник едва ли знает сам, до какой степени тело Бэла теперь человеческое и не развивается ли далее процесс одеревенения. В лучшем случае он сделает Бэла лесником, но для этого надо покинуть замок немедленно.

– К утру я приготовлю травы, какие следует, – забормотал юноша, очнувшись окончательно и вспомнив о долге человека замка. – Бэл, так удобно?

– Превосходно. Благодарю.

Буг двинулся к замку неторопливо, но даже такой его шаг вынуждал травника бежать, почтительно испросив дозволения держаться за складку закривка.

Со спины зверя мир выглядел для Бэла совсем по-новому. Шкура зверя прирастала к телу, вьюн терся о спину, кожа нестерпимо чесалась. Не чувствуя собственных двух ног, Бэл все полнее воспринимал буговы четыре и невольно, противоестественно для своего обреченного состояния, радовался. Лапы ступали широко, мышцы перекачивались под шкурой, чуткий хвост вздрагивал, шелестел иглами – и метался, ощупывая луговину.

– С ума сойти, – пьяно рассмеялся Бэл, неуверенно шевеля пальцами. – Теперь я верю в легенду о бугадах, которые срослись и делались счастливы... Мы – разум, они – сила леса. Почему однажды два наши рода, дружные издревле, распались?

– Люди не имеют права отдаваться дикой охоте, – напомнил знакомое каждому пояснение травник, пыхтя рядом и стараясь не отстать.

– Право мертво, оно всего лишь слово. – Бэл нахмурился. – Скорее уж мы, люди, перестаем быть собою, теряя власть над внутренним «я». Сплестись корнями могут лишь разные. Человек и буг дополняют друг друга. Но, теряя разность, они теряют и единение.

– Тэра гордилась бы вами, – осторожно предположил травник, не понявший ни слова в рассуждении.

– Если у неё появится повод к тому, то созреет и возможность, – рассмеялся Бэл.

Лапы буга ступали теперь по мостовой внутреннего двора, зверь принюхивался, поднимая шипы ошейника и звучно чиркая по камням иглами хвоста. Он был чужд людскому жилью и едва пересиливал себя. Он трогал каждое деревце, стараясь найти в нем родство и опору.

– Здесь горит живое пламя, горячее в самую лютую зиму, – утешил нового друга Бэл, глядя бурую шкуру и радуясь восстановлению подвижности рук. – Еще тут есть кладовые и глубокие подвалы с потаенными закутами, годными под логово. Тебе понравится. Можно, я назову тебя Игрун? Ты приятель Милены, а для неё игра всегда была важной частью жизни... Она кралась и охотилась всяким шагом и взглядом.

Буг не возразил, знакомо поурчал и вроде бы успокоился. Он уже ступал по винту лестницы, чутко принюхивался и шире распахивал глаза, горящие любопытством. Не только люди интересуются неведомым...

Кисточки на ушах буга вздрогнули, отмечая неприятный звук. Бэл покривился, соглашаясь. Чего уж хорошего? Ружана стонет, давится слезами отчаяния. Тихоня доигралась.

– Никто не мог и предположить, что она... – зашептал травник. – Светл так тепло говорил о ней. Мы все уважали, ученица самой Тэры, шутка ли!

– Скажи прямо: все не верили, что она такое исключительное ничто, – хмыкнул Бэл. – Прежде я не соглашался признать, что слабые жаждут власти более сильных. Сам не жаждал, хотя был слаб, да и теперь я слаб.

– Вы?

Травник споткнулся и остановился, цепляясь за перила и не делая попытки шагнуть в коридор, хотя буг дышал ему в спину. – Вы? Единственный, кого не перебивала наша Черна, с кем она – советовалась! Кому выковала клинок! К вам даже сумасшедшая Милена бегала плакаться и жаловаться...

– Надо же, – Бэл удивился чужим наблюдениям, почесал затылок и осмотрел послушную руку. – Паршиво, Игрун. Теперь нам не спихнуть тяготы на чужие широкие плечи. Меня, оказывается, давно признали способным ташить воз...

– У-рр-м, – презрительно рявкнул буг.

Никакие возы он, конечно же, таскать не намеревался.

По главному коридору от винтовой лестницы и до каминного зала оказалось всего-то десять крадущихся шагов бурого зверя. Буг первым сунул морду в щель открываемой двери. Заранее встопорщил усы, выказывая враждебность. Давно известно: сытый зверь не нападет на человека в лесу. Голодный и обозленный может забыть древний закон, допускающий наказание, равное или меньшее бремени вины людей. Однако даже самый яростный буг не прыгнет, пока не ощутит к тому дозволения – чужой слабости, отчаяния, страха. Человек остается на особом положении, пока не побежит и не закричит, в единый миг становясь дичью, законной добычей.

Ружана как раз теперь выглядела и ощущалась – добычей. Буг приоткрыл пасть, ниже припал к мрамору, сощурился на гневливое пламя. Прижал уши и продолжил текучее движение, приближающее его к камину.

– Игрун, здесь не кухня, – строго укорил Бэл. Поморщился и добавил совсем тихо: – Еще отравишься...

Ружана стояла на коленях перед каминной решеткой. Она, конечно же, примчалась сюда, еще по дороге устроив перстень хозяйки на среднем пальце правой руки. Она заранее представила, как все получится восхитительно и просто. Красивый жест руки, неопалимой в живом огне – одно движение, которое позволит дотянуться до блекло-черных камней, уложенных в чашу, венчающую каменный выступ в глубине камина. И вот сердце замка в ладони – податливое, готовое принять отпечаток руки новой своей хозяйки. Наверняка рыжая травница в мыслях уже не раз провела торжественный прием, определила порядок следования людей в свите: расставила слуг и учеников, ангов и вальзов. Всем надлежит войти в зал через южную дверь, чтобы увидеть огниво в ладони дамы Файена. Ружана желала встречать своих людей, сидя у спокойного огня. Прежде, чем покинуть зал, каждый должен был бы поклониться ей, назвать её хозяйкой, подтвердив клятву Файену и сохранив своё положение в замке.

Бэл сглотнул и задышал чаще. Он увидел несбывшееся так ясно! Он впервые сознавал себя взрослым прорицателем, способным запросто рассматривать разные варианты реальности. Этот – пустой, ложный. Обманка для Ружаны, кем-то поднятая из небытия и показанная в хрустальном шаре травнице. Следуя чужой лжи и своей жадности, Ружана предала. Ударила ножом – и без оглядки, не помня себя, помчалась за наградой. Рука травницы, очарованной ложными посулами, беспрепятственно дотянулась до огнива, приняла его в ладонь. Черные камни, перевитые алым стеблем жароцвета, показались ей похожими на воск, податливыми и пластичными...

Миг – весь замок Файен сделался тих, замерли деревья его обширных земель, вздрогнули псахи, насторожились люди, затрепетала и сникла трава. Бэл отчетливо прорицал этот краткий и безмерный миг отклика, заново постигал движения тела и души Ружаны, все полнее с каждым движением буга. Зверь подбирался к добыче, а человек на его спине нащупывал тропку в истине произошедшего в каминном зале.

Смежив веки, Бэл-прорицатель узрел, как пламя Файена расцвело злой синевой, загудело, цепко обхватило повинную руку травницы. Север не встал на якоря, не принял права на власть со стороны существа, ничтожного для бременя и чести быть хозяйкой. Живое пламя вцепилось в добычу, причиняя боль, но пока что не сжигая дотла... Тэра Ариана дышала и боролась, её первый ученик брел в явь из небытия, замок ощущал это – и ждал, не допуская разрушения своих стен или ущерба людям, лесу и его тварям.

– Ружана! – негромко позвал Бэл.

Прорицание отодвинулось, отпустило человека в явь. Бэл расслабил руку на шкуре буга, погладил шипастый загривок.

– Старый порядок жив, Ружана, понимаешь? Сними перстень, огниво не вещь, чтобы принадлежать. Я говорил тебе однажды: еще вопрос, кто кого выбирает – дайм⁷⁸ замок или замок – дайма. Отдай огниво и повинись. Ты все еще ученица Тэры, значит, ты под её защитой. С любыми своими ошибками.

– Не хочу сгореть, – Ружана смаргивала слезы и не разжимала пальцев. – Оно держит. Оно уже всё решило. Почему так? Я лишь исполнила волю королевы, я никого не предала! Зенит превыше любого иного луча.

– Это слова. Ты знаешь, что вес их ничтожен, – Бэл удивился детским отговоркам и продолжил мягко, словно говорил с ребенком: – Сердце и серебро – вот высшие мерилы, а зенит... он тоже слово. Тем более для тебя. Ружана, нельзя избежать последствий того, что ты создала, отравив нож и сорвав перстень с руки Тэры. Не сопротивляйся. Обещаю, худшее не состоится. Светл тебя не предаст, ему безразличны все твои ошибки. Я не держу на тебя зла. Тэра никогда не была склонна к мести. Ты останешься человеком. Я все-таки вальз, прими сказанное как... – Бэл неловко повел плечами, – прорицание. Первый раз признаю, мне это по силам.

Травница медленно повернула лицо, щели опухших век прятали глаза на редкость полно. Багровая кожа лоснилась от жара. Губы дрожали жалко, мелко.

– Я почти убила тебя. И не сожалею! Слышишь?

Тон сделался визгливым, отчаяние более не могло спрятаться. Бэл посмотрел в синее пламя, улыбнулся с окончательной безмятежностью, не понимая себя: отчего нет в душе и капли ненависти к жалкой тварюшке? Может быть, из-за пройденного пути. Он добрался в явь и изменился. Он теперь не тот мальчишка Белёк, который прижимал к груди корзину с рудной кровью и завидовал Черне. Жалел себя и страдал от несбыточности мечтаний: встать бы за правым плечом Тэры, глянуть на людей замка оттуда, с полным правом старшего ученика и почти наследника огнива!

– Все пройдет, – пообещал Бэл. – Я сгорел дотла, это не так уж страшно и совсем не вредно. Увы, ты не умеешь гореть... Значит, будем надеяться на лунную мать. Попробуй забыть хоть на миг о своей жажде, вспомни Светла. И помолчи! Порой слова забрать труднее, чем худшие дела и мысли. Ты привыкла прятаться за его спину, но ему-то ты дорога по-настоящему. Он тебе тоже, однажды ты сможешь понять это. Сними с пальца перстень и не держи сердце Файена в ладони, это дело не по твоим силенкам.

– Оно тянет! Я ведь сказала, оно тянет, не я!

Бэл сокрушенно вздохнул, погладил бурую шкуру зверя. Буг заворчал и нехотя приблизился к камину на полшага. Повернулся боком. Седок наклонился и перехватил живые камни сердца Файена с обожженной ладони Ружаны. Бережно уложил на прежнее место, в чашу. Снял с руки травницы перстень, вздохнул и нехотя нанизал себе на безымянный палец – так носят огниво наместники, а не даймы. Металл полыхнул, коротко жаля руку – и перстень сел по размеру.

– Рад прямому знакомству, сиятельный Файен, – наместник Бэл поклонился и позволил бугу попятиться от гудящего огня. – Ружана виновна и примет кару. Она будет молча обдумывать содеянное, не имея воли поднять любое оружие. Она не войдет в лес и не коснется души мира, покуда Тэра Ариана или новый дайм замка не примет окончательное решение совместно с тобою. Или покуда не будет искуплена ошибка.

Пламя медленно посветлело и улеглось на угли сонным зверем. Рука Ружаны повисла в пустоте, лишенная синеватых призрачных оков – и плетью упала вдоль тела. Травница хрипло охнула, покачнулась и завалилась на спину, теряя сознание. Тишина в зале проредилась, звуки смогли проникать из-за неплотно прикрытой двери. Бэл разобрал, как грохочут по коридору

---

⁷⁸ Принятое полное титулование хозяина замка. Существенно оно тем, что дайм – прямой держатель огнива. Семья дайма или дамы в обиходе могут называться тоже хозяевами или детьми хозяина. Но не даймами.

шаги анга – кто еще станет носить тяжелые боевые сапоги? Легкие башмаки псаря ступали беззвучно, но Бэл распознал его приближение по движению ушей своего буга. Именно Светл первым ворвался в зал, испуганно огляделся и бросился к Ружане.

– Жива?

– До пробуждения Тэры будет тише тихого, – пообещал Бэл. – Но жива. Если ты удержишь её, останется в замке и не выгорит.

– Благодарю, хозяин, – Светл поклонился, как старшему. Впрочем, он сразу исправил положение, позволив себе немного судорожную, похожую на гримасу, но все же улыбку. – Тебе чуть лучше? Превосходный псах, и откуда Милена раздобыла его? Ты тоже толковый вальз. Я передал послание дословно, вот первый анг свиты покойного Йонгара. Он тебя... услышал.

Рослый сивоусый мужчина солидно поклонился. Бэл едва помнил это хмуроватое немолдое лицо по прежней жизни – той, что оборвалась после удара ножа, отравленного грибами. Жило лишь ощущение: и тогда казалось, что анг слишком хорош для свиты западного лжеца.

Мелкие глазки сивоусого, светлые до прозрачности, заинтересованно прищурились.

– Наш Йонгар солгал и затем предал. Не знаю всех причин, да и мертвым – им простиительно сберегать тайны без наказания. Но обретем ли мы кару, позволяющую свите предателя стать частью свободного замка севера?

– Вы уверенно говорите устами всех людей Йонгара? И разве запад не свободен? – осторожно удивился Бэл.

– Я первый анг покойного, мне и отвечать за свои слова... А запад – разве не из наших лесов, пусть и следом за намеками вашей премудрой Тэры, выползла ядовитая идея ставить лучи света на якоря? Запад не унялся после истории с рассветным лучом и покусился на свободу севера. Без веских причин. – Анг повел едва заметной куцей бровкой. – Признаю, за моей спиной не самые надежные люди. Некоторые не совсем... молчаливы. Иные не вполне согласны с избранной карой. Но разве в зиму Файену люди не нужны так же, как нам – его живое тепло?

– Дать клятву возможно лишь подлинной даме замка, Тэре, – согласился Бэл, не позволяя себе улыбаться. Дар прорицателя кричал в полный голос: то, что теперь вершится, пройдет не без изгибов и теней, но обернется к лучшему. – Как первый ученик и наместник могу заверить, что Файен вас согреет и не отринет до того дня, когда хозяйка сможет совершить решение.

Глава 12. Милена. Нежданная встреча

Плоскость, Москва, вторая неделя ноября

Изучение местных людей по-прежнему оставалось единственным способом занять себя. Люди – они тот еще объект для наблюдения, независимо от мира и обстоятельств. Здешние теснились в палатах, толкались в коридорах. При этом их умение и желание общаться вовсе не впечатляло. Испытывая недостаток личного пространства и уединения, люди замыкались в подобие незримого кокона, и самый распространенный из обнаруженных Миленой был – равнодушные.

Целый день бывшая первая ученица следила за посетителями больницы, разбирая модели местного семейного уклада. Кто-то нес родичам вкусное – побаловать, иные шли с цветами и фальшивой бодростью, с шуршащими конвертами для врачей. Были и скучающие гости, эти явились во исполнение долга. Откровенно хищные стервятники выискивали на лицах больных признаки скорой кончины, ведь она – избавление от тягот ухода и право на имущество... Кто-то трещал без умолку, перерабатывая сплетни.

Милена смотрела, слушала и заражалась равнодушием. Зачем ей эти люди, их заботы и сложности? Надо искать выход из безвыходности, привыкнув воспринимать гомон и толчею – как фон. Это не её мир, не её замок... Хотя тут и замков-то нет. Мертвый город, составленный из бездушных сооружений.

– Он еще теплится, – отстранясь от окружающего, попробовала рассуждать Милена. – Расслоившийся тип не умер, сердце вон – трепыхается. Хотя пульс у него, да у всех здешних... Во: совсем мальчишка, протопал два этажа вверх – и готова отдышка. Все больные, точно. Но этот тип дышит. Тело пребывает в жизни, значит, душа закрепилась в каком-то ином слое. Во многом мы – люди – выживаем по общему закону. Нас могут держать незавершенное дело или родная душа, я исключаю из рассмотрения дар вальза, упрямство анга, а равно предназначение или старый долг. Этот плоский человек не происходит из настоящего замка. Силы в нем – на ноготь, и ту надобно поискать. Если его держит дело, я пропала. Но если человек... тогда где корни и узлы срастания? С-сволочь равнодушная!

Обругав тело за грехи души, Милена представила, как она хороша в задумчивости, когда крутит прядь волос и поджимает губы, трогая длинную шею кончиками пальцев. Кстати, почти все подсылы королевы или вальзов чужих земель узнавали от первой ученицы исключительно мало, зря Тэра Ариана кричала и норовила уязвить. Выведывать у красивых – сложно. Не доверять вызывающим доверие – непосильно. Зато сколько лишнего гости сообщали, какими тайнами делились, норовя повыгоднее «продать» свою значимость и заслужить внимательный взгляд. Йонгар сгоряча выложил все, что помнил об истории жизни Тэры Арианы.

Тэра очень давно, еще до начала бед с изъёмом востока получила основания не доверять западу. Из-за интриг Астэра, вальза востока, она вынужденно разорвала отношения с близким человеком, жившим в смежном мире. Тот мужчина не осилил законов Нитля, где цивилизации слишком мало, а угроза жизни каждодневна. Западные вальзы могли бы многое подправить, хотя бы наладить постоянную складку в тот мир – но предпочли не вмешиваться. Тэра лишилась сердечной привязанности, а заодно и ребенка: с собой нельзя забрать извне ничего и никого, если корни Нитля не примут, а связи прежнего мира не отпустят... Еще Йонгар смутно намекал на большую ошибку Тэры, которая по молодости поддалась очарованию Астэра, первого вальза востока – и подробно прорицала для него о личном и грядущем, да еще с вариантами, с развилками – что недопустимо.

Позже, когда бремя ошибок Астэра отяготило весь восток, вроде бы именно личная неприязнь подвигла Тэру к крайнему решению. Первая дама севера зарезала величай-

шего из вальзов востока. По словам Йонгара, даму Файена снедала беспредельная ненависть к востоку. Вроде бы Тэра потеряла из-за Астэра близких друзей... И вот что точно: именно Тэра, преодолев неприязнь к западу, взялась искать у его даймов помощи в постановке восходного луча на якоря. «Слишком многое запутано и оборвано, петли не разобрать, узлы не распутать. Надо рубить. Пусть новые люди начнут возвращать луч с малого проблеска», – вроде бы сказала Тэра, по крайней мере Йонгар именно так передал случайно услышанное им самим.

– Хоть бы этого слабака из плоскости не занесло к нам, – поморщилась Милена, всматриваясь в лицо расслоившегося и продолжая кропотливо выискивать корни, связующие его с миром. – Нет в нем большого огня, так себе теплится, без азарта. Любить не умеет, ненавидеть опасается, страхи копит и про запас держит в себе. Спаси его мать серебра, если в наш лес забредет и на корень наступит, даже у опушки. Или я сегодня строга? Обычный плоский человек. Для кого-то родной и важный. Вот он, корешок, ничуть не гнилой.

Позволив себе улыбку, Милена проследила крепкий корень. В мире рассловишегося человека держали не его дела и долги, хотя того и другого было в избытке, как у всякого живого. Кто-то ждал расслоившегося: тепло, но без надежды. Скорее с горечью...

– Кто умеет ждать, тот полезен мне.

Обнадежив себя, Милена постаралась зацепиться за корень. Проследить его, тянущийся вовне. Прочь из больницы, в недра многолюдного города, в хитросплетение бесчисленных судеб и случайностей.

– Чер!

Кто бы ни прирос к расслоившемуся, сейчас этому человеку было плохо. Но помощи он не ждал и не искал. Разочарованная Милена осознала свою неспособность покинуть больницу, скользя вдоль корня. Пришлось переждать огорчение, позволяя себе ругаться любыми словами, благо одернуть некому. А затем уговаривать себя запастись терпением, вспомнив прелесть удела ловца. Засада – это не скука, а развлечение. Рано или поздно сторожевая нить дрогнет, и тогда придет время действовать.

Вечер загустел на оконных стеклах спекшейся грязью, задернул шторы мрака, пряча нерадивость городских уборщиков. Милена приготовилась перетерпеть длинную ночь, унылую и даже тягостную в больнице. Люди спят. Только самым «тяжелым» нет отдыха. Кто-то перемогает боль, кого-то везут в операционную, врачи хотят отдыха и ничуть не настроены на активную помощь. Дважды в прошлую ночь Милена добиралась до приемного покоя, это на пределе дальности – и орала на врачей и больных. Те и другие раздражали неумением договориться и взаимно облегчить общение, а значит и лечение. Родственники врали, сами больные охали и закатывали глаза из-за боли, совершенно пустяковой по мнению первой ученицы. Врачи слушали, но не слышали, занятые своим... После крика положение ненадолго улучшалось. Врачи вздрагивали и принимались трудиться усердно, а больные прекращали заранее подозревать худшее для себя.

– Что я им, привидение по имени совесть? – проворчала Милена, покосившись в сторону приемного покоя. – Плевать на всех. Только и это не интересно, они меня не замечают... Тоска.

Корень вдруг дернулся резко, судорожно. Потемнел, готовый оборваться: Милена, снова выругавшись, ощутила сразу и свободу уйти от расслоившегося, и растущее отчаяние там, вдали. Если корень лопнет, иных надежных путей выбраться из неопределенного состояния – не будет!

Город поглотил бестелесную Милену, швырнул сквозь упругую ночь. Движение сводило с ума, осень студила душу ознобом фонарей, издали претендующих на роль звезд – и вблизи не представляющих собою ровно ничего.

Движение прекратилось болезненно резко. С некоторым запозданием Милена смогла осознать всю картину.

Покрытая сетью старых трещин асфальтовая дорога режет лес, вынуждая стволы у обочин выстроиться в две линии, словно они слуги. На дороге замерли черные машины, две – лоб в лоб. Третья зажата между ними, на её заднем сиденье всхлипывает при каждом вздохе худенькая молодая женщина. Рядом, вальяжно развалившись, сидит мужчина. Он одет – Милена уже усвоила местные правила – на деловой манер. Пальто смотрится дорого, на коленях портфель, на его плоской глянцевой спинке – бумага, белая, как лицо испуганной женщины. В пальцах мужчина разнообразно и стремительно перекачивает шариковую ручку, намекая на превосходное владение вовсе не ею, а ножом...

– Будешь жить сама, и пацана тоже отпустим с целым горлом. Поняла? Кивни, не охай. Подпиши и больше не спрашивай, где вам жить. Это не мои проблемы, я и так сегодня добрый. Нечего связываться с лохом. Он должен, мы взыскиваем. Ничего личного.

Мужчина еще что-то говорил скучающим тоном... Он запугивал жертву привычно, даже лениво. Милена его не слушала и почти не слышала. Вся картинка, доступная зрению людей плоского мира, перестала иметь значение.

Плоскость – особенный мир. Лезть сюда без выгоды для себя, даже ради спасения чьей-то жизни, едва ли стоит. Ложная простота четырех сторон света ограничивает восприятие так называемыми физическими законами, словно нет иных сфер, сил, красок. В дела плоскости не принято вмешиваться, не получив прямой к тому просьбы. Но сейчас на убогой дороге, в окружении голых деревьев, рожденных неподвижными, творилось дело, ничуть не относящееся к плоскому миру. И это позволяло и даже побуждало вмешаться.

Милена хохотнула, невольно подражая Черне, которую желала бы видеть здесь и теперь остро, как никогда прежде. Сквозь зубы само собою просочилось любимое словцо воительницы – «интересно». Бывшая первая ученица замка Файен повела плечами, делая важнейший шаг – в явь! И с наслаждением сознавая себя: телесную, способную ступать по твердой поверхности, производя звук и отбрасывая тень.

– Не зима, а вот – приперлись, – шепнула Милена, ощущая азарт предстоящего. – Важное дельце? Воистину никто не умеет быть верным в беде... кроме врагов наших.

Исподников было двое. Оба таились рядом с машинами, чуждые плоскости и незримые для её людей, которые по обучению и складу души – не вальзы и не анги, ни на ноготь.

Твари оставались невидимками, покуда Милена была далеко от них. Но с каждым её шагом исподники проявлялись все отчетливее.

Первыми запаниковали люди в двух машинах с горящими фарами. Рассмотрели – и ужаснулись. Истошно взвыл сигнал! Это один из водителей неловко положил руку, да так и не убрал. Второй принялся терзать стартер, хотя мотор и без того сыто шелестел на холостых.

Милена сделала еще шаг, разводя руки и по привычке прищелкивая пальцами в такт зреющему азарту. Исподники заметили её, опознали происхождение и дружно развернулись, приседая на мощных лапах с вывернутыми назад мосластыми суставами.

Правый и чуть менее рослый пробно взмахнул широким мясницким клинком. Левый присел глубже, делаясь одного роста с Миленой – и выдохнул звучание, вмиг погасив фары, моторы, даже фонари на опушке, далеко...

Мужчина в роскошном пальто вдруг завизжал и пополз из машины на четвереньках, бросив портфель, бумаги, ручку. Если у него и было оружие – что толку? Не оружие ведет бой, а исключительно воин. Худенькая женщина плотнее обняла ребенка – его Милена заметила лишь теперь. Бежать женщина не пыталась, она, кажется, была так окончательно запугана своим собеседником, что новых «гостей» не смогла испугаться еще сильнее. Судорожно огляделась – зрачки огромные, делают весь глаз черным, бездонным. Много раз облизанные, потрескавшиеся и покусанные губы шепотом выговорили нечто едва слышное. Уставившись на Милену, женщина заподозрила именно в ней спасение из смертельной ловушки. И снова

зашептала, смаргивая слезы и бережно обнимая ребенка, слишком маленького, чтобы понимать и бояться.

Минуя последнее дерево, Милена тронула сонную, неотзывчивую кору, провела пальцами по стволу, рванула годную ветку. Та удобно легла в ладонь – и ученица Тэры рассмеялась. Даже неподвижный лес плоскости остается лесом. Если попросить умеючи. Ветка вздрогнула в руке, вытянулась и заострилась. Рослый исподник пружинисто качнулся, взметнулся, используя всю силу лап! Он сразу перемахнул машину и атаковал первым.

Он желал дать напарнику шанс подготовиться. Милена не стала уклоняться, чего от неё ожидали, упала вперед и влево, пропуская когтистые лапы в опасной близости от шеи. Когти лязгнули, промахиваясь всего-то на ширину пальца. Древесное копьё послушно изогнулось, как советовала рука – и вошло в плоть исподника у хвоста, на стыке броневых пластин. Тварь завизжала, пропахивая мордой жухлую листву все дальше от дороги.

Тварь дергалась и выла, не имея сил освободиться от тонкого копья, уже целиком вошедшего в тело, жадно пускающего корни – чтобы вырваться из плоскости в ином слое, чтобы жить там настоящей жизнью подвижного и сильного дерева.

Не тратя ни крохи внимания на поверженного врага, Милена развернулась ко второй твари, поморщившись от мгновенного сожаления: запасного копья нет, а ломать взрослого кэччи⁷⁹ голыми руками – та еще работенка. Причем для анга, а она-то не анг.

Широкий тесак вспорхнул невесомее пушинки, по дуге пошел вниз, подсекая под колени и доказывая: гибель напарника дала время подобраться опасно близко к противнице. Милена взвилась в прыжке, перекатилась по крыше машины и, не останавливаясь, скользнула к лесу по другую сторону дороги. Словно в насмешку над усилиями, оба ближние дерева оказались мертвы – под пальцами ощутилась лишь осклизлая труха, кора со скрипом подалась, оставив в щепоти клочок расплзающегося мха. Щека впечаталась в грязь полужидких, гниющих листьев. Запахи мертвого леса, выхлопа машин и сернистого присутствия исподья смешались, запершили кашлем в горле.

Звук когтей по металлу отметил момент, когда кэччи перемахнул машину, преследуя противницу, не давая ей передышки. Пришлось с разворота змеёй утекать под днище, радуясь, что машина высокая, а не как многие иные, замеченные близ больницы – почти скребущие брюхом дорогу.

Кэччи лязгнул промятой крышей: попробовал затоптать и придавить. Милена оскалилась, выкатываясь на дорогу, сознавая мгновенную беззащитность. Взгляд шарил, выбирая годное дерево...

Перед глазами внезапно обозначилось нечто пушистое, светлое. Оно мелькнуло проблеском неожиданной надежды – и сгнуло в цокоте крошечных колокольцев... Кэччи истошно взвыл, запахло паленым, потянуло дымком. И только тогда сделалось понятно, что именно удалось заметить.

– Серебро? Откуда в их мире лань? – едва смогла выдохнуть Милена.

Время сделалось видимо и медлительно, как пар дыхания в стужу. Холод облил спину – это исподье утекло к себе, оставив след изморози на асфальте, где запеклась темная кровь. Шало встряхнувшись, Милена села и долго смотрела на свои руки, упертые в грязь, дрожащие. Победа досталась ей случайно. Победу ей, в общем-то, подарили. Только – кто? Бывшая первая ученица Файена глубоко втянула ноздрями воздух, улыбнулась миру, признавая: я живая, мне хорошо! Села удобнее, откинулась на борт машины, глядя в мутное небо, не умеющее быть глубоким и темным. На опушке затеплились один за другим фонари. Ветерок пригнал

---

⁷⁹ Твари исподья подразделяются на ранги в иерархии, их внешность и даровитость прямо связаны. Повышение ранга дает и смену облика, тут исподники ничуть не схожи с людьми. Кэччи – один из самых массовых и примитивных рангов. Они созданы для боя, довольно тупы, но сила их лап велика, а страх из их сознания выжжен волею хозяина.

запах сырости. Сигнал жалобно охнул – и затих окончательно. Фары наоборот, мигнули и разгорелись – сперва мерзким фиолетовым, а затем еще более паскудным мертво-белым. Досаду на фальшивый свет, спрятавший промельк истинного серебра, Милена нашарила камень. Встала и прошла вдоль машин, без спешки разбивая все стеклянные бельма на их мордах. Восстановив ночь в правах хотя бы вблизи от себя, Милена осмотрелась.

От кэчки, само собой, остались лишь следы их боевого соприкосновения с предметами плоскости – вмятины на кузовах, царапины на дороге, трещина через все лобовое стекло ближней машины. И еще – изморозь.

В дальней машине за рулем по-прежнему сидел водитель, и глаза имел такие круглые и яркие, что Милена с долей сочувствия спросила у парализованного страхом мужчины:

– Обделался?

Звучание собственного голоса показалось искаженным, но не лишенным мелодичности. Ускользающе малая хрипотца украшала нижние нотки. Утратив интерес к водителю, Милена шагнула к средней машине, зажатой меж двух больших. Села на то самое место, с которого не так давно уполз на всех четырех трус в шикарном пальто. Внимательно изучив по-прежнему белое лицо и огромные, во весь глаз, зрачки, Милена улыбнулась женщине. Обдумала предстоящий разговор, сгребая единую кучу из потенциально годных слов. Старательно выговорила их все на местном наречии:

– Пасиба. Ты дела... делала сирибро? Как делала? Харашо делала...

– Нет у меня серебра! – всхлипнула женщина, с отчаянием глядя на Милену. – Господи, ну почему всем от меня что-то надо! Ничего у меня нет! Ничего! Даже дома. Я подписала эти бумаги, я трусливая дура и все подписала...

– Бу-ма-ги, – напевно повторила Милена, исправляя выговор. – Ничего не нада. Ты не дура. Ты харашо... Чер! Мы с тобой – хорошо делали. Сделали. Справились. – Она рассмеялась, нагнулась и подобрала портфель, а затем и бумагу. Порвала её в мелкие клочья, подмигнула и еще раз улыбнулась. – Все слова знаю. Медленно привыкаю говаривать. Выговаривать. Меня зовут Милена. Ты меня вручила. Выручила? Я тебя выручила. Все хорошо. Все сзади... позади. Моно плакать. Мож-на кричать. Можно страхаться... бояться. Можно мне сказать, что плохо. Нужно сказать.

Женщина слушала очень внимательно, кивала каждый раз, когда Милена делала ошибку и исправляла её. Постепенно ровная речь и особенно то неречевое, что доступно вальзу, что пряталось за словами, возымело действие. Напряжение позы ушло, руки женщины расслабились, согрелись. Бледность сменилась более здоровым тоном кожи. Женщина позволила себе прикрыть глаза и помолчать, слушая ночь и не опасаясь её звуков.

– Я Маришка. То есть Марина. Они отобрали сумку. Вломались и... То есть, я открыла, ведь их привел участковый. Они ввалились, все обыскали. Забрали паспорт. Ключи, телефон, карточку... все забрали. Потом я подписала дарственную на квартиру. Прямо когда ты появилась. И нам с Мишкой некуда идти. Совсем. И Влад пропал. И...

Милена красиво взвела бровь, прекращая поток жалоб, прорвавший плотину молчаливого, окончательного отчаяния. После нескольких попыток портфель поддался и открылся. Из него, перевернутого, высыпалось содержимое.

– Ключи? – предположила Милена.

– Паспорт. Телефон. Кошелек.

Маришка отрывисто выговаривала слова и рылась в вещах дрожащими руками, паникуя и всхлипывая от запоздалого, вторичного страха. Наконец она осознала произошедшее, резко выпрямилась, выпустив из рук свое имущество.

– Погоди... А эти, черти... Кто они?

– Кэччи, – Милена повела рукой и огорченно рассмотрела сломанные ногти. – Исподники. Если на ваш лад... Кэччи – вроде капитана, наверное. Плохо ловю... ловлю суть званий. Только один был большой военный. Все другое далеко. Неудобно брать... знания брать.

– Капитаны так не выглядят, – глубокомысленно решила Маришка, наконец-то поверив, что сын всего лишь спит, что ничего плохого ему не сделали. – Укол вот ему... Я испугалась.

– Спит, неглубоко, – Милена тронула пульс у челюсти малыша. Помолчала, всматриваясь в свет души ребенка, в течение силы. – Иногда глаза открыты, иногда закрыты. Утром будет здоров. Исподники не люди. Мы – люди. Они нас хотят занять... хапнуть то, что есть у нас. Нет слов в наречии. Или не знаю нужное. Враги. Ушлепки. Козлы. Сучий потрох. Говноеды. Ё...

– Ты где язык учила? – поразилась Маришка, пихая в бок очень по-свойски и показывая взглядом на ребенка. – Разве можно...

– Нельзя? Ладно. Но смысл точный, и выражение то самое. В больнице учила. – Милена покосилась на новую приятельницу и решила пока что не уточнять, почему оказалась сперва в больнице, а затем здесь. – Нам пора. Этот обделался, скоро очнется. Прочие свинтили, слабаки. Но уже возвращаются. Не хочу бить людей. Сегодня – не хочу.

Милена гибко встала, обгладила себя по бедрам и позволила один томный взмах ресниц при удачном повороте головы в профиль, несомненно замеченный и оцененный водителем, пусть по-прежнему парализованным. Маришка торопливо сгрела ценности в портфель и тоже выбралась из машины. Без возражений передала спящего Мишку новой приятельнице, о которой и знала-то лишь имя и сомнительное происхождение: «мы – люди»...

– Понятия не имею, где мы, – Маришка принялась заново пугать себя. – И эти... И они ведь не отстанут. И...

– Лучше бы ты была дура, – сообщила Милена. – Хватит думать, у тебя мысли сильно дрожат. Когда не думаешь, умеешь такое, чего я не могу. Серебро. Второго кэччи ты грохнула. Ты, не я.

Маришка выслушала молча, цепляясь за пояс и стараясь не отстать. В темноте она видела кое-как, шагала заплетающимися ногами неуверенно. Страх её не отпускал, вынуждал колени дрожать и подламываться. Милена двигалась неторопливо, свободной рукой поправляя волосы и ощупывая ткань рубахи, порванную в двух местах когтями кэччи. Почему она вошла в этот мир именно в ученической одежде для тренировок, понять можно: так сложился день боя Черны. Но оставаться в грязном и рваном теперь, посреди большого города...

До широкой освещенной дороги удалось добраться довольно быстро. Маришка за спиной принялась бормотать что-то про опасность ночного автостопа и жадность таксистов. Милена не мешала страхам чужого разума жить привычной жизнью, просто стояла на обочине и чуть щурилась, изучая редкие машины и тот свет людских душ, который она умела видеть. Одни люди давали слабый отблеск, поглощенные собой и отрезанные от мира коконом безразличия. Иные горели багрянцем страстей или теплились гнилой зеленью страхов. Кое-кто не давал даже искры. Годное появилось в крошечной машине, сразу увиделось ясно за лепящей звездой света фар. Милена повела плечами. Сразу истошно завизжали тормоза. Машина промчалась мимо, не в силах преодолеть инерцию движения, равно как человек за рулем еще не одолел силу тока посторонних мыслей.

Когда машина сдала назад и, наконец, замерла, Милена из-под ресниц глянула на улов: мужчина как раз разогнулся из низкого, на самой дороге лежащего, кресла. Молодой, а вернее – молодежавый. И семья у него есть, и в жизни все налажено, а проехать мимо, чтобы не лгать дома любимым людям – не смог.

– Позвольте украсить наш вечер бокалом... – он начал так честно и без предисловия, что сам запнулся от недоумения. Оглядел незнакомок, уделил внимание ребенку. Переменился в лице. – Девочки, у вас что, беда стряслась?

– Нам бы заесть чем сытным нашу беду, – рассмеялась Милена, ощущая приязнь к городу и даже плоскости в целом. Зеленые глаза теперь были опаснее болотного омута, человек тонул, прекратив сопротивление и, значит, делался до смешного исполнителен, податлив. – И еще нам надо время. Обдумать дела без спешки. Ясно?

– Трих дней в бунгало гольф-клуба хватит? – быстро прикинул «спаситель». – Дольше будет напряжно, девочки. А это... это и так есть по случаю, не требует оплаты.

– Вы сама доброта, – проворковала бывшая первая ученица Тэры, запихивая сопротивляющуюся Маришку в широкую щель двери, куда-то назад, за отодвинувшееся сиденье. – Милена, рада познакомиться.

– Александр Ми... – водитель смутился, послушно оббежал длинный капот, потому что на него смотрели и от него именно этого ждали. Склонился, целуя запястье и выговаривая имя туда, прямо в кожу: – Саша.

Разогнувшись, он оказался на голову ниже случайной попутчицы. Еще более смешался от внезапного понимания разницы в росте, кивнул, поправил ремень, вдруг пожалев о наличии немужественного животика и приняв, как бремя возраста, общую сутулую мешковатость своей фигуры, на беглый взгляд еще так-сяк, но вблизи уже вовсе не юношеской.

– Вам не холодно? – спросил он, придумав-таки тему для разговора. – Ноябрь, а вы без пальто, без... э-ээ... перчаток. Я сперва решил – спортивные сборы. Но ваша подруга плачет. И ребенок.

Милена молчала, задумчиво всматриваясь в тусклые глаза, немного подслеповатые, закрытые от подробного изучения бликующими стеклышками очков в позолоченной тонкой оправе. На дне глаз нечто копилось, причем давно и болезненно. Утянув человека в болото смутной приязни, вынудив исполнять важное, Милена и сама сделалась ближе к нему. Но двусторонний контакт не ладился. Мешали разность привычек и самого способа смотреть на мир. Хотя – зачем вникать? Пусть поможет разок и убирается. Милена поморщилась, глянула на Маришку. Эта женщина – среброточивая, нет сомнений. Она ужаснется и отшатнется, поняв, как грубо использован незнакомец. А беда-то у него сложная, весомая.

– И зачем мне это? – спросила Милена у себя самой.

– Что, простите? – Саша вздрогнул от звука голоса.

Ответ не имел смысла. Его и не было. Милена согрела на губах улыбку. Недовольно изучила очки. Мешают... Пришлось решительно удалить помеху и лишь затем нагнуться ближе, вдохнуть запах кожи, заглушенный чем-то вполне интересным, именуемым здесь «духи» и составленным не только из природных ароматов. Скорее из имитаций, мешающих не меньше, чем стекла очков. Поморщившись от раздражающих сомнений – нет понимания, нет и внятного видения – Милена поддела испуганно дернувшегося мужчину под затылок и коротко, требовательно поцеловала, втягивая его выдох и наконец-то настраиваясь на полноценную, пусть и мгновенную, общность.

Саша невнятно вякнул, нащупал край дверцы, облокотился на крышу машины, моргая и бестолково крутя в свободной руке оправу очков.

– Так, теперь вижу, – шепнула Милена, забавляясь тем, как человек пятится от неё, вдруг осознав странность происходящего. – Не люблю признавать, я слабая гадательница... прорицалка? Не вижу вперед. Вижу вглубь. Ты... скажу так: семья хорошая. Давно, десять зим. Сын... да, старший сын. Болеет. Врачам много носили этих – в конверте. Они обещали. Все обещали, все ввали, они же врачи. Не исправят. Не тело болит, душа. Всю семью хотят на корм пустить. Женщина, вижу внятно, красивая и... сука. Тебя хочет, машину, дом, огниво... место хозяйки. Ты поворотливый, сразу остановился на мою улыбку. Тогда тоже поймала на улыбку. Ловчая она, злая ловчая тварь.

– Откуда...

– Могу убрать прокол, еще есть сила в твоём доме, – поморщившись, признала Милена. – Пока благодарная, помогу. Пока малость в духе. Понял?

– Сколько? – теперь уже поморщился Саша, отстраняясь и потихоньку, вдоль борта, отодвигаясь от подозрительной сверх меры попутчицы.

– Час? – задумалась Милена. – Да. Час. Еще важно: предупреждаю, та сука получит отдачу. И вторая тоже, которая взяла конверт и за деньги уколола... уколола.

Мужчина выругался, нагнулся и сунул голову в салон. Рывкнул на Маришку, спрашивая, в уме ли «эта чокнутая вымогательница» и заодно пробуя уточнить, на кого обе работают. Маришка стала что-то отвечать шепотом, торопливо и не вполне связно. Она еще всхлипывала от пережитого страха, но заодно виновато требовала не шуметь и не будить Мишку.

– Ладно, не верю, но вряд ли станет хуже. В мои дела вам так и так не влезть, – мужчина вернул на место очки и добыл из внутреннего кармана телефон. – Рита! Рита, вот только не начинай, ладно? Пацаны дома? Запихни обоих и пулей в гольф-клуб. Да, как раз туда. Да! Не знаю еще. Сейчас уточню номер бунгало. Нет, мать, я не псих, тут ты не права. Ночью мы не будем играть в гольф, вот тут ты права. Можешь хотя бы раз молча сделать то, что мне именно теперь важно?

Милена усмехнулась, слушая чужую панику и красиво опускаясь на сиденье. Захлопнув дверцу, она жестом подтвердила свою готовность ехать.

– Что я скажу ей? – бурлил Саша, ничуть не счастливый от того, чем обернулась мимолетная интрижка, так и не успев завязаться. – Что скажу? Боже, я будто во сне, это все глупо, куда я еду? Кого слушаю?

– Простите нас. Так неловко получилось, – залепетала Маришка, зажата в тесноте ничтожного заднего диванчика. – Милена, она... понимаете, она совсем особенный человек, и она...

– Твоя Рита не толстая? – деловито уточнила Милена.

– Нет! Моя Рита... черт, да что вообще происходит? Почему я все это делаю?

– Ладно, и так найду, во что переодеться, – передумала Милена.

Машина вильнула, Саша выругался и замолчал, утратив остатки душевного равновесия. Двигатель загудел злее, Маришка испуганно обняла Мишку, осознав скорость или рассмотрев из-за плеча водителя положение стрелки спидометра. Милена углубилась в изучение ногтей, обоих сломанных на правой руке и заодно всех остальных, испачканных, накопивших под пластинками мох, листовенную слякоть и грязь.

– Ты сказала – Влад, – припомнила Милена, полуобернувшись к приятельнице. – Твой мужчина? Мишка – его кровь, вижу.

– Влад пропал три дня назад, – кивнула Маришка. – Я звонила, много раз звонила, но мобильный молчит. Обычно я не звоню ему. Мы вроде как... В общем, он ушел от нас, ему так проще. Сказал, на время, много работы и Мишка шумит ночами... Мишка правда капризный, спит плоховато. В общем, потом мне ответили с его телефона один раз. И началось. Мне страшно, Влад...

– Не оправдывай слабака, я злюсь, – предупредила Милена, вдумчиво выколупывая щепку из-под ногтя мизинца.

– На душе три дня муторно, я бы и сама не поверила, а вот – тянет, – пожаловалась Маришка, вроде не разобрав совета. – Телефон выключен с пятницы. Боже, я ведь не знаю, когда стало плохо, я просто до того не звонила. А вдруг...

– Кэччи исполнители, – выдрал из-под ногтя щепку, сообщила Милена. – Что хотели с тебя... от тебя? Ничего. Им приказали: проткнуть плоскость там, где её коснется спайка. Убить человека. Было важно, чтобы он ушел в отчаянии, в зверином страхе. Не сладили. Влад не мертв. Тогда что? Тогда подумали про меня, про человека Нитля – тут? Так и было, да. Они решили: надо убрать корни, которые меня держат в мире. Отрезать надежду. Тогда я пропаду.

Тогда Черна, Руннар и заодно твой Влад – все в ничто, в пыль. Тогда вторичная спайка пробьет плоскость. Так?

– Что ты говоришь? – нахмурилась Маришка. – Не понимаю ни слова...

– Она не в себе, – уверился Саша. – Марина, вам бы держаться от неё подальше, эта особа – авантюристка.

– Пробьет плоскость, да. Так бы и стало, не устрой Тэра поединок за гранью мира, – нахмурилась Милена, не слыша и не видя ничего, ощущая настоящий страх и все быстрее шепча на родном наречии. – Тэра умнее всех нас. Она наплела кому следует намеков на кровь дракона в Руннаре. Обманом вынудила западных вальзов построить границу. Она знала, что ей лгут и что граница – не для боя, а для разметки севера под якоря. Да, таков был обман королевы. Но Тэра совместила спайку и бой, локализовав возмущение одной зоной. Руннарлова нерушимая шкура лопнула, хотя это и невозможно – но я верю в Черну... Ничего себе миро-трясение было! Наверняка расслоилось время, наверняка Тэра при смерти... И нам надежды нет? Не так. Пока что выбор Тэры единственно верный, мы живы, мир не рухнул в лютую зимнюю войну. Так? Не знаю. Должна быть первичная спайка, если эта вторая и все сказанное – не бред.

– Что ты городишь? – громче спросил Саша. Он как раз повернул с широкой дороги на узкую извилистую, сбросил скорость. – Что за язык?

– Тот, кто поставил восток на якоря, обманул всех! Самонадеянные вальзы перегрызлись за право на коронь, их анги – за место у престола зенита. – Милена прикрыла глаза, ощущая испарину на коже. Резко рассмеялась и добавила с проснувшейся злостью: – Непогрешимая Тэра – та еще лгунья. Прорицатели, ненавижу их дар! Жажду – и презираю. Вся их власть сосредоточена в несбывшемся, потому им посильно перевернуть мир. Но жалкая тварюшка Ружана способна зарезать её всемогущество Тэру, потому что не содержит значимых мировых переменных. В большой игре она – менее блохи. Для прорицания так мала, что блики на поверхности шара судеб её застыт... Но почему я здесь? Случайно ли это? Она выгнала меня при Черне и Бэле, при всех. Знала, что я постараюсь вернуться и полезу в бой.

– Милена!

Вздрогнув, Милена отвлеклась от рассуждений и обратила внимание на Маришку. Та уже покинула машину и даже осмелилась прикрикнуть. Сейчас тихоня как раз краснела от смущения и запинаясь, уговаривая простить и понять: неудобно заставлять себя ждать, тем более так долго.

Новое место оказалось весьма приятным. Мягкие изгибы дорожек, свободно растущие деревья, пушистая хвоя, сохранившая свежесть и прелесть даже поздней осенью. Дом вроде в два яруса, деревянный, с красиво скошенной неравноплечей крышей. На застекленной веранде теплый желто-розовый свет, тени густые, охристые. Блики пестрой попоной накрывают вторую машину, высокую и большую. В салоне сидит миниатюрная женщина – и ругает несчастного Сашу, который, бедолага, оказался без вины виноват.

– Это что? Конкурс красоты разразился в Сызрани? Или новая надежда чухонского баскетбола гоняет шары под кофточкой? Как ты мог, зная все, среди ночи поднять нас и заставить нестись сюда без малейшей причины! На что-то надеяться, спешить...

Маришка бочком подкралась к веранде, готовая отстаивать почти незнакомого Сашу и неизбежно огрести шишки от обеих сторон обиденного семейного скандала.

На заднем сиденье большой машины устроились два пацана, старший был совсем худеньким и длинным, Милена сразу подумала: он как переросток краснобыльника. Вздумал дотянуться до неба, но сил не рассчитал. Младший, крепко сбитый и круглоголовый, расти вверх не спешил, зато буквально светился настоящим, полноценным здоровьем тела и духа. Сейчас он успешно игнорировал перебранку родителей, вынуждающую брата бледнеть и прислуши-

ваться. Круглоголовый помахал рукой незнакомым тетям и дернул брата за руку, предлагая поиграть в машинки.

– Ты мог бы стать славным вальзом, – улыбнулась Милена, бесцеремонно забираясь на заднее сиденье и принимая у младшего из пацанов машинку. – Я ехала и думала: если все так плохо, как я увидела, отчего мальчик еще жив? Сделано без жалости, на смерть. Но ты держишь его. Ты сильный, пока что справляешься. Вот разгадка.

– Я буду машинным директором, – круглоголовый не желал делаться непонятым вальзом, – буду строить красивые машины.

– Такие? – уточнила Милена, рассматривая ту, что получила на время.

– Красивее, – «р» выговаривалась нехотя, но слова с этой буквой нравились пацану, он рычал громко и длинно. – Водородные. Летающие. И чтобы всем было весело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.